

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Въ банѣ.—Сирена.—Толстый и тонкій.—Женское счастье.—Альбомъ.—Случай съ классикомъ.—Страшная ночь.—Чтеніе.—Въ потемкахъ.—Аптекарьша.—Ораторъ.—Романъ съ контрабасомъ.—Вракъ по расчету.—Ночь передъ судомъ.—Дачники.—Броженіе уморъ.—Сонная одурь.—Тайна.—Метитель.—Заблудшіе.—Репетиторъ.—Симулянтъ.—Господа обыватели.—Отецъ семейства.—Неудача.—Экзаменъ на чинъ.—Счастливчикъ.—Средство отъ запоя.—Житейскія невзгоды.—Дорогая собака.—Не въ духъ.—Надлежація мѣры.—Первый любовникъ.—Хорошій копецъ.—Много бумаги.—Справка.—Знакомый мужчина.—Изъ дневника помощника бухгалтера.—Злой мальчикъ.—То была она!—Интриги.—Въ почтовомъ отдѣленіи.—Мужъ.—Въ номерахъ.—Гриша.—Необыкновенный.—Левъ и солнце.—Антрепренеръ подъ диваномъ.—Жалобная книга.—Лишкіе люди.—Скорая помощь.—Загадочная натура.

INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN

BIBLIOTEKA

80-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 71

Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марисъ, Измайл. просп., № 29.

РАЗСКАЗЫ.

1*

518.11.02.49

24.113/1-2

A. Тухоль

ВЪ БАНѢ.

I.

— Эй, ты, фигура! — крикнулъ толстый, бѣлотѣлый господинъ, завидѣвъ въ туманѣ высокаго и тощаго человѣка съ жиденькой бородкой и съ большимъ мѣднымъ крестомъ на груди.—Поддай пару!

— Я, ваше высокородіе, не банщикъ, я цирюльникъ-съ. Не мое дѣло паръ поддавать. Не прикажете ли кровососныя баночки поставить?

Толстый господинъ погладилъ себя по багровымъ бедрамъ, подумалъ и сказалъ:

— Банки? Пожалуй, поставь. Сидишь мнѣ некуда.

Цирюльникъ сбѣгалъ въ предбанникъ за инструментомъ, и черезъ какія-нибудь пять минутъ на груди и спинѣ толстаго господина уже темнѣли десять банокъ.

— Я васъ помню, ваше благородіе.—началъ цирюльникъ, ставя одинадцатую банку.—Вы у насъ въ прошлую субботу изволили мыться и тогда же еще я вамъ мозоли срѣзывалъ. Я цирюльникъ Михайло... Помните-съ? Тогда же вы еще изволили меня насчетъ невѣсты спрашивать.

— Ага... Такъ что же?

— Ничего-съ... Говѣю я теперь и грѣхъ мнѣ осуждать, ваше благородіе, но не могу не выразить вамъ по совѣсти. Пущай меня Богъ простить за осужденія мои, но невѣста нынче пошла все непутящая, несмысленная... Прежняя невѣста желала выйти за человѣка, который солидный, строгій, съ капиталомъ, который все обсудить можетъ, религію помнить, а нынѣшняя льстится на образованность. Подавай ей образованнаго, а господина чиновника, или кого изъ

кушечества и не показывай — осмѣть! Образованность разная бываетъ... Иной образованный, конечно, до высокаго чина дослужится, а другой весь вѣкъ въ писцахъ просидитъ, похоронитъ не на что. Мало ли ихъ нынче такихъ? Къ намъ сюда ходить одинъ... образованный. Изъ телеграфистовъ... Все превзошелъ, депеши выдумывать можетъ, а безъ мыла моется. Смотрѣть жалко!

— Вѣдентъ, да честентъ! — донесся съ верхней полки хриплый басъ. — Такими людьми гордиться нужно. Образованность, соединенная съ бѣдностью, свидѣтельствуетъ о высокихъ качествахъ души. Невѣжа!

Михайло искоса поглядѣлъ на верхнюю полку... Тамъ сидѣлъ и билъ себя по животу вѣшникомъ тощій человекъ съ костистыми выступами на всемъ тѣлѣ и состоящей, какъ казалось, изъ однихъ только кожи да реберъ. Лица его не было видно, потому что все оно было покрыто свѣсившимися внизъ длинными волосами. Видны были только два глаза, полные злости и презрѣнія, устремленные на Михайлу.

— Изъ этихъ... изъ длинноволосыхъ! — мигнулъ глазомъ Михайло. — Съ идеями... Страсть, сколько развелось нынче такого народу! Не переловишь всѣхъ... Ишь, патлы распустилъ, шкелетъ! Всякій христіанскій разговоръ ему противенъ, все равно, какъ нечистому ладанъ. За образованность вступился! Такихъ вотъ и любить вышняя невѣста. Именно вотъ такихъ, ваше высокородіе! Нешто не противно? Осенью зоветь меня къ себѣ одна священникова дочка. — «Найди, говоритъ, мнѣ, Мишель», — меня въ домахъ Мишелемъ зовутъ, потому, я дамъ завиваю, — «найди, говоритъ, мнѣ, Мишель, жениха, чтобъ былъ изъ писателей». А у меня, на ея счастье, былъ такой... Ходилъ онъ въ трактиръ къ Порфирію Емельяничу и все страдалъ въ газетахъ пропечатать. Подойдетъ къ нему человекъ за водку деньги спрашивать, а онъ сейчасъ по уху... «Какъ? Съ меня деньги? Да знаешь ты, кто я такой? Да знаешь ты, что я могу въ газетахъ пропечатать, что ты душу загубилъ?» Плюгавый такой, оборванный. Прельстилъ я его поповскими деньгами, показалъ барышнинъ портретъ и сводилъ. Костюмчикъ ему на прокатъ досталъ... Не понравился барышнѣ! «Меланхоли, говоритъ, въ лицѣ мало». И сама не знаетъ, какого ей лѣшаго нужно!

— Это клевета на печать! — послышался хриплый басъ съ той же полки. — Дрянъ!

— Это я-то дрянъ? Гм!.. Счастье ваше, господинъ, что я въ эту недѣлю говѣю, а то бы я вамъ за «дрянь» сказала бы слово... Вы, стало-быть, тоже изъ писателей?

— Я хотя и не писатель, но не смѣй говорить о томъ, чего не понимаешь. Писатели были въ Россіи многіе и пользу принесли. Они просвѣтили землю, и за это самое мы должны относиться къ нимъ не съ поруганіемъ, а съ честью. Говорю я о писателяхъ какъ свѣтскихъ, такъ равно и духовныхъ.

— Духовныя особы не станутъ такими дѣлами заниматься.

— Тебѣ, невѣжѣ, не понять. Димитрій Ростовскій, Иннокентій Херсонскій, Филаретъ Московскій и прочіе другіе святители церкви своими твореніями достаточно способствовали просвѣщенію.

Михайло покосился на своего противника, покрутилъ головой и крикнулъ.

— Ну, ужъ это вы что-то тово, сударь...—пробормоталъ онъ, почесавъ затылокъ.—Что-то умственное... Недаромъ на васъ и волосья такіе. Недаромъ! Мы все это очень хорошо понимаемъ и сейчасъ вамъ покажемъ, какой вы человѣкъ есть. Пуцай, ваше благородіе, баночки на васъ постоятъ, а я сейчасъ... Схожу только.

Михайло, подтягивая на ходу свои мокрые брюки и громко шлепая босыми ногами, вышелъ въ предбанникъ.

— Сейчасъ выйдетъ изъ бани длинноволосый,—обратился онъ къ малому, стоявшему за конторкой и продававшему мыло,—такъ ты, тово... погляди за нимъ. Народъ смущаетъ... Съ идеями... За Назаромъ Захарычемъ сбѣгать бы...

— Ты скажи мальчикамъ.

— Сейчасъ выйдетъ сюда длинноволосый,—зашепталъ Михайло, обращаясь къ мальчикамъ, стоявшимъ около одежды.—Народъ смущаетъ. Поглядите за нимъ, да сбѣгайте къ хозяйкѣ, чтобъ за Назаромъ Захарычемъ послали—протоколъ составить. Слова разныя произносить... Съ идеями...

— Какой же это длинноволосый?—встревожились мальчики. Тутъ никто изъ такихъ не раздѣвался. Всѣхъ раздѣвалось шестѣро. Тутъ вотъ два татара, тутъ господинъ раздѣвшись, тутъ изъ кушцовъ двое, тутъ дьяконъ... а больше и никого... Ты, знать, отца дьякона за длинноволосаго принялъ?

— Выдумываете, черти! Знаю, что говорю!

Михайло посмотрѣлъ на одежду дьякона, потрогалъ рукой рясу и пожалъ плечами... По лицу его разлилось крайнее недоумѣніе.

— А какой онъ изъ себя?

— Худенькій такой, обѣлобрысеный... Бородка чуть-чуть... Все кашляетъ.

— Гм!..—пробормоталъ Михайло.—Гм!.. Это я значить, духовную особу облаялъ... Комиссія отца Денисія! Вотъ грѣхъ-то! Вотъ грѣхъ! А вѣдь я говѣю, братцы! Какъ я теперь исповѣдаться буду, ежели я духовное лицо обидѣлъ? Господи, прости меня, грѣшнаго! Пойду прощенія просить...

Михайло почесалъ затылокъ и, состроивъ печальное лицо, отправился въ баню. Отца дьякона на верхней полкѣ уже не было. Онъ стоялъ внизу у крановъ и, сильно раскарячивъ ноги, наливалъ себѣ въ шайку воды.

— Отецъ дьяконъ!—обратился къ нему Михайло плачущимъ голосомъ.—Простите меня, Христа ради, окаяннаго!

— За что такое?

Михайло глубоко вздохнулъ и поклонился дьякону въ ноги.

— За то, что я подумалъ, что у васъ въ головѣ есть идеи!

II.

— Удивляюсь я, какъ это ваша дочь, при всей своей красотѣ и невинномъ поведеніи, не вышла до сихъ поръ замужъ!—сказалъ Никодимъ Егорычъ Потычкинъ, полѣзая на верхнюю полку.

Никодимъ Егорычъ былъ голъ, какъ и всякій голый человѣкъ, по на его лысой головѣ была фуражка. Боясь прилива къ головѣ и апоплексическаго удара, онъ всегда парился въ фуражкѣ. Его собесѣдникъ Макарь Тарасычъ Пѣшкинъ, маленькій старичокъ, съ тонкими синими ножками, въ отвѣтъ на его вопросъ, пожалъ плечами и сказалъ:

— А потому она не вышла, что характеромъ меня Богъ обидѣлъ. Смирень я и кротокъ очень, Никодимъ Егорычъ, а нынче кротостью ничего не возьмешь. Женихъ нынче лютый,—съ нимъ и обходиться нужно сообразно.

— То-есть, какъ же лютый? Съ какой это вы точки?

— Балованный женихъ... Съ нимъ какъ надо? Строгость нужна, Никодимъ Егорычъ. Стѣсняться съ нимъ не слѣдуетъ. Никодимъ Егорычъ. Къ мировому, по мордасамъ, за

городовымъ послать — вотъ какъ надо! Негодный народъ. Пустяковый народъ.

Пріятели легли рядомъ на верхней полкѣ и заработали вѣщиками.

— Пустяковый...—продолжалъ Макаръ Тарасычъ.—На-терѣлся я отъ ихъ, каналіевъ. Будья характеромъ посолд-нѣе, моя Даша давно бы уже была замужемъ и дѣтокъ рожала. Да-съ... Старыхъ дѣвокъ теперь въ женскомъ полѣ, сударь мой, ежели по чистой совѣсти, половина на половину, пять-десять процентовъ. И замѣьте, Никодимъ Егорычъ, каждая изъ этихъ самыхъ дѣвокъ въ молодыхъ годахъ жениховъ имѣла. А почему, спрашивается, не вышла? По какой при-чинѣ? А потому, что удержать его, жениха-то, родители не смогли, дали ему отвертѣться.

— Это вѣрно-съ.

— Мужчина нынче балованный, душой, вольнодумствующій. Любить онъ все это на шерамыжку, да съ выгодой. Задаромъ онъ тебѣ и шагу не ступитъ. Ты ему удовольствіе, а онъ съ тебя же деньги требуетъ. Ну, и женится тоже не безъ мыслей. Женюсь, молъ, такъ деньгу зашибу. Это бы еще ничего, куда ни шло — ѣшь, лопай, бери мои деньги, только женись на моемъ дптѣ, сдѣлай такую милость, но бываетъ, что и съ деньгами наплачешься и натерпишься горя-гореванскаго. Иной сватается-сватается, а какъ доидеть до самой точки, до вѣнца, то и назадъ оглобли, къ другой идти свататься. Женихомъ хорошо быть, одно удовольствіе. Его и накормятъ, и напоятъ, и денегъ займы дадутъ — чѣмъ не жизнь? Ну, и строить изъ себя жениха до старости лѣтъ, покуда смерть,—и жениться ему не нужно. И ужъ лы-сина во всю голову, и сѣдой весь, и колѣни гнутся, а онъ все женихъ. А то бываютъ, которые не женятся по глупости... Глухой человѣкъ самъ не знаетъ, что ему надобно, ну, и перебираетъ: то ему не хорошо, другое не ладно. Ходитъ-ходитъ, сватается-сватается, а потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего: — «Не могу, говорить, и не желаю». Да вотъ хоть взять, къ примѣру, господина Катавасова, перваго Дашинаго жениха. Учитель гимназій, титулярный тоже совѣтникъ... Науки всѣ выучилъ, по-французски, по-нѣ-мецки... математикъ, а на повѣрку вышелъ болванъ, глу-хой человѣкъ — и больше ничего. Вы спите, Никодимъ Егорычъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ? Это я закрылъ глаза отъ удовольствія...

— Ну, вотъ... Началь онъ около моей Дашки ходитъ. А надо вамъ замѣтить, Дашѣ тогда и двадцати годочковъ еще не было. Такая была дѣвица, что просто всѣмъ на удивленіе. Финикъ! Полнота, формалистика въ тѣлѣ и прочее. Статскій совѣтникъ Цицероновъ-Гравіанскій—по духовному вѣдомству служить—на колѣняхъ ползаль, чтобъ къ нему въ гувернантки пошла—не захотѣла! Началь Катавасовъ ходитъ къ намъ. Ходитъ каждый день и до полночи сидитъ, все съ ней про разныя науки тамъ и физики.. Книжки ей носитъ, музыку ея слушаетъ... Все больше на книжки наираетъ. Даша-то моя сама ученая, книги ей вовсе не надобны, баловство одно только, а онъ—то прочти, другое прочти; надоѣлъ до смерти. Полюбилъ ее, вижу. И она, замѣтно, ничего. «Не нравится, говоритъ, онъ мнѣ за то, что онъ, панаша, не военный». Не военный, а все-таки ничего. Чинъ есть, благородный, сытый, трезвый—чего же тутъ еще? Посватался. Благословили... Про приданое не спросилъ даже. Молчокъ... Словно онъ не человѣкъ, а духъ безплотный, и безъ приданого можетъ. Назначили и день, когда вѣнчать. И что же вы думаете? А? За три дня до свадьбы приходятъ ко мнѣ въ лавку этотъ самый Катавасовъ. Глаза красные, личность блѣдная, словно съ перепугу, весь дрожитъ. Что угодно-съ?—«Извините, говоритъ, Макарь Тарасычъ, но я жениться на Дарѣ Макаровнѣ не могу. Я, говоритъ, ошибся. Я, говоритъ, смотря на ея цвѣтущую молодость и наивность, думалъ найти въ ней почву, такъ сказать, свѣжесть, говоритъ, душевную, а она уже успѣла пріобрѣсти склонности, говоритъ. Она наклонна, говоритъ, къ мишурѣ, не знаетъ труда, съ молокомъ матери всосала...» И не помню, что она тамъ всосала... Говоритъ, а самъ плачетъ. А я? Я, сударь мой, побранился только, отпустилъ его. И къ мировому не сходилъ, и начальству его не жаловался, по городу не срамилъ. Пойди я къ мировому, такъ, небось, испугался бы срама, женился бы. Начальство, небось, не поглядѣло бы, чтѣ она тамъ всосала. Коли смутилъ дѣвку, такъ и женись. Купецъ, вонъ, Клякинъ,—слышали?—даромъ что мужикъ, а подикася какую штуку того... У него женихъ тоже упорствовать сталъ, въ приданомъ замѣтилъ что-то какъ будто не то, такъ онъ,

Клякинъ-то, завелъ его въ кладовую, залерся, вынулъ, знаете ли, изъ кармана большой револьверъ съ пулями, какъ слѣдуетъ заряженный, и говоритъ: «Побожись, говорить, передъ образомъ, что женишься, а то, говорить, убью сію минуту, подлець этакой. Сію минуту!» Побожился и женился молодчикъ. Вотъ видите. А я бы такъ не способенъ. И драться даже не того... Увидаль мою Дашу консисторскій чиновникъ, хохоль Брюзденко. Тоже изъ духовнаго вѣдомства. Увидаль и влюбился. Ходить за ней красный какъ ракъ, бормочетъ разныя слова, и изо рта у него жаръ ышнить. Днемъ у насъ сидитъ, а ночью подь окнами ходитъ. И Даша его полюбила. Глаза его хохлацкіе ей понравились. Въ нихъ, говорить, огонь и черная ночь. Ходилъ-ходилъ хохоль и посватался. Даша, можно сказать, въ восторгѣ и восхищеніи, дала свое согласіе. — «Я, говорить, папаша, понимаю, это не военный, но все же изъ духовнаго вѣдомства, а это все равно, что интендантство, и поэтому я его очень люблю». Дѣвица, а тоже поди разбираетъ нынче: интендантство! Осмотрѣлъ хохоль приданое, поторговался со мной и только носомъ покрутилъ — на все согласенъ, свадьбу бы только поскорѣй; но въ тотъ самый день, какъ обручать, поглядѣлъ на гостей, да какъ схватить себя за голову. — «Батюшки, говорить, сколько у нихъ родни! Не согласенъ! Не могу! Не желаю!» И пошелъ, и пошелъ... Я ужъ и такъ, и этакъ... Да ты, говорю, ваше высокородіе, съ ума сошелъ, что ли? Вѣдь больше чести, ежели родни много! Не соглашается! Взялъ шанку да и былъ таковъ.

Былъ и такой случай. Посваталъ мою Дашу лѣсничій Аляевъ. Полюбилъ ее за умъ и поведеніе... Ну, и Даша его полюбила. Характеръ его положительный ей нравился. Человѣкъ онъ, дѣйствительно, хорошій, благородный. Посватался и все, этакъ, обстоятельно. Приданое все до тонкостей осмотрѣлъ, всѣ сундуки перерылъ, Матрену поругалъ за то, что та салона отъ моги не уберегла. И миѣ реестрики своего имущества доставилъ. Благородный человѣкъ, грѣхъ про него что худое сказать. Нравился онъ миѣ, признаться, до чрезвычайности. Торговался онъ со мной два мѣсяца. Я ему восемь тысячъ даю, а онъ проситъ восемь съ половиной. Торговались-торговались; бывало, сядемъ чай пить, выпьемъ по пятнадцати стакановъ, и все торгуемся. Я ему

двѣсти накинулъ — не хочетъ! Такъ и разошлись изъ-за трехсотъ рублей. Уходилъ бѣдный и плакалъ... Ужъ больно любилъ Дашу! Ругаю теперь себя, грѣшный человѣкъ, истинно говорю. Было бы мнѣ отдать ему триста или же поугаты, на весь городъ посрамить, или завести бы въ темную комнатку, да по мордасамъ. Прогодалъ я, вижу теперь, что прогадалъ, дурака сломалъ. Ничего не подѣлаешь, Никодимъ Егорычъ: характеръ у меня тихій!

— Смирны очень. Это вѣрно-сь. Ну, я пойду, пора... Голова тяжела стала...

Никодимъ Егорычъ въ послѣдній разъ ударилъ себя вѣникомъ и спустился внизъ. Макаръ Тарасычъ вздохнулъ и еще усерднѣе замахалъ вѣникомъ.

СИРЕНА.

Послѣ одного изъ засѣданій N—скаго мирового съѣзда, судьи собрались въ совѣщательной комнатѣ, чтобы снять свои мундиры, минутку отдохнуть и ѣхать домой обѣдать. Предсѣдатель съѣзда, очень видный мужчина съ пушистыми бакенами, оставишійся по одному изъ только-что разобранныхъ дѣлъ «при особомъ мнѣніи», сидѣлъ за столомъ и спѣшилъ записать свое мнѣніе. Участковый мировой судья Милкинъ, молодой человѣкъ съ томнымъ, меланхолическимъ лицомъ, слывущій за философа, недовольнаго средой и ищущаго цѣли жизни, стоялъ у окна и печально глядѣлъ во дворъ. Другой участковый и одинъ изъ почетныхъ уже ушли. Оставишійся почетный, обрюзглый, тяжело дышавшій толстякъ, и товарищъ прокурора, молодой нѣмецъ съ катаральнымъ лицомъ, сидѣли на диванчикѣ и ждали, когда кончитъ писать предсѣдатель, чтобы ѣхать вмѣстѣ обѣдать. Передъ ними стоялъ секретарь съѣзда Жилинъ, маленькій человѣчекъ съ бачками около ушей и съ выраженіемъ сладости на лицѣ. Медово улыбаясь и глядя на толстяка, онъ говорилъ вполголоса:

— Всѣ мы сейчасъ желаемъ кушать, потому что утомились и уже четвертый часъ, но это, душа моя, Григорій Саввичъ, не настоящій аппетитъ. Настоящій, волчій аппетитъ, когда, кажется, отца родного съѣлъ бы, бываетъ только послѣ физическихъ движеній, напримѣръ, послѣ охоты съ гончими, или когда отмахаетъ на обывательскихъ верстахъ сто безъ передышки. Тоже много значить и воображеніе-съ. Ежели, положимъ, вы ѣдете съ охоты домой и желаете съ

аппетитомъ пообѣдать, то никогда не нужно думать объ умномъ; умное да ученое всегда аппетитъ отшибаетъ. Самы изволите знать, философы и ученые насчетъ ѣды самые послѣдніе люди, и хуже ихъ, извините, не ѣдятъ даже свиньи. Ёдучи домой, надо стараться, чтобы голова думала только о графинчикѣ да закусочкѣ. Я разъ дордогю закрылъ глаза и вообразилъ себѣ поросеночка съ хрѣномъ, такъ со мной отъ аппетита истерика сдѣлалась. Ну-съ, а когда вы вѣбъ-жаете къ себѣ во дворъ, то нужно, чтобы въ это время изъ кухни пахло чѣмъ-нибудь этакимъ, знаете ли...

— Жаренные гуси мастера пахнутъ, — сказалъ почетный мировой, тяжело дыша.

— Не говорите, душа моя, Григорій Саввичъ, утка или бекасъ могутъ гусю десять очковъ впередъ дать. Въ гусиномъ букетѣ нѣтъ нѣжности и деликатности. Забористѣе всего пахнетъ молодой лукъ, когда, знаете ли, начинается поджариваться и, понимаете ли, шипитъ, подлещъ, на весь домъ. Ну-съ, когда вы входите въ домъ, то столъ уже долженъ быть накрытъ, когда садете, сейчасъ салфетку за галстукъ и не сѣвши лянетесь къ графинчику съ водочкой. Да ее, мамочку, наливаете не въ рюмку, а въ какой-нибудь допотопный дѣдовскій стаканчикъ изъ серебра, или въ этакій пузатенькій съ надписью: «Его же и монаси приемлютъ», и выпиваете не сразу, а сначала вздохнете, руки потрете, равнодушно на потолокъ поглядите, потомъ, этакъ, не сѣвши, поднесете ее, водочку-то, къ губамъ и — тотчасъ же у васъ изъ желудка по всѣму тѣлу искры...

Секретарь изобразилъ на своемъ сладкомъ лицѣ блаженство.

— Искры... — повторилъ онъ, жмурясь. — Какъ только выпили, сейчасъ же закусить нужно.

— Послушайте, — сказалъ предсѣдатель, поднимая глаза на секретаря, — говорите потише! Я изъ-за васъ уже второй листъ порчу.

— Ахъ, виновать-съ, Петръ Николаичъ! Я буду тихо, — сказалъ секретарь и продолжалъ полушопотомъ: — Ну-съ, а закусить, душа моя, Григорій Саввичъ, тоже нужно умѣючи. Надо знать, чѣмъ закусывать. Самая лучшая закуска, ежели желаете знать, селедка. Съѣли вы ее кусочекъ съ лучкомъ и съ горчичнымъ соусомъ, сейчасъ же, благодѣтель мой, пока еще чувствуете въ животѣ искры, кушайте икру

саму по себѣ, или, ежели желаете, съ лимончикомъ, потомъ простой рѣдкки съ солью, потомъ опять селедки, но всего лучше, благодѣтель, рыжики соленые, ежели ихъ изрѣзать мелко, какъ икру, и, понимаете ли, съ лукомъ, съ прованскимъ масломъ... объяденіе! Но налимя печонка— это трагедія!

— М-да...—согласился почетный мировой, жмурия глаза.— Для закуски хороши также того... душиные бѣлые грибы.

— Да, да, да, съ лукомъ, знаете ли, съ лавровымъ листомъ и всякими спеціями. Откроешь кастрюлю, а изъ нея паръ, грибной духъ... даже слеза прошибаетъ иной разъ! Ну-съ, какъ только изъ кухни приволокли кулебяку, сейчасъ же, не медля, нужно вторую выпить.

— Иванъ Гурьичъ!—сказалъ плачущимъ голосомъ председатель.—Изъ-за васъ я третій листъ испортилъ!

— Чортъ его знаетъ, только объ ѣдѣ и думаетъ!—проворчалъ философъ Милкинъ, дѣлая презрительную гримасу.—Неужели, кромѣ грибовъ да кулебяки, нѣтъ другихъ интересовъ въ жизни?

— Ну-съ, передъ кулебякой выпить,—продолжалъ секретарь вполголоса; онъ уже такъ увлекся, что, какъ поющій соловей, не слышалъ ничего, кромѣ собственного голоса.—Кулебяка должна быть аппетитная, безстыдная, во всей своей наготѣ, чтобъ соблазнъ былъ. Подмигнешь на нее глазомъ, отрѣжешь этакій кусище и пальцами надъ ней пошевелишь вотъ этакъ, отъ избытка чувствъ. Станешь ее ѣсть, а съ нея масло, какъ слезы, начинка жирная, сочная, съ яйцами, съ потрохами, съ лукомъ...

Секретарь подкатилъ глаза и перекосилъ ротъ до самаго уха. Почетный мировой крикнулъ и, вѣроятно, воображая себѣ кулебяку, пошевелилъ пальцами.

— Это чортъ знаетъ что...—проворчалъ участковый, отходя къ другому окну.

— Два куска съѣлъ, а третій къ шамъ приберегъ,—продолжалъ секретарь вдохновенно.—Какъ только кончили съ кулебякой, такъ сейчасъ же, чтобъ аппетита не перебить, велите щи подавать... Щи должны быть горячія, огневья. Но лучше всего, благодѣтель мой, борщокъ изъ свеклы на хохладкій манеръ, съ ветчинкой и съ сосисками. Къ нему подаются сметана и свѣжая петрушечка съ укропцемъ. Великолѣпно также разсолъникъ изъ потроховъ и молодень-

кихъ почекъ, а ежели любите супъ, то изъ суповъ наилучшій, который засыпается кореньями и зеленьми: морковкой, спаржей, цвѣтной капустой и всякой тому подобной юриспруденціей.

— Да, великолѣпная вещь... — вздохнулъ предсѣдатель, отрывая глаза отъ бумаги, но тотчасъ же спохватился и простоналъ: — Побойтесь вы Бога! Этакъ я до вечера не напишу особаго мнѣнія! Четвертый листъ порчу!

— Не буду, не буду! Виновать-сь! — извинился секретарь и продолжалъ шепотомъ: — Какъ только скушали борщокъ или супъ, сейчасъ же велите подавать рыбное, благодѣтель. Изъ рыбъ безгласныхъ самая лучшая — это жареный карась въ сметанѣ; только, чтобы онъ не пахъ тиной и имѣлъ тонкость, нужно продержать его живого въ молокѣ цѣлыя сутки.

— Хорошо также стерлядку кольчикомъ, — сказала почетный мировой, закрывая глаза, но тотчасъ же, неожиданно для всѣхъ, онъ рванулся съ мѣста, сдѣлалъ звѣрское лицо и заревѣлъ въ сторону предсѣдателя: — Петръ Николаичъ, скоро ли вы? Не могу я больше ждать! Не могу!

— Дайте мнѣ кончить!

— Ну, такъ я самъ поѣду! Чортъ съ вами!

Толстякъ махнулъ рукой, схватилъ шляпу и, не простившись, выбѣжалъ изъ комнаты. Секретарь вздохнулъ и, нагнувшись къ уху товарища прокурора, продолжалъ вполголоса:

— Хорошо также судакъ или карпій съ подливкой изъ помедоровъ и грибовъ. Но рыбой не насытнись, Степанъ Францычъ; это ѣда не существенная, главное въ обѣдѣ не рыба, не соусы, а жаркое. Вы какую птицу больше обожаєте?

Товарищъ прокурора сдѣлалъ кислое лицо и сказалъ со вздохомъ:

— Къ несчастью, я не могу вамъ сочувствовать: у меня катаръ желудка.

— Полноте, сударь! Катаръ желудка доктора выдумали! Больше отъ вольнодумствъ да отъ гордости бываетъ эта болѣзнь. Вы не обращайтесь вниманія. Положимъ, вамъ кушать не хочется, или тошно, а вы не обращайтесь вниманія и кушайте себѣ. Ежели, положимъ, подадутъ къ жаркому парочку дупелей, да ежели прибавить къ этому куропаточку, или парочку перепелочекъ жирненькихъ, то тутъ

про всякій катаръ забудете, честное благородное слово. А жареная индѣйка? Бѣлая, жирная, сочная этакая, знаете ли, въ родѣ нимфы...

— Да, вѣроятно, это вкусно,—сказалъ прокуроръ, грустно улыбаясь.—Индѣйку, пожалуй, я ѣлъ бы.

— Господи, а утка? Если взять молодую утку, которая только-что въ первые морозы ледку хватила, да изжарить ее на противнѣ вмѣстѣ съ картошкой, да чтобъ картошка была мелко нарѣзана, да подрумянилась бы, да чтобъ утинымъ жиромъ пропиталась, да чтобъ...

Философъ Милкинъ сдѣлалъ звѣрское лицо и, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ причмокнулъ губами, вѣроятно, вообразивъ жареную утку и, не сказавъ ни слова, влекомый невѣдомою силой, схватилъ шляпу и выбѣжалъ вонъ.

— Да, пожалуй, я поѣлъ бы и утки...—вздохнулъ товарищъ прокурора.

Предсѣдатель всталъ, прошелся и опять сѣлъ.

— Послѣ жаркого человѣкъ становится сытъ и впадаетъ въ сладостное затменіе,—продолжалъ секретарь.— Въ это время и тѣлу хорошо, и на душѣ умирительно. Для услажденія можете выкушать рюмочки три запеканочки.

Предсѣдатель крякнулъ и перечекрынулъ листъ.

— Я шестой листъ порчу,—сказалъ онъ сердито.— Это безсовѣстно!

— Пишите, пишите, благодѣтель! — зашепталъ секретарь.— Я не буду! Я потихоньку. Я вамъ по совѣсти, Степанъ Францычъ,—продолжалъ онъ едва слышнымъ шопотомъ:—домашняя самодѣлковая запеканочка лучше всякаго шампанскаго. Послѣ первой же рюмки всю вашу душу охватываетъ обоняніе, этакій миражъ, и кажется вамъ, что вы не въ креслѣ у себя дома, а гдѣ-нибудь въ Австраліи, на какомъ-нибудь мягчайшемъ страусѣ...

— Ахъ, да поѣдмте, Петръ Николаичъ!—сказалъ прокуроръ, нетерпѣливо дрыгнувъ ногой.

— Да-съ,—продолжалъ секретарь.— Во время запеканки хорошо сигарку выкурить и кольца пускать, и въ это время въ голову приходятъ такія мечтательныя мысли, будто вы генералиссимусъ, или женаты на первѣйшей красавицѣ въ мірѣ, и будто эта красавица плаваетъ цѣлый день передъ вашими окнами въ этакомъ бассейнѣ съ зо-

лотыми рыбками. Она плавааетъ, а вы ей: — «Душенька, иди поцѣлуй меня!»

— Петръ Николаичъ!—простоналъ товарищъ прокурора.

— Да-съ,—продолжалъ секретарь. — Покуривши, подбирайте полы халата и ай-да къ постелькѣ! Этакъ ложитесь на спинку, животикомъ вверхъ, и берите газетку въ руки. Когда глаза слипаются и во всемъ тѣлѣ дремота стоитъ, пріятно читать про политику: тамъ, глядишь, Австрія сплеховала, тамъ Франція кому-нибудь не потрафила, тамъ папа римскій наперекоръ пошелъ—читаешь, оно и пріятно.

Предсѣдатель вскочилъ, швырнулъ въ сторону перо и обѣими руками ухватился за шляпу. Товарищъ прокурора, забывшій о своемъ катарѣ и млѣвшій отъ нетерпѣнія, тоже вскочилъ.

— Ёдемте!—крикнулъ онъ.

— Петръ Николаичъ, а какъ же особое мнѣніе?—испугался секретарь.—Когда же вы его, благодѣтель, напишете? Вѣдь вамъ въ шесть часовъ въ городъ ѣхать!

Предсѣдатель махнулъ рукой и бросился къ двери. Товарищъ прокурора тоже махнулъ рукой и, подхвативъ свой портфель, исчезъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ. Секретарь вздохнулъ, укоризненно поглядѣлъ имъ вслѣдъ и сталъ убирать бумаги.

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ.

На вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги встрѣтились два пріятели: одинъ толстый, другой тонкій. Толстый только-что пообѣдалъ на вокзалѣ, и губы его, подѣрнутыя масломъ, лоснились, какъ сѣбля вишни. Пахло отъ него хересомъ и флеръ-д'оранжемъ. Тонкій же только-что вышелъ изъ вагона и былъ навьюченъ чемоданами, узлами и картонками. Пахло отъ него ветчиной и кофейной гущей. Изъ-за его спины выглядывала худенькая женщина съ длиннымъ подбородкомъ—его жена, и высокій гимназистъ съ прищуреннымъ глазомъ—его сынъ.

— Порфирій!—воскликнулъ толстый, увидѣвъ толстаго.— Ты ли это? Голубчикъ мой! Сколько зимъ, сколько лѣтъ!

— Батюшки!—изумился тонкій.— Миша! Другъ дѣтства! Откуда ты взялся?

Пріятели троекратно облобызались и устремили другъ на друга глаза, полные слезъ. Оба были пріятно ошеломлены.

— Милый мой!—началъ тонкій послѣ лобызанія.— Вотъ не ожидалъ! Вотъ сюрпризъ! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавецъ, какъ и былъ! Такой же душонокъ и щеголь! Ахъ, ты Господи! Ну, что же ты? Богатъ? Женатъ? Я уже женатъ, какъ видишь... Это вотъ моя жена, Луиза, урожденная Ванценбахъ... лютеранка... А это сынъ мой, Нафанаиль, ученикъ III класса. Это, Нафаня, другъ моего дѣтства! Въ гимназiи вмѣстѣ учились!

Нафанаиль немного подумалъ и снялъ шапку.

— Въ гимназiи вмѣстѣ учились!—продолжалъ тонкій.— Помнишь, какъ тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратомъ за то, что ты казенную книжку папирской прожечь, а меня Эфiальтомъ за то, что я ябедничать любилъ. Хо-хо... Дѣтьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди къ нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбахъ... лютеранка.

Нафанаиль немного подумалъ и спрятался за спину отца.

— Ну, какъ живешь, другъ?—спросилъ толстый, восторженно глядя на друга.—Служишь гдѣ? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежскимъ ассессоромъ уже второй годъ и Станислава имѣю. Жалованье плохое... ну, да Богъ съ нимъ! Жена уроки музыки даетъ, я портсигары приватно изъ дерева дѣлаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто беретъ десять штукъ и болѣе, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-какъ. Служилъ, знаешь, въ департаментѣ, а теперь сюда переведенъ столоначальникомъ по тому же вѣдомству... Здѣсь буду служить. Ну, а ты какъ? Небось, уже статскій? А?

— Нѣтъ, милый мой, поднимай повыше,—сказалъ толстый.—Я уже до тайнаго дослужился... Давъ звѣзды имѣю.

Тонкій вдругъ поблѣднѣлъ, окаменѣлъ, но скоро лицо его искривилось во всѣ стороны широчайшей улыбкой; казалось, что отъ лица и глазъ его посыпались искры. Самъ онъ съежился, сторбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородокъ жены сталъ еще длиннѣе; Нафанаиль вытянулся во фрунтъ и застегнулъ всѣ пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень пріятно-съ! Другъ, можно сказать, дѣтства и вдругъ вышли въ такіе вельможи-съ! Хи-хи-съ.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этотъ тонъ? Мы съ тобой друзья дѣтства — и къ чему тутъ это чинопочитаніе!

— Помилуйте... Что вы-съ... — захихикалъ тонкій, еще болѣе съеживаясь.—Милостивое вниманіе вашего превосходительства... въ родѣ какъ бы живительной влаги... Это вотъ, ваше превосходительство, сынъ мой Нафанаиль... жена Луиза, лютеранка, нѣкоторымъ образомъ...

Толстый хотѣлъ-было возразить что-то, но на лицѣ у тонкаго было написано столько благоговѣнія, сладости и почтительной кислоты, что тайнаго совѣтника стошнило. Онъ отвернулся отъ тонкаго и подаль ему на прощанье руку.

Тонкій пожалъ три пальца, поклонился всѣмъ туловищемъ и захихикалъ, какъ китаецъ: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаиль шаркнулъ ногой и уронилъ фуражку. Всѣ трое были пріятно ошеломлены.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ.

Хоронили генераль-лейтенанта Запущырина. Къ дому покойника, гдѣ гудѣла похоронная музыка и раздавались командныя слова, со всѣхъ сторонъ бѣжали толпы, желавшія поглядѣть на выносъ. Въ одной изъ группъ, спѣшившихъ къ выносу, находились чиновники Пробкинъ и Свистковъ. Оба были со своими женами.

— Нельзя-съ! — остановилъ ихъ помощникъ частнаго пристава съ добрымъ, симпатичнымъ лицомъ, когда они подошли къ цѣни. — Не-ельзя-съ! Пра-ашу немножко назадъ! Господа, вѣдь это не отъ насъ зависитъ! Прошу назадъ! Впрочемъ, такъ и быть, дамы могутъ пройти... пожалуйста, mesdames, но... вы, господа, ради Бога...

Жены Пробкина и Свисткова зардѣлись отъ неожиданной любезности помощника пристава и юркнули сквозь цѣнь, а мужья ихъ остались по сю сторону живой стѣны и занялись созерцаніемъ спинъ пѣшихъ и конныхъ блюстителей.

— Пролѣзли!—сказалъ Пробкинъ, съ завистью и почти ненавистью глядя на удалявшихся дамъ.—Счастье, ей-Богу, этимъ шиньонамъ! Мужскому полу никогда такихъ привилегій не будетъ, какъ ихнему, дамскому. Ну, чтò вотъ въ нихъ особеннаго? Женщины, можно сказать, самыя обыкновенныя, съ предразсудками, а ихъ пропустили; а насъ съ тобой, будь мы хоть статскіе совѣтники, ни за что не пустятъ.

— Странно вы разсуждаете, господа! — сказала помощникъ пристава, укоризненно глядя на Пробкина.—Впусти

вась, такъ вы сейчасъ толкаться и безобразить начнете; дама же, по своей деликатности, никогда себѣ не позволить ничего подобнаго!

— Оставьте, пожалуйста! — разсердился Пробкинъ. — Дама въ толпѣ всегда первая толкается. Мужчина стоитъ и глядитъ въ одну точку, а дама растопыриваетъ руки и толкается, чтобъ ея нарядовъ не помяли. Говорить ужъ нечего! Женскому полу всегда во всемъ фортуна. Женщинъ и въ солдаты не берутъ, и на танцевальные вечера имъ бесплатно, и отъ тѣлеснаго наказанія освобождаютъ... А за какія, спрашивается, заслуги? Дѣвица платокъ уронила—ты поднимай, она входитъ—ты вставай и давай ей свой стулъ, уходитъ — ты провожай... А возьмите чины! Чтобъ достигнуть, положимъ, статскаго совѣтника, мнѣ или тебѣ нужно всю жизнь протрубить, а дѣвица въ каіе-нибудь полчаса обвинчалась со статскимъ совѣтникомъ— вотъ ужъ она и персона. Чтобы мнѣ княземъ или графомъ сдѣлаться, нужно весь свѣтъ покорить, Шипку взять, въ министрахъ побывать, а какая-нибудь, прости Господи, Варенька или Катенька, молодого на губахъ не обсохло, покрутить передъ графомъ шлейфомъ, пощурить глаза— вотъ и ваше сіятельство... Ты сейчасъ губернскаго секретаря... Чинъ этотъ себѣ ты, можно сказать, кровью и потомъ добыть; а твоя Марья Омишна? За что она губернская секретарша? Изъ поповецъ и прямо въ чиновницы. Хороша чиновница! Дай ты ей наше дѣло, такъ она тебѣ и выишетъ входящую въ исходящія.

— Зато она въ болѣзняхъ чады родить, — замѣтилъ Свистковъ.

— Велика важности! Постояла бы она передъ начальствомъ, когда оно холоду напускаетъ, такъ ей бы эти самыя чады удовольствіемъ показались. Во всемъ и во всемъ имъ привилегія! Какая-нибудь дѣвица или дама изъ нашего круга можетъ генералу такое выпалить, чего ты и при экзекуторѣ не посмѣешь сказать. Да... Твоя Марья Омишна можетъ смѣло со статскимъ совѣтникомъ подъ ручку пройтись, а возьми-ка ты статскаго совѣтника подъ руку! Возьми-ка, попробуй! Въ нашемъ домѣ, какъ разъ подъ нами, братъ, живетъ какой-то профессоръ съ женой... Генералъ, понимаешь, Анну первой степени имѣетъ, а то и дѣло слышишь, какъ его жена чешетъ: «дуракъ! дуракъ!

дуракъ!» А вѣдь баба простая, изъ мѣшанокъ. Впрочемъ, тутъ законная, такъ тому и быть... испоконъ вѣка такъ положено, чтобъ законныя ругались, но ты возьми незаконныхъ! Что эти себѣ дозволяютъ! Во вѣки-вѣковъ не забыть мнѣ одного случая. Чуть-было не погибъ, да такъ ужъ, знать, за молитвы родителей уцѣлѣлъ. Въ прошломъ году, поминишь, нашъ генераль, когда уѣзжалъ въ отпускъ къ себѣ въ деревню, меня взялъ съ собой, корреспонденцію вести... Дѣло пустяковое, на часъ работы. Отработалъ свое, и ступай по лѣсу ходить, или въ лакейскую романсы слушать. Нашъ генераль—человѣкъ холостой. Домъ—полная чаша, прислуги, какъ собакъ, а жены нѣтъ, управлять некому. Народъ все распущенный, непослушный... и надъ всѣми командуетъ баба, экономка Вѣра Никитишна. Она и чай наливаетъ, и обѣдъ заказываетъ, и на лакеевъ кричитъ... Баба, братецъ ты мой, скверная, ядовитая, сатаной глядитъ. Толстая, красная, визгливая... Какъ начнетъ на кого кричать, какъ подниметъ визгъ, такъ хоть святыхъ выноси. Не такъ руготня донимала, какъ этотъ самый визгъ. О, Господи! Никому отъ нея житья не было. Не только прислугу, но и меня, бестія, задирали... Ну, думаю, погоди: улучу минутку и все про тебя генералу расскажу. Онъ погруженъ, думаю, въ службу и не видитъ, какъ ты его обкрадываешь и народъ жуешь, постой же, открою я ему глаза. И открылъ, братъ, глаза, да такъ открылъ, что чуть-было у самого глаза не закрылись навѣки, что даже теперь, какъ вспомню, страшно дѣлается. Иду я однажды по коридору, и вдругъ слышу визгъ. Сначала думалъ, что свинью рѣжутъ, потомъ же прислушался и слышу, что это Вѣра Никитишна съ кѣмъ-то бранится: «Тварь! Дрянъ ты этакая! Чортъ!»—Кого это?—думаю. И вдругъ, братецъ ты мой, вижу: отворяется дверь, и изъ нея вылетаетъ нашъ генераль, весь красный, глаза выпученные, волосы, словно чортъ на нихъ подулъ. А она ему вслѣдъ: «Дрянъ! Чортъ!»

— Врешь!

— Честное мое слово. Меня, знаешь, въ жаръ бросило. Нашъ уѣзжалъ къ себѣ, а я стою въ коридорѣ и, какъ дуракъ, ничего не понимаю. Простая, необразованная баба, кухарка, смердъ—и вдругъ позволяетъ себѣ такія слова и поступки! Это, значить, думаю, генераль хотѣлъ ее раз-

считать, а она воспользовалась тѣмъ, что нѣтъ свидѣтелей, и отчеканила его на всѣ корки. Все одно, молъ, уходить! Взорвало меня... Пошелъ я къ ней въ комнату и говорю: «Какъ ты смѣла, негодница, говорить такія слова высокопоставленному лицу? Ты думаешь, что какъ онъ слабый старикъ, такъ за него некому вступиться?» — Взялъ, знаешь, да и смазалъ ее по жирнымъ щекамъ, разика два. Какъ подняла, братецъ ты мой, визгъ, какъ заорала, такъ будь ты трижды не ладна, унеси ты мое горе! Заткнулъ я уши и пошелъ въ лѣсъ. Этакъ часика черезъ два бѣжить навстрѣчу мальчишка.—«Пожалуйте къ барину». Иду. Вхожу. Сидитъ насупившись, какъ индюкъ, и не глядитъ.

— «Вы что же, говорить, это у меня въ домѣ выстраиваете?»—То-есть, какъ?—говорю. Ежели, говорю, это вы насчетъ Никитиныхъ, ваше—ство, то я за васъ же вступился.—«Не ваше дѣло, говорить, вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла!» — Понимаешь? Семейныя! И какъ началъ, братъ, онъ меня отчитывать, какъ началъ печь—чуть я не померъ! Говорилъ-говорилъ, ворчалъ-ворчалъ, да вдругъ, братъ, какъ захохочетъ ни съ того, ни съ сего.—«И какъ, говорить, это вы смогли?.. Какъ это у васъ хватило храбрости? Удивительно! Но надѣюсь, другъ мой, что все это останется между нами... Ваша горячность мнѣ понятна, но согласитесь, что дальнѣйшее пребываніе ваше въ моемъ домѣ невозможно...» — Вотъ братъ! Ему даже удивительно, какъ это я смогъ такую важную паву побить. Ослѣпила баба! Тайный совѣтникъ, Вѣлаго Орла имѣеть, начальства надъ собой не знаетъ, а бабѣ поддался... Ба-альшія, братъ, привилегіи у женскаго пола! Но... снимай шапку! Несутъ генерала... Орденовъ-то сколько, батюшки свѣты! Ну, что, ей-Богу, пустили дамъ впередъ, развѣ онѣ понимаютъ что-нибудь въ орденахъ?

Заиграла музыка.

АЛЬБОМЪ.

Титулярный совѣтникъ Кратеровъ, худой и тонкій, какъ адмиралтейскій шпиль, выступилъ впередъ и, обратясь къ Жмыхову, сказалъ:

— Ваше превосходительство! Движимые и тронутые всею душой вашимъ долгодѣтнымъ начальничествомъ и отеческими попеченіями...

— Болѣе чѣмъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ,— подсказалъ Закусинъ.

— Болѣе чѣмъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, мы, ваши подчиненные, въ сегодняшній знаменательный для насъ... тово... день, подносимъ вашему превосходительству, въ знакъ нашего уваженія и глубокой благодарности, этотъ альбомъ съ нашими портретами и желаемъ въ продолженіе вашей знаменательной жизни, чтобы еще долго-долго, до самой смерти, вы не оставляли насъ...

— Своими отеческими наставленіями на пути правды и прогресса...—добавилъ Закусинъ, вытеревъ со лба мгновенно выступившій потъ; ему, очевидно, очень хотѣлось говорить и, по всей вѣроятности, у него была готова рѣчь.—И да развѣвается,—кончилъ онъ:—вашъ стягъ еще долго-долго на поприщѣ генія, труда и общественнаго самосознанія!

По лѣвой морщинистой щекѣ Жмыхова поползла слеза.

— Господа!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я не ожидалъ, никакъ не думалъ, что вы будете праздновать мой скромный юбилей... Я тронуть... даже... весьма... Этой

минуты я не забуду до самой могилы, и вѣрьте... вѣрьте, друзья, что никто не желаетъ вамъ такъ добра, какъ я... А ежели что и было, то для вашей же пользы...

Жмыховъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, поцѣловался съ титулярнымъ совѣтникомъ Кратеровымъ, который не ожидалъ такой чести и поблѣднѣлъ отъ восторга. Затѣмъ начальникъ сдѣлалъ рукой жестъ, означавшій, что онъ отъ волненія не можетъ говорить, и заплакалъ, точно ему не дарили дорогого альбома, а, наоборотъ, отнимали... Потомъ, немного успокоившись и сказавъ еще нѣсколько прочувствованныхъ словъ и давъ всѣмъ пожать свою руку, онъ, при громкихъ радостныхъ кликахъ, спустился внизъ, сѣлъ въ карету и, провожаемый благословеніями, уѣхалъ. Сидя въ каретѣ, онъ почувствовалъ въ груди наплывъ неизвѣданныхъ доселѣ радостныхъ чувствъ и еще разъ заплакалъ.

Дома ожидали его новыя радости. Тамъ его семья, друзья и знакомые устроили ему такую овацію, что ему показалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ принесъ отечеству очень много пользы и что, не будь его на свѣтѣ, то, пожалуй, отечеству пришлось бы очень плохо. Юбилейный обѣдъ весь состоялъ изъ тостовъ, рѣчей, объятій и слезъ. Однимъ словомъ, Жмыховъ никакъ не ожидалъ, что его заслуги будутъ приняты такъ близко къ сердцу.

— Господа!—сказалъ онъ передъ десертомъ.— Два часа тому назадъ я былъ удовлетворенъ за всѣ тѣ страданія, которыя приходится переживать человѣку, который служить, такъ сказать, не формѣ, не буквѣ, а долгу. Я за все время своей службѣ непрестанно держался принципа: не публика для насъ, а мы для публики. И сегодня я получилъ высшую награду! Мои подчиненные поднесли мнѣ альбомъ... Вотъ! Я тронуть.

Праздничныя фізіономіи нагнулись къ альбому и стали его разсматривать.

— А альбомъ хорошенькій! — сказала дочь Жмыхова, Оля. — Я думаю, онъ рублей пятьдесятъ стѣитъ. О, какая прелесть! Ты, папка, отдай мнѣ этотъ альбомъ. Слышишь? Я его спрячу... Такой хорошенькій.

Послѣ обѣда Олечка унесла альбомъ къ себѣ въ комнату и заперла его въ столъ. На другой день она вынула изъ него чиновниковъ и побросала ихъ на полъ, и вмѣсто нихъ вставила своихъ институтскихъ подругъ. Форменные вице-

мундиры уступили свое мѣсто бѣлымъ пелеринкамъ. Коля, сынокъ его превосходительства, подобралъ чиновниковъ и раскрасилъ ихъ одежды красной краской. Безусымъ нарисовалъ онъ зеленые усы, а безбородымъ—коричневые бороды. Когда нечего уже было красить, онъ вырѣзалъ изъ карточекъ человѣчковъ, прокололъ имъ булавкой глаза и сталъ играть въ солдатики. Вырѣзавъ титулярнаго совѣтника Кратерова, онъ укрѣпилъ его на коробкѣ изъ-подъ спичекъ и въ такомъ видѣ понесъ его въ кабинетъ къ отцу.

— Папа, монументъ! Погляди!

Жмыховъ захохоталъ, покачнулся и, умилившись, поцѣловалъ врасось Колину щечку.

— Ну, иди, шалунъ, покажи мамѣ. Пусть и мама посмотритъ.

СЛУЧАИ СЪ КЛАССИКОМЪ.

Собираясь идти на экзамень греческаго языка, Ваня Оттешелевъ перецѣловалъ всѣ иконы. Въ животѣ у него перекатывало, подѣ сердцемъ вѣяло холодомъ, само сердце стучало и замирало отъ страха передь неизвѣстностью. Что-то ему будетъ сегодня? Тройка, или двойка? Разъ шесть подходилъ онъ къ мамашѣ подѣ благословеніе, а уходя, просилъ тетю помолиться за него. Идя въ гимназію, онъ подаль нишему двѣ копейки, въ расчетѣ, что эти двѣ копейки окупятъ его незнанія и что ему, Богъ дастъ, не попадутся числительныя съ этими «тессараконта» и «октокайдека».

Воротился онъ изъ гимназіи поздно, въ пятомъ часу. Пришелъ и безшумно легъ. Тощее лицо его было блѣдно. Около покраснѣвшихъ глазъ темнѣли круги.

— Ну, что? Какъ? Сколько получилъ?—спросила мамаша, подойдя къ кровати.

Ваня замгналъ глазами, скривилъ въ сторону ротъ и заплакалъ. Мамаша поблѣднѣла, разинула ротъ и всплеснула руками. Штанинки, которыя она починяла, выпали у нея изъ рукъ.

— Чего же ты плачешь? Не выдержалъ, стало-быть?—спросила она.

— По... порѣзался... Двойку получилъ...

— Такъ и знала! И предчувствіе мое такое было!—заговорила мамаша.—Охъ, Господи! Какъ же ты это не выдержалъ? Отчего? по какому предмету?

— По греческому... Я, мамочка... Спросили меня, какъ будетъ будущее отъ «феро», а я... я вмѣсто того, чтобъ сказать «ойсомай», сказалъ «опсомай». Потому... потому...

облеченное удареніе не ставится, если послѣдній слогъ долгій, а я... я оробѣлъ... забылъ, что альфа тутъ долгая... взялъ да и поставилъ облеченное. Потомъ Артаксерксовъ велѣлъ перечислить энклитическія частицы... Я перечислялъ и нечаянно мѣстоименіе впуталъ... Ошибся... Онъ и поставилъ двойку... Несчастный... я человѣкъ... Всю ночь занимался... Всю эту недѣлю въ четыре часа вставалъ...

— Нѣтъ, не ты, а я у тебя несчастная, подлый мальчишка! Я у тебя несчастная! Щелку ты изъ меня сдѣлалъ, прордъ, мучитель, злое мое произволеніе! Плачу за тебя, за дрянъ этакую непутящую, спину гну, мучаюсь и, можно сказать, страдаю, а какое отъ тебя вниманіе? Какъ ты учишься?

— Я... я занимаюсь. Всю ночь... Сами видѣли...

— Молила Бога, чтобъ смерть мнѣ послала, не посыластъ, грѣшницѣ... Мучитель ты мой! У другихъ дѣти, какъ дѣти, а у меня одинъ-единственный—и никакой точки отъ него, никакого пути. Бить тебя? Била бы, да гдѣ же мнѣ силъ взять? Гдѣ же, Вожья Матерь, силъ взять?

Мамаша закрыла лицо полой кофточки и зарыдала. Ваня завертѣлся отъ тоски и прижалъ свой лобъ къ стѣнѣ. Вошла тетя.

— Ну, вотъ... Предчувствіе мое...—заговорила она, сразу догадавшись, въ чемъ дѣло, блѣднѣя и всплескивая руками. — Все утро тоска... Ну-у, думаю, быть бѣдѣ... Оно вотъ такъ и вышло...

— Разбойникъ мой, мучитель!—проговорила мамаша.

— Чего же ты его ругаешь?—набросилась на нее тетя, нервно стаскивая со своей головки платочекъ кофейнаго цвѣта.—Нешто онъ виновать? Ты виноватая! Ты! Ну, съ какой стати ты его въ эту гимназію отдала? Что ты за дворянка такая? Въ дворяне лѣзете? А-а-а-а... Какъ же, безпремѣнно, такъ вотъ васъ и сдѣлаютъ дворянами! А было бы вотъ, какъ я говорила, по торговой бы части... въ контору-то, какъ мой Кузя... Кузя-то, вотъ, пятьсотъ въ годъ получаетъ. Пятьсотъ—шутка ли? И себя ты замучила, и мальчишку замучила ученостью этой, чтобъ ей пусто было. Худенькій, кашляетъ... погляди: тринадцать лѣтъ ему, а видъ у него, точно у десятилѣтняго.

— Нѣтъ, Настенька, нѣтъ, милая! Мало я его била, мучителя моего! Бить бы нужно, вотъ что! У-у-у... іезуитъ,

магометъ, мучитель мой!—замахнулась она на сына.—Пороть бы тебя, да силы у меня нѣтъ. Говорили мнѣ прежде, когда онъ еще малъ былъ: «Бей, бей»... Не послушала, грѣшница. Вотъ и мучаюсь теперь. Пстой же! Я тебя выдеру! Пстой!..

Мамаша погрозила мокрымъ кулакомъ и, плача, пошла въ комнату жильца. Ея жилецъ, Евтихій Кузьмичъ Купоросовъ, сидѣлъ у себя за столомъ и читалъ «Самоучитель танцевъ». Евтихій Кузьмичъ—человѣкъ умный и образованный. Онъ говоритъ въ носъ, умывается съ мыломъ, отъ котораго пахнетъ чѣмъ-то такимъ, отчего чихаютъ всѣ въ домѣ, кушаетъ онъ въ постные дни скоромное и ищетъ образованную невѣсту, а потому считается самымъ умнымъ жильцомъ. Поетъ онъ тепоромъ.

— Батюшка!—обратилась къ нему мамаша, заливаясь слезами.—Будьте столь благородны, посѣдите моего... Сдѣлайте милость! Не выдержалъ, горе мое! Вѣрите ли, не выдержалъ! Не могу я наказывать, по слабости моего нездоровья.. Посѣдите его замѣсто меня, будьте столь благородны и деликатны, Евтихій Кузьмичъ! Уважьте больную женщину!

Купоросовъ нахмурился и выпустилъ сквозь ноздри глубочайшій вздохъ. Онъ подумалъ, постучалъ пальцами по столу и, еще разъ вздохнувъ, пошелъ къ Ванѣ.

— Васъ, такъ сказать, учать!—началъ онъ.—Образовываютъ, ходъ даютъ, возмутительный молодой человѣкъ! Вы почему?

Онъ долго говорилъ, сказалъ цѣлую рѣчь. Упомянулъ о наукѣ, о свѣтѣ и тьмѣ.

— Н-да-съ, молодой человѣкъ!

Кончивъ рѣчь, онъ снялъ съ себя ремень и потянулъ Ваню за руку.

— Съ вами иначе нельзя!—сказалъ онъ.

Ваня покорно нагнулся и сунулъ свою голову въ его колѣни. Розовыя, торчащія уши его задвигались по новымъ триковымъ брюкамъ съ коричневыми лампасами...

Ваня не издалъ ни одного звука. Вечеромъ, на семейномъ совѣтѣ, рѣшено было отдать его по торговой части.

СТРАШНАЯ НОЧЬ.

Иванъ Петровичъ Панихинъ наблюдѣлъ, притушилъ лампу и началъ взволнованнымъ голосомъ:

— Темная, безпросвѣтная мгла висѣла надъ землей, когда я, въ ночь подъ Рождество 1883 года, возвращался къ себѣ домой отъ нынѣ умершаго друга, у котораго всѣ мы тогда засидѣлись на спиритическомъ сеансѣ. Переулки, по которымъ я проходилъ, почему-то не были освѣщены, и мнѣ приходилось пробираться почти ощупью. Жилъ я въ Москвѣ, у Успенія-на-Могильцахъ, въ домѣ чиновника Трупова, стало-быть, въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей Арбата. Мысли мои, когда я шелъ, были тяжелы, гнетущи...

«Жизнь твоя близится къ закату... Кайся...»

Такова была фраза, сказанная мнѣ на сеансѣ Спипозой, духъ котораго намъ удалось вызвать. Я просилъ повторить, и блюдечко не только повторило, но еще и прибавило: «Сегодня ночью». Я не вѣрю въ спиритизмъ, но мысль о смерти, даже намекъ на нее, повергаютъ меня въ уныніе. Смерть, господа, неизбежна, она обыденна, но, тѣмъ не менѣе, мысль о ней противна природѣ человѣка... Теперь же, когда меня окутывалъ непроницаемый, холодный мракъ и передъ глазами неистово кружились дождевые капли, а надъ головою жалобно стоналъ вѣтеръ, когда я вокругъ себя не видѣлъ ни одной живой души, не слышалъ человѣческаго звука, душу мою наполняли неопредѣленный и неизъяснимый страхъ. Я, человѣкъ свободный

отъ предразсудковъ, торопился, боясь оглянуться, поглядѣть въ стороны. Мнѣ казалось, что если я оглянусь, то непременно увижу смерть въ видѣ привидѣнія.

Панихинъ порывисто вздохнулъ, вышилъ воды и продолжалъ:

— Этотъ неопредѣленный, но понятный вамъ страхъ не оставилъ меня и тогда, когда я, взобравшись на четвертый этажъ дома Трупова, отперъ дверь и вошелъ въ свою комнату. Въ моемъ скромномъ жилищѣ было темно. Въ печи плакалъ вѣтеръ и, словно просясь въ тепло, постукивалъ въ дверцу отдушника.

«Если вѣрить Спинозѣ, — улынулся я: — то подъ этотъ плачъ сегодня ночью мнѣ придется умереть. Жутко, однако!»

И зажегъ спичку... Неистовый порывъ вѣтра пробѣжалъ по кровлѣ дома. Тихій плачъ обратился въ злобный ревъ. Гдѣ-то внизу застучала наполовину сорвавшаяся ставня, а дверца моего отдушника жалобно провизжала о помощи...

«Плохо въ такую ночь безпріютнымъ», — подумалъ я.

Но не время было предаваться подобнымъ размышленіямъ. Когда на моей спичкѣ синимъ огонькомъ разгорѣлась сѣра и я окинулъ глазами свою комнату, мнѣ представилось зрѣлище неожиданное и ужасное... Какъ жаль, что порывъ вѣтра не достигъ моей спички! Тогда, быть-можетъ, я ничего не увидѣлъ бы, и волосы мои не стали бы дыбомъ. Я вскрикнулъ, сдѣлалъ шагъ къ двери и, полный ужаса, отчаянія, изумленія, закрылъ глаза...

Посреди комнаты стоялъ гробъ.

Синій огонекъ горѣлъ недолго, но я успѣлъ различить контуры гроба.. Я видѣлъ розовый, мерцающій искорками, глазетъ, видѣлъ золотой, галунный крестъ на крышкѣ. Есть вещи, господа, которыя запечатлѣваются въ вашей памяти, несмотря даже на то, что вы видѣли ихъ одно только мгновеніе. Такъ и этотъ гробъ. Я видѣлъ его одну только секунду, но помню во всѣхъ малѣйшихъ чертахъ. Это былъ гробъ для человѣка средняго роста и, судя по розовому цвѣту, для молодой дѣвушки. Дорогой глазетъ, ножки, бронзовыя ручки — все говорило за то, что покойникъ былъ богатъ.

Опрометью выбѣжалъ я изъ своей комнаты и, не разсуждая, не мысля, а только чувствуя невыразимый страхъ, понесся внизъ по лѣстницѣ. Въ коридорѣ и на лѣстницѣ

было темно, ноги мои путались въ полахъ шубы, и какъ я не слетѣлъ и не сломалъ себѣ шеи,—это удивительно. Очувтившись на улицѣ, я прислонился къ мокрому фонарному столбу и началъ себя успокаивать. Сердце мое страшно билось, дыханіе сперло...

Одна изъ слушательницъ припустила огня въ лампѣ, придвинулась ближе къ рассказчику, и послѣдній продолжалъ:

— Я не удивился бы, если бы засталъ въ своей комнатѣ пожаръ, вора, бѣшеную собаку... Я не удивился бы, если бы обвалился потолокъ, провалился полъ, попадали стѣны... Все это естественно и понятно. Но какъ могъ попасть въ мою комнату гробъ? Откуда онъ взялся? Дорогой, женскій, сдѣланный, очевидно, для молодой аристократки,—какъ могъ онъ попасть въ убогую комнату мелкаго чиновника? Пусть онъ, или внутри его—трупъ? Кто же *она*, эта безвременно покончившая съ жизнью богачка, нанесшая мнѣ такой странный и страшный визитъ? Мучительная тайна!

«Если здѣсь не чудо, то преступленіе»,—блеснуло въ моей головѣ.

Я терялся въ догадкахъ. Дверь во время моего отсутствія была заперта, и мѣсто, гдѣ находился ключъ, было извѣстно только моимъ очень близкимъ друзьямъ. Не друзья же поставили мнѣ гробъ. Можно было также предположить, что гробъ былъ принесенъ ко мнѣ гробовщиками по ошибкѣ. Они могли обознаться, ошибиться этажомъ или дверью и внести гробъ не туда, куда слѣдуетъ. Но кому не извѣстно, что наши гробовщики не выйдутъ изъ комнаты, прежде чѣмъ не получатъ за работу, или, по крайней мѣрѣ, на чай?

«Духи предсказали мнѣ смерть,—думалъ я.—Не они ли уже постарались кстати снабдить меня и гробомъ?»

Я, господа, не вѣрю и не вѣрилъ въ спиритизмъ, но такое совпаденіе можетъ повергнуть въ мистическое настроеніе даже философа.

«Но все это глупо и я трусливъ, какъ школьникъ,—рѣшилъ я.—То былъ оптический обманъ—и больше ничего! Идя домой, я былъ такъ мрачно настроенъ, что не мудрено, если мои больные нервы увидѣли гробъ... Конечно, оптический обманъ! Что же другое?»

Дождь хлесталъ меня по лицу, а вѣтеръ сердито трепалъ мои волосы, шапку... Я озябъ и страшно промокъ. Нужно было идти, но... куда? Вернуться къ себѣ—значило бы под-

вергнуть себя риску увидѣть гробъ еще разъ, а это зрѣлище было выше моихъ силъ. Я, не видѣвшій вокругъ себя ни одной живой души, не слышавшій ни одного человѣческаго звука, оставшись одинъ, наединѣ съ гробомъ, въ которомъ, быть-можетъ, лежало мертвое тѣло, могъ бы лишиться разсудка. Остаться же на улицѣ подъ проливнымъ дождемъ въ холодѣ было невозможно.

Я порѣшилъ отправиться ночевать къ другу моему Упокоеву, впослѣдствіи, какъ вамъ извѣстно, застрѣлившемуся. Жилъ онъ въ меблированныхъ комнатахъ купца Черепова, что въ Мертвомъ переулкѣ.

Панихидинъ вытеръ холодный потъ, выступившій на его блѣдномъ лицѣ, и, тяжело вздохнувъ, продолжалъ:

— Дома я своего друга не засталъ. Постучавшись къ нему въ дверь и убѣдившись, что его нѣтъ дома, я нащупалъ на перекладинѣ ключъ, отперъ дверь и вошелъ. Я сбросилъ съ себя на полъ мокрую шубу и, нащупавъ въ темнотѣ диванъ, сѣлъ отдохнуть. Было темно... Въ оконной вентиляціи тоскливо жужжалъ вѣтеръ. Въ печи монотонно насвистывала свою однообразную пѣсню сверчокъ. Въ Кремлѣ ударили къ рождественской заутрени. Я поспѣшилъ залечь спичку. Но свѣтъ не избавилъ меня отъ мрачнаго настроенія, а напротивъ. Страшный, невыразимый ужасъ овладѣлъ мною вновь... Я вскрикнулъ, пошатнулся и, не чувствуя себя, выбѣжалъ изъ номера...

Въ комнатѣ товарища я увидѣлъ то же, что и у себя,— гробъ!

Гробъ товарища былъ почти вдвое больше моего, и коричневая обивка придавала ему какой-то особенно мрачный колоритъ. Какъ онъ попалъ сюда? Что это былъ оптический обманъ—сомнѣваться уже было невозможно... Не могъ же въ каждой комнатѣ быть гробъ! Очевидно, то была болѣзнь моихъ нервовъ, была галлюцинація. Куда бы я ни пошелъ теперь, я всюду увидѣлъ бы передъ собой страшное жилище смерти. Стало-быть, я сходилъ съ ума, заблѣвалъ чѣмъ-то въ родѣ «гробоманіи», и причину умопомѣшательства искать было недолго: стоило только вспомнить спиритическій сеансъ и слова Спинозы...

«Я схожу съ ума!—подумалъ я въ ужасѣ, хватая себя за голову.—Боже мой! Что же дѣлать?»

Голова моя трещала, ноги подкашивались... Дождь лилъ,

какъ изъ ведра, вѣтеръ пронизывалъ насквозь, а на мнѣ не было ни шубы, ни шапки. Воротиться за ними въ номеръ было невозможно, выше силъ моихъ... Страхъ крѣпко сжималъ меня въ своихъ холодныхъ объятіяхъ. Волосы мои встали дыбомъ, съ лица струился холодный потъ, хотя я и вѣрилъ, что то была галлюцинація.

— Что было дѣлать?—продолжалъ Панихидинъ.—Я сходилъ съ ума и рисковалъ страшно простудиться. Къ счастью, я вспомнилъ, что недалеко отъ Мертваго переулка живетъ мой хорошій пріятель, недавно только кончившій врачъ Погостовъ, бывшій со мной въ ту ночь на спиритическомъ сеансѣ. Я поспѣшилъ къ нему... Тогда онъ еще не былъ женатъ на богатой купчихѣ и жилъ на пятомъ этажѣ дома статскаго совѣтника Кладбищенскаго.

У Погостова моимъ нервамъ суждено было претерпѣть еще новую пытку. Взбираясь на пятый этажъ, я услышалъ страшный шумъ. Наверху кто-то бѣжалъ, сильно стуча ногами и хлопая дверьми.

— Ко мнѣ!—услышалъ я раздирающій душу крикъ.— Ко мнѣ! Дворникъ!

И черезъ мгновеніе навстрѣчу мнѣ сверху внизъ по лѣстницѣ неслась темная фигура въ шубѣ и помятомъ цилиндрѣ...

— Погостовъ!—воскликнулъ я, узнавъ друга моего Погостова.—Это вы? Что съ вами?

Поровнявшись со мной, Погостовъ остановился и судорожно схватилъ меня за руку. Онъ былъ блѣденъ, тяжело дышалъ, дрожалъ. Глаза его беспорядочно блуждали, грудь вздымалась...

— Это вы, Панихидинъ?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.—Но вы ли это? Вы блѣдны, словно выходецъ изъ могилы... Да полно, не галлюцинація ли вы?... Боже мой... вы страшны...

— Но что съ вами? На васъ лица нѣтъ!

— Охъ, дайте, голубчикъ, перевести духъ... Я радъ, что васъ увидѣлъ, если это дѣйствительно вы, а не оптический обманъ. Проклятый спиритическій сеансъ... Онъ такъ разстроилъ мои нервы, что я, представьте, воротившись сейчасъ домой, увидѣлъ у себя въ комнатѣ... гробъ!

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и попросилъ повторить.

— Гробъ, настоящій гробъ!—сказалъ докторъ, садясь

въ изнеможеніи на ступень.—Я не трусь, но вѣдь и самъ чортъ испугается, если послѣ спиритическаго сеанса натолкнется въ потемкахъ на гробъ!

Путаясь и занкаясь, я рассказалъ доктору про гробы, видѣнные мною...

Минуту глядѣли мы другъ на друга, выпуча глаза и удивленно раскрывъ рты. Потомъ же, чтобы убѣдиться, что мы не галлюцинуемъ, мы принялись щипать другъ друга.

— Намъ обоимъ больно, — сказалъ докторъ, — стало-быть, сейчасъ мы не спимъ и видимъ другъ друга не во снѣ. Стало-быть, гробы, мой и оба ваши, — не оптический обманъ, а нѣчто существующее. Что же теперь, батенька, дѣлать?

Простоявъ битый часъ на холодной лѣстницѣ и теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ, мы страшно озябли и порѣшили отбросить малодушный страхъ и, разбудивъ коридорнаго, пойти съ нимъ въ комнату доктора. Такъ мы и сдѣлали. Войдя въ номеръ, зажгли свѣчу, и въ самомъ дѣлѣ увидѣли гробъ, обитый бѣлымъ газетомъ, съ золотой бахромой и кистями. Коридорный набожно перекрестился.

— Теперь можно узнать, — сказалъ блѣдный докторъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: — пусть этотъ гробъ, или же... онъ обитаемъ?

Послѣ долгой, понятной нерѣшимости, докторъ нагнулся и, стиснувъ отъ страха и ожиданія зубы, сорвалъ съ гроба крышку. Мы взглянули въ гробъ и...

Гробъ былъ пустъ...

Покойника въ немъ не было, но зато мы нашли въ немъ письмо такого содержанія:

«Милый Погостовъ! Ты знаешь, что дѣла моего тестя пришли въ страшный упадокъ. Онъ залѣзъ въ долги по горло. Завтра, или послѣзавтра, явятся описывать его имущество, и это окончателно погубить его семью, и мою, погубить нашу честь, что для меня дороже всего. На вчерашнемъ семейномъ совѣтѣ мы рѣшили припрятать все цѣнное и дорогое. Такъ какъ все имущество моего тестя заключается въ гробахъ (онъ, какъ тебѣ извѣстно, гробовыхъ дѣлъ мастеръ, лучший въ городѣ), то мы порѣшили припрятать самые лучшіе гробы. Я обращаюсь къ тебѣ, какъ къ другу, помоги мнѣ, спаси наше состояніе и нашу честь! Въ надеждѣ, что ты поможешь намъ сохранить наше имущество, посылаю тебѣ, голубчикъ, одинъ гробъ, кото-

рый прошу спрятать у себя и хранить впредь до востребованія. Безъ помощи знакомыхъ и друзей мы погибнемъ. Надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ, тѣмъ болѣе, что гробъ простоятъ у тебя не болѣе недѣли. Всѣмъ, кого я считаю за нашихъ истинныхъ друзей, я послалъ по гробу и надѣюсь на ихъ великодушіе и благородство. Любящій тебя Иванъ Челюстинъ».

Послѣ этого я мѣсяца три лѣчился отъ разстройства нервовъ, другъ же нашъ, зять гробовщика, спасъ и честь свою, и имуществу, и уже содержитъ бюро погребальныхъ процессій и торгуетъ памятниками и надгробными плитами. Для его идти не важно, и каждый вечеръ теперь, входя къ себѣ, я все боюсь, что увижу около своей кровати бѣлый мраморный памятникъ или катафалкъ.

ЧТЕНІЕ.

(РАЗСКАЗЪ СТАРАГО ВОРОБЬЯ.)

Какъ-то разъ въ кабинетѣ нашего начальника Ивана Петровича Семипалатова сидѣлъ антрепренеръ нашего театра Галамидовъ и говорилъ съ нимъ объ игрѣ и красотѣ нашихъ актрисъ.

— Но я съ вами не согласенъ, — говорилъ Иванъ Петровичъ, подписывая ассигновки. — Софья Юрьевна сильный, оригинальный талантъ! Милая такая, граціозная... Прелестная такая...

Иванъ Петровичъ хотѣлъ дальше продолжать, но отъ восторга не могъ выговорить ни одного слова и улыбнулся такъ широко и слащаво, что антрепренеръ, глядя на него, почувствовалъ во рту сладость.

— Мнѣ нравится въ ней... э-э-э... волненіе и трепетъ молодой груди, когда она читаетъ монологи... Такъ и пышетъ, такъ и пышетъ! Въ этотъ моментъ, передайте ей, я готовъ... на все!

— Ваше превосходительство, извольте подписать отвѣтъ на отношеніе херсонскаго полицейскаго правленія касательно...

Семипалатовъ поднялъ свое улыбающееся лицо и увидѣлъ передъ собой чиновника Мердяева. Мердяевъ стоялъ передъ нимъ и, выщучивъ глаза, подносилъ ему бумагу для подписи. Семипалатовъ поморщился: проза прервала поэзію на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Объ этомъ можно бы и послѣ, — сказалъ онъ. — Видите, вѣдь, я разговариваю! Ужасно невоспитанный, неделикатный!

народъ! Вотъ-съ, господниъ Галамидовъ... Вы говорили, что у насъ нѣтъ уже гоголевскихъ типовъ... А вотъ вамъ! Чѣмъ не типъ? Неряха, локти продраны, косой... никогда не чешется... А посмотрите, какъ онъ пишетъ! Это чортъ знаетъ что! Пишетъ безграмотно, бессмысленно... какъ сапожникъ! Вы посмотрите!

— М-да...—промычалъ Галамидовъ, посмотрѣвъ на бумагу.—Дѣйствительно... Вы, господинъ Мердяевъ, вѣроятно, мало читаете.

— Этакъ, любезнѣйшій, нельзя!—продолжалъ начальникъ...—Мнѣ за васъ стыдно! Вы бы хоть книги читали, что ли...

— Чтеніе много значитъ!—сказалъ Галамидовъ и вздохнулъ безъ причины.—Очень много! Вы читайте и сразу увидите, какъ рѣзко измѣнится вашъ кругозоръ. А книги вы можете достать, гдѣ угодно. У меня, напримѣръ... Я съ удовольствіемъ. Завтра же я завезу, если хотите.

— Поблагодарите, любезнѣйшій!—сказалъ Семипалатовъ.

Мердяевъ неловко поклонился, пошевелилъ губами и вышелъ.

На другой день пріѣхалъ къ намъ въ присутствіе Галамидовъ и привезъ съ собой связку книгъ. Съ этого момента и начинается исторія. Потомство никогда не проститъ Семипалатову его легкомысленнаго поступка! Это можно было бы, пожалуй, простить юношѣ, но опытному дѣйствительному статскому совѣтнику—никогда! По пріѣздѣ антрепренера, Мердяевъ былъ позванъ въ кабинетъ.

— Натѣ, вотъ, читайте, любезнѣйшій!—сказалъ Семипалатовъ, подавая ему книгу.—Читайте внимательно.

Мердяевъ взялъ дрожащими руками книгу и вышелъ изъ кабинета. Онъ былъ блѣденъ. Косые глазки его безпокойно обѣгали и, казалось, искали у окружающихъ предметовъ помощи. Мы взяли у него книгу и начали ее осторожно разсматривать.

Книга была «Графъ Монте-Кристо».

— Противъ его воли не пойдешь!—сказалъ со вздохомъ нашъ старый бухгалтеръ Прохоръ Семенычъ Будылда.—Постарайся какъ-нибудь, понатужься... Читай себѣ помаленьку, а тамъ, Богъ дастъ, онъ забудетъ, и тогда брссить можно будетъ. Ты не пугайся... А главное — не вникай... Читай и не вникай въ эту умственность

Мердяевъ завернулъ книгу въ бумагу и сѣлъ писать. Но не писалось ему на этотъ разъ. Руки у него дрожали и глаза косили въ разные стороны: одинъ въ потолокъ, другой въ чернильницу. На другой день пришелъ онъ на службу заплаканный.

— Четыре раза ужъ начинать,—сказалъ онъ:—но ничего не разберу... Какіе-то иностранцы..

Черезъ пять дней Семипалатовъ, проходя мимо столовъ, остановился передъ Мердяевымъ и спросилъ:

— Ну, что? Читали книгу?

— Читалъ, ваше превосходительство.

— О чемъ же вы читали, любезнѣйшій? А ну-ка, расскажите!

Мердяевъ поднялъ вверхъ голову и зашевелилъ губами.

— Забылъ, ваше превосходительство...—сказалъ онъ черезъ минуту.

— Значить, вы не читали, или... э-э-э... невнимательно читали! Авто-мма-тически! Такъ нельзя! Вы еще разъ прочтите! Вообще, господа, рекомендую! Извольте читать! Всѣ читайте! Берите тамъ у меня на окнѣ книги и читайте. Парамоновъ, подите, возьмите себѣ книгу! Подходцевъ, ступайте и вы, любезнѣйшій! Смирновъ,—и вы! Всѣ, господа! Прошу!

Всѣ пошли и взяли себѣ по книгѣ. Одинъ только Буддыда осмѣлился выразить протестъ. Онъ развелъ руками, покачалъ головой и сказалъ:

— А ужъ меня извините, ваше превосходительство... Скорѣй въ отставку... Я знаю, что отъ этихъ самыхъ критикъ и сочиненій бываетъ. У меня отъ нихъ старшій внукъ родную мать въ глаза душой зоветъ и весь постъ молоко хлещетъ. Извините-сь!

— Вы ничего не понимаете, —сказалъ Семипалатовъ, прощавшій обыкновенно старику всѣ его грубости.

Но Семипалатовъ ошибался: старикъ все понималъ. Черезъ недѣлю же мы увидѣли плоды этого чтенія. Подходцевъ, читавшій второй томъ «Вѣчнаго Жида», назвалъ Буддыду «иезуитомъ»; Смирновъ сталъ являться на службу въ нетрезвомъ видѣ. Но ни на кого не подѣйствовало такъ чтеніе, какъ на Мердяева. Онъ похудѣлъ, осунулся, сталъ пить.

— Прохоръ Семенычъ! — умолялъ онъ Буддыду. — За-

ставьте вѣчно Бога молить! Попросите вы его превосходительство, чтобы они меня извинили... Не могу я читать. Читаю день и ночь, не сплю, не ѣмъ... Жена вся измучилась, вслух читавши, но, побей Богъ, ничего не понимаю! Сдѣлайте божескую милость!

Будылда нѣсколько разъ осмѣливался докладывать Семипалатову, но тотъ только руками махалъ и, расхаживая по правленію вмѣстѣ съ Галамидовымъ, попрекалъ всѣхъ невѣжествомъ. Прошло этакъ два мѣсяца, и кончилась вся эта исторія ужаснѣйшимъ образомъ.

Однажды Мердяевъ, придя на службу, вмѣсто того, чтобы садиться за столъ, сталъ среди присутствія на колѣни, заплакалъ и сказалъ:

— Простите меня, православные, за то, что я фальшивыя бумажки дѣлаю!

Затѣмъ онъ вошелъ въ кабинетъ и, ставъ передъ Семипалатовымъ на колѣни, сказалъ:

— Простите меня, ваше превосходительство: вчера я ребеночка въ колодець бросилъ!

Стукнулся лбомъ о-поль и зарыдалъ...

— Что это значить?!—удивился Семипалатовъ.

— А это тѣ значить, ваше превосходительство,—сказалъ Будылда со слезами на глазахъ, выступая впередъ:— что онъ ума рѣшился! У него умъ за разумъ зашелъ! Вотъ что вашъ Галамидка сочиненіями надѣлалъ! Богъ все видитъ, ваше превосходительство. А ежели вамъ мои слова не нравятся, то позвольте мнѣ въ отставку. Лучше съ голоду помереть, чѣмъ этакое на старости лѣтъ видѣть!

Семипалатовъ поблѣднѣлъ и прошелся изъ угла въ уголь.

— Не принимать Галамидова!—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—А вы, господа, успокойтесь. Я теперь вижу свою ошибку. Благодарю, старикъ!

И съ этой поры у насъ больше ничего не было. Мердяевъ выздоровѣлъ, но не совсѣмъ. И до сихъ поръ при видѣ книги онъ дрожитъ и отворачивается.

ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

Муха средней величины забралась въ носъ товарища прокурора, надворнаго совѣтника Гагина. Любопытство ли ее мучило, или, быть-можетъ, она пошала туда по легкомыслию, или благодаря потемкамъ, но только носъ не вынесъ присутствія инороднаго тѣла и подалъ сигналъ къ чиханію. Гагинъ чихнулъ, чихнулъ съ чувствомъ, съ произительнымъ присвистомъ и такъ громко, что кровать вздрогнула и издала звукъ потревоженной пружины. Супруга Гагина, Марья Михайловна, крупная, полная блондинка, тоже вздрогнула и проснулась. Она поглядѣла въ потемки, вздохнула и повернулась на другой бокъ. Минуть черезъ пять она еще разъ повернулась, закрыла плотнѣе глаза, но сонъ уже не возвращался къ ней. Повздыхавъ и поворочавшись съ боку на бокъ, она приподнялась, перелѣзла черезъ мужа и, надѣвъ туфли, пошла къ окну.

На дворѣ было темно. Видны были одни только силуэты деревьевъ, да темныя крыши сараевъ. Востокъ чуть-чуть поблѣднѣлъ, но и эту блѣдность собирались заволкнуть тучи. Въ воздухѣ, уснушемъ и окутанномъ во мглу, стояла тишина. Молчалъ даже дачный сторожъ, получающій деньги за нарушеніе стукомъ ночной тишины, молчалъ и коростель—единственный дикій пернатый, не чуждающійся сосѣдства со столичными дачниками.

Тишину нарушила сама Марья Михайловна. Стоя у окна и глядя во дворъ, она вдругъ вскрикнула. Ей показалось, что отъ пѣвника съ тощимъ, стриженнымъ тополемъ пробралась къ дому какая-то темная фигура. Сначала она

думала, что это корова или лошадь, потомъ же, протеревъ глаза, она стала ясно различать человѣческіе контуры.

За симъ ей показалось, что темная фигура подошла къ окну, выходявшему изъ кухни, и, постоявъ немного, очевидно въ нерѣшимости, стала одной ногой на карнизъ и... исчезла во мракѣ окна.

«Воръ!»—мелькнуло у нея въ головѣ, и мертвенная блѣдность залила ея лицо.

И въ одинъ мигъ ея воображеніе нарисовало картину, которой такъ боятся дачницы: воръ лѣзетъ въ кухню, изъ кухни въ столовую... серебро въ шкапу... далѣе спальня... топорь... разбойничье лицо... золотыя вещи... Колѣна ея подогнулись и по спинѣ побѣжали мурашки.

— Вася!—затеребила она мужа.—Базиль! Василій Прокофьячъ! Ахъ, Боже мой, словно мертвый! Проснись, Базиль, умоляю тебя!

— Н-ну?—промычалъ товарищъ прокурора, потянувъ въ себя воздухъ и издавая жевательные звуки.

— Проснись, ради Создателя! Къ намъ въ кухню забрался воръ! Стою я у окна, гляжу, а кто-то въ окно лѣзетъ. Изъ кухни проберется въ столовую... ложки въ шкапу! Базиль! У Мавры Егоровны въ прошломъ году также вотъ забрались.

— Ко... кого тебѣ?

— Боже, онъ не слышитъ! Да пойми же ты, истуканъ, что я сейчасъ видѣла, какъ къ намъ въ кухню полѣзъ какой-то человѣкъ! Пелагея испугается, и... и серебро въ шкапу!

— Чепуха!

— Базиль, это несносно! Я говорю тебѣ объ опасности, а ты спишь и мычишь! Что же ты хочешь? Хочешь, чтобы насъ обокрали и перерѣзали?

Товарищъ прокурора медленно поднялся и сѣлъ на кровати, оглашая воздухъ зѣвками.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы за народъ! — пробормоталъ онъ.— Неужели даже ночью нѣтъ покоя? Будятъ изъ-за пустяковъ.

— Но клянусь тебѣ, Базиль, я видѣла, какъ человѣкъ полѣзъ въ окно!

— Ну, такъ что же? И пусть лѣзетъ... Это, по всей вѣроятности, къ Пелагеѣ ея пожарный пришелъ.

— Что-о-о? Что ты сказалъ?
— Я сказалъ, что это къ Пелагеѣ пожарный пришель.
— Тѣмъ хуже!—вскрикнула Марья Михайловна. — Это хуже вора! Я не потерплю въ своемъ домѣ цинизма!

— Экая добродѣтель, посмотришь... Не потерплю цинизма... Да нешто это цинизмъ? Къ чему безъ толку заграничными словами выпаливать? Это, матушка моя, испоконъ вѣку такъ ведется, традиціей освящено. На то онъ и пожарный, чтобъ къ кухаркамъ ходить.

— Нѣтъ, Базиль! Значить, ты не знаешь меня! Я не могу допустить мысли, чтобъ въ моемъ домѣ и такое... этакое... Изволь отправиться сію минуту въ кухню и приказать ему убираться! Сію же минуту! А завтра я скажу Пелагеѣ, чтобы она не смѣла позволять себѣ подобныя поступки! Когда я умру, можете допускать въ моемъ домѣ циничности, а теперь вы не смѣете. Извольте идти!

— Чортъ...—проворчалъ Гагинъ съ досадой.—Ну, разсуди своимъ бабьимъ, микроскопическимъ мозгомъ, зачѣмъ я туда пойду?

— Базиль, я падаю въ обморокъ!

Гагинъ плюнулъ, надѣлъ туфли, еще разъ плюнулъ и отправился въ кухню. Было темно, какъ въ закупоренной бочкѣ, и товарищу прокурора пришлось пробираться ощупью. По дорогѣ онъ нащупалъ дверь въ дѣтскую и разбудилъ няньку.

— Василиса, — сказалъ онъ: — ты брала вечеромъ мой халатъ чистить. Гдѣ онъ?

— Я его, баринъ, Пелагеѣ отдала чистить.

— Что за безпорядки? Братъ берете, а на мѣсто не кладете... Изволь теперь путешествовать безъ халата!

Войдя въ кухню, онъ направился къ тому мѣсту, гдѣ на сундукѣ, подъ полкой съ кастрюлями, спала кухарка.

— Пелагея!—началъ онъ, нащупывая плечо и толкая.— Ты! Пелагея! Ну, что представляешься? Не слышь вѣдь! Кто это сейчасъ лѣзъ къ тебѣ въ окно?

— Гм!.. здрасте! Въ окно лѣзъ! Кому это лѣзть?

— Да ты того... нечего тѣнь наводить! Скажи-ка лучше своему прохвосту, чтобы онъ по добру, по здорову убирался вонъ. Слышишь? Нечего ему тутъ дѣлать!

— Да вы въ умѣ, баринъ? Здрасте... Дуру какую нашли... День-деньской мучаешься, бѣгаючи, покоя не знаешь, а

ночью съ такими словами. За четыре рубля въ мѣсяць живень... при своемъ чаѣ и сахарѣ, а кромѣ этихъ словъ другой чести ни отъ кого не видишь... Я у купцовъ жила, да такого срама не видывала.

— Ну, ну... нечего Лазаря пѣть! Сію же минуту чтобы твоего солдафона здѣсь не было! Слышишь?

— Грѣхъ вамъ, баринь!—сказала Пелагея, и въ голосѣ ея послышались слезы.—Господа образованные... благородные, а нѣтъ того понятія, что, можетъ, при горѣ-то нашемъ... при нашей несчастной жизни...—Она заплакала.—Обидѣть насъ можно. Заступиться некому.

— Ну, ну... мнѣ вѣдь все равно! Меня барыня сюда послала. По мнѣ, хоть домового впусти въ окно, такъ мнѣ все равно.

Товарищу прокурора оставалось только сознаться, что онъ не правъ, дѣлая этотъ допросъ, и возвратиться къ супругѣ.

— Послушай, Пелагея,—сказалъ онъ:—ты брала чистить мой халатъ. Гдѣ онъ?

— Ахъ, баринъ, извините, забыла вамъ положить его на стулъ. Онъ виситъ около печки на гвоздикѣ...

Гагинъ нащупалъ около печки халатъ, надѣлъ его и тихо пошелъ въ спальню.

Марья Михайловна по уходѣ мужа легла въ постель и стала ждать. Минуты три она была покойна, но затѣмъ ее начало помучивать безпокойство.

«Какъ долго онъ ходитъ, однако!—думала она.—Хорошо, если тамъ тотъ... циникъ, ну, а если воръ?»

И воображеніе ея опять нарисовало картину: мужъ входитъ въ темную кухню... ударъ обухомъ... умираетъ, не издавъ ни одного звука... лужа крови...

Прошло пять минутъ, пять съ половиной, наконецъ шесть... На лбу у нея выступилъ холодный потъ.

— Базиль!—взвизгнула она.—Базиль!

— Ну, что кричишь? Я здѣсь...—услышала она голосъ и шаги мужа.—Рѣжутъ тебя, что ли?

Товарищъ прокурора подошелъ къ кровати и сѣлъ на край.

— Никого тамъ нѣтъ,—сказалъ онъ.—Тебѣ примерещилось, чудачка... Ты можешь успокоиться, твоя дурица, Пелагея, такъ же добродѣтельна, какъ и ея хозяйка. Экая ты трусиха! Экая ты...

И товарищ прокурора началъ дразнить свою жену. Онъ разгулялся, и ему уже не хотѣлось спать.

— Экая трусиха!—смѣялся онъ.—Завтра же ступай къ доктору отъ галлюцинацій лѣчиться. Ты психонатка!

— Дегтемъ запахло... — сказала жена. — Дегтемъ, или... чѣмъ-то такимъ, лукомъ... щами.

— М-да... Что-то такое въ воздухѣ... Спать не хочется! Вотъ что, зажгу-ка я свѣчку... Гдѣ у насъ спички? И кстати покажу тебѣ фотографію прокурора судебной палаты. Вчера прощался съ нами и далъ всѣмъ по карточкѣ. Съ автографомъ.

Гагинъ чиркнулъ о стѣну спичкой и зажегъ свѣчу. Но прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ шагъ отъ кровати, чтобы пойти за карточкой, сзади него раздался пронзительный, душу раздирающій крикъ. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ два большихъ жениныхъ глаза, обращенныхъ на него и полныхъ удивленія, ужаса, гнѣва...

— Ты снималъ въ кухнѣ свой халатъ?—спросила она, блѣднѣя.

— А что?

— Погляди на себя!

Товарищ прокурора поглядѣлъ на себя и ахнулъ. На его плечахъ, вмѣсто халата, болталась шинель пожарнаго. Какъ она попала на его плечи? Пока онъ рѣшалъ этотъ вопросъ, жена его рисовала въ своемъ воображеніи новую картину, ужасную, невозможную: мракъ, тишина, шопотъ и проч., и проч...

АПТЕКАРША.

Городишко Б., состоящій изъ двухъ-трехъ кривыхъ улицъ, спитъ непробуднымъ сномъ. Въ застывшемъ воздухѣ тишина. Слышно только, какъ гдѣ-то далеко, должно-быть, за городомъ, жидкимъ, охрипшимъ теноркомъ лаеетъ собака. Скоро разсвѣтъ.

Все давно уже уснуло. Не спитъ только молодая жена провизора Черномордика, содержателя б—ской аптеки. Она ложилась уже три раза, но сонъ упрямо не идетъ къ ней— и неизвѣстно отчего. Сидитъ она у открытаго окна, въ одной сорочкѣ, и глядитъ на улицу. Ей душно, скучно, досадно... такъ досадно, что даже плакать хочется, а отчего—опять-таки неизвѣстно. Какой-то комокъ лежитъ въ груди и то и дѣло подкатываетъ къ горлу... Сзади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аптекарши, прикорнувъ къ стѣнѣ, сладко похрапываетъ самъ Черномордикъ. Жадная блоха впиалась ему въ переносицу, но онъ этого не чувствуетъ и даже улыбается, такъ какъ ему снится, будто всѣ въ городѣ кашляютъ и непрерывно покупаютъ у него капли датскаго короля. Его не разбудишь теперь ни уколами, ни пушкой, ни ласками.

Аптека находится почти у края города, такъ что аптекаршѣ далеко видно поле... Она видитъ, какъ мало-по-малу бѣлѣетъ восточный край неба, какъ онъ потомъ багровѣетъ, словно отъ большого пожара. Неожиданно изъ-за отдаленнаго кустарника выползаетъ большая, широколицая луна. Она красна (вообще луна, вылѣзая изъ-за кустовъ, всегда почему-то бываетъ ужасно сконфужена).

Вдруг среди ночной тишины раздаются чьи-то шаги и звяканье шпору. Слышатся голоса.

«Это офицеры отъ исправника въ лагерь идутъ»,— думаетъ аптекарша.

Немного погода, показываются двѣ фигуры въ бѣлыхъ офицерскихъ кителяхъ: одна большая и толстая, другая поменьше и тоньше... Онѣ лѣзиво, нога за ногу, плетутся вдоль забора и громко разговариваютъ о чемъ-то. Поровнявшись съ аптекой, обѣ фигуры начинаютъ идти еще тише и глядятъ на окна.

— Аптекой пахнетъ...—говоритъ тонкій.—Аптека и есть! Ахъ, помню... На прошлой недѣлѣ я здѣсь былъ, касторку покупалъ. Тутъ еще аптекаръ съ кислымъ лицомъ и съ ослиной челюстью. Вотъ, батенька, челюсть! Такой именно Сампсонъ филистимлянъ избивалъ.

— М-да...—говоритъ толстый басомъ.—Спать фармація! И аптекарша спитъ. Тутъ, Обтесовъ, аптекарша хорошенькая.

— Видѣлъ. Мнѣ она очень понравилась... Скажите, докторъ, неужели она въ состоянїи любить эту ослиную челюсть? Неужели?

— Нѣтъ, вѣроятно, не любить,—вздыхаетъ докторъ съ такимъ выраженїемъ, какъ будто ему жаль аптекаря.—Спитъ теперь мамочка за окошечкомъ! Обтесовъ, а? Раскинулась отъ жары... рогиль полуоткрытъ... и ножка съ кровати свѣсилась. Чай, болванъ аптекаръ въ этомъ добрѣ ничего не смыслить... Ему, небось, что женщина, что бутылъ съ карболкой—все равно!

— Знаете что, докторъ?—говоритъ офицеръ, останавливаясь.—Давайте-ка зайдемъ въ аптеку и купимъ чего-нибудь! Аптекарушу, быть-можетъ, увидимъ.

— Выдумалъ—ночью!

— А что же? Вѣдь они и ночью обязаны торговать. Голубчикъ, войдемте!

— Пожалуй...

Аптекарша, спрятавшись за занавѣску, слышитъ сильный звонокъ. Оглянувшись на мужа, который хранитъ попрежнему сладко и улыбается, она набрасываетъ на себя платье, надѣваетъ на босую ногу туфли и бѣжитъ въ аптеку.

За стеклянной дверью видны двѣ тѣни... Аптекарша припускаетъ огня въ лампѣ и свѣтитъ къ двери, чтобы отпереть, и ей уже не скучно, и не досадно, и не хочется пла-

кать, а только сильно стучитъ сердце. Входятъ толстякъ-докторъ и тонкій Обтесовъ. Теперь ужъ ихъ можно разсмотрѣть. Толстобрюхій докторъ смугль, бородачь и неповоротливъ. При каждомъ малѣйшемъ движеніи на немъ трещитъ кисель и на лицѣ выступаетъ потъ. Офицеръ же розовъ, безусъ, женоподобень и гибокъ, какъ англійскій улыстъ.

— Что вамъ угодно?—спрашиваетъ ихъ аптекарша, придерживая на груди платъе.

— Дайте... э-э-э... на пятнадцать копеекъ мятныхъ лепешекъ!

Аптекарша, не спѣша, достаетъ съ полки банку и начинаетъ вѣшать. Покупатели, не мигая, глядятъ на ея спину; докторъ жмурится, какъ сытый котъ, а поручикъ очень серьезень.

— Первый разъ вижу, что дама въ аптекѣ торгуетъ,—говоритъ докторъ.

— Тутъ ничего нѣтъ особеннаго...—отзывается аптекарша, искоса поглядывая на розовое лицо Обтесова.—Мужъ мой не имѣетъ помощниковъ, и я ему всегда помогаю.

— Такъ-съ... А у васъ миленькая аптечка! Сколько тутъ разныхъ этихъ... банокъ! И вы не боитесь вращаться среди ядовъ! Бррр!

Аптекарша запечатываетъ пакетикъ и подаетъ его доктору. Обтесовъ подаетъ ей пятнадцатый. Проходитъ полминуты въ молчаніи... Мужчины переглядываются, дѣлаютъ шагъ къ двери, потомъ опять переглядываются.

— Дайте на десять копеекъ соды!—говоритъ докторъ.

Аптекарша, опять лѣниво и вяло двигаясь, протягиваетъ руку къ полкѣ.

— Нѣтъ ли тутъ, въ аптекѣ, чего-нибудь этакаго...—бормочетъ Обтесовъ, шевеля пальцами,—чего-нибудь такого, знаете ли, аллегорическаго, какой-нибудь живительной влаги... зельтерской воды, что ли? У васъ есть зельтерская вода?

— Есть,—отвѣчаетъ аптекарша.

— Bravo! Вы не женщина, а фея. Сочините-ка намъ бутылочки три!

Аптекарша торопливо запечатываетъ соду и исчезаетъ въ потемкахъ за дверью.

— Фруктъ!—говоритъ докторъ, подмигивая.—Такого ананаса, Обтесовъ, и на островѣ Мадейрѣ не сыщете. А? Какъ

вы думаете? Однако... слышите храпъ? Это самъ господинъ аптекаръ изволяетъ почивать.

Черезъ минуту возвращается аптекарша и ставитъ на прилавокъ пять бутылокъ. Она только-что была въ погребѣ, а потому красна и немножко взволнована.

— Тес... тише!—говоритъ Обтесовъ, когда она, раскупоривъ бутылки, роняетъ штопоръ. — Не стучите такъ, а то мужа разбудите.

— Ну, такъ что же, если и разбужу?

— Онъ такъ сладко спитъ... видитъ васъ во снѣ... За ваше здоровье!

— И къ тому же, — баситъ докторъ, отрыгивая послѣ зельтерской:—мужья такая скучная исторія, что хорошо бы они сдѣлали, если бъ всегда спали. Эхъ, къ этой водицѣ да винца бы красенькаго!

— Чего еще выдумали!—смѣется аптекарша.

— Великолѣпно бы! Жаль, что въ аптекахъ не продаютъ спиритуозовъ! Впрочемъ... вы вѣдь должны продавать вино, какъ лѣкарство. Есть у васъ *vinum gallicum rubrum*?

— Есть.

— Ну, вотъ! Подавайте намъ его! Чортъ его подери, тащите его сюда!

— Сколько вамъ?

— *Quantum satis!*.. Сначала вы дайте намъ въ воду по унцу, а потомъ мы увидимъ... Обтесовъ, а? Сначала съ водой, а потомъ уже *per se*...

Докторъ и Обтесовъ присаживаются къ прилавку, снимаютъ фуражки и начинаютъ пить красное вино.

— А вино, надо сознаться, препаскудиѣйшее! *Vinum pluchissimum!* Впрочемъ, въ присутствіи... э-э-э... оно кажется нектаромъ. Вы восхитительны, сударыня! Цѣлую вамъ мысленно ручку.

— Я дорого далъ бы за то, чтобы сдѣлать это не мысленно!—говоритъ Обтесовъ.—Честное слово! Я отдалъ бы жизнь!

— Это ужъ вы оставьте...—говоритъ госпожа Черномордикъ, вспыхивая и дѣлая серьезное лицо.

— Какая, однако, вы кокетка!—тихо хохочетъ докторъ, глядя на нее исподлобья, плутовски.—Глазенки такъ и стрѣляютъ! Пифъ! пафъ! Поздравляю: вы побѣдили! Мы сражены!

Аптекариша глядитъ на ихъ румяныя лица, слушасть ихъ болтовню и скоро сама оживаетъ. О, ей уже такъ весело! Она вступаетъ въ разговоръ, хохочетъ, кокетничаетъ и даже, послѣ долгихъ просьбъ покупателей, выпиваетъ унца два краснаго вина.

— Вы бы, офицеры, почаще въ городъ изъ лагерей приходили,—говоритъ она:—а то тутъ ужасъ какая скука. Я просто умираю.

— Еще бы!—ужасается докторъ.—Такой ананасъ... чудо природы и—въ глуши! Прекрасно выразился Грибоѣдовъ: «Въ глуши! въ Саратовъ!» Однако, намъ пора. Очень радъ познакомиться... весьма! Сколько съ насъ слѣдуетъ?

Аптекариша поднимаетъ къ потолку глаза и долго шевелить губами.

— Двѣнадцать рублей сорокъ восемь копеекъ!—говоритъ она.

Обтесовъ вынимаетъ изъ кармана толстый бумажникъ, долго роется въ пачкѣ денегъ и расплачивается.

— Вашъ мужъ сладко спитъ... видитъ сны...—бормочетъ онъ, пожимая на прощаньи руку аптекарши.

— Я не люблю слушать глупостей...

— Какія же это глупости? Наоборотъ... это вовсе не глупости... Даже Шекспиръ сказалъ: «Блаженъ, кто смолodu былъ молодъ!»

— Пустите руку!

Наконецъ, покупатели, послѣ долгихъ разговоровъ, цѣлуютъ у аптекарши ручку и нервничательно, словно раздумывая, не забыли ли они чего-нибудь, выходятъ изъ аптеки.

А она быстро бѣжитъ въ спальню и садится у того же окна. Ей видно, какъ докторъ и поручикъ, выйдя изъ аптеки, лѣниво отходятъ шаговъ на двадцать, потомъ останавливаются и начинаютъ о чемъ-то шептаться. О чемъ? Сердце у нея стучитъ, въ вискахъ то же стучитъ, а отчего—она и сама не знаетъ... Бьется сердце сильно, точно тѣ двое, шепчась тамъ, рѣшаютъ его участь.

Минуть черезъ пять докторъ отдѣляется отъ Обтесова и идетъ дальше, а Обтесовъ возвращается. Онъ проходитъ мимо аптеки разъ, другой... То остановится около двери, то опять зашагаетъ... Наконецъ, осторожно звякаетъ звонокъ.

— Что? Кто тамъ?—вдругъ слышитъ аптекарша голосъ

мужа.—Тамъ звонятъ, а ты не слышишь!—говоритъ аптекаръ строго.—Что за безпорядки!

Онъ встаетъ, надѣваетъ халатъ и, покачиваясь въ полуснѣ, шлепая туфлями, идетъ въ аптеку.

— Чего... вамъ?—спрашиваетъ онъ у Обтесова.

— Дайте... дайте на пятнадцать копеекъ мятныхъ лепешекъ.

Съ безконечнымъ сопѣньемъ, зѣвая, засыпая на ходу и стуча колѣнями о прилавокъ, аптекаръ лѣзетъ на полку и достаетъ банку...

Спустя двѣ минуты аптекарша видитъ, какъ Обтесовъ выходитъ изъ аптеки и, пройдя нѣсколько шаговъ, бросаетъ на пыльную дорогу мятныя лепешки. Изъ-за угла навстрѣчу ему идетъ докторъ... Оба сходятся и, жестикулируя руками, исчезаютъ въ утреннемъ туманѣ.

— Какъ я несчастна!—говоритъ аптекарша, со злобой глядя на мужа, который быстро раздѣвается, чтобы опять улечься спать. — О, какъ я несчастна! — повторяетъ она, вдругъ заливаясь горькими слезами. — И никто, никто не знаетъ...

— Я забылъ пятнадцать копеекъ на прилавкѣ,—бормочетъ аптекаръ, укрываясь одѣяломъ.—Спрячь, пожалуйста, въ конторку...

И тотчасъ же засыпаетъ.

ОРАТОРЪ.

Въ одно прекрасное утро хоронили коллежскаго асессора Кирилла Ивановича Вавилонова, умершаго отъ двухъ болѣзней, столь распространенныхъ въ нашемъ отечествѣ: отъ злой жены и алкоголизма. Когда погребальная процессія двинулась отъ церкви къ кладбищу, одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго, нѣкто Поплавскій, сѣлъ на извозчика и поскакалъ къ своему пріятелю Григорію Петровичу Запойкину, человѣку молодому, но уже достаточно популярному. Запойкинъ, какъ извѣстно многимъ читателямъ, обладаетъ рѣдкимъ талантомъ произносить экспромптомъ свадебныя, юбилейныя и похоронныя рѣчи. Онъ можетъ говорить когда угодно: спросонокъ, нагощаекъ, въ мертвецки пьяномъ видѣ, въ горячкѣ. Рѣчь его течетъ гладко, ровно, какъ вода изъ водосточной трубы, и обильно; жалкихъ словъ въ его ораторскомъ словарѣ гораздо больше, чѣмъ въ любомъ трактирѣ таракановъ. Говоритъ онъ всегда краснорѣчиво и длинно, такъ что иногда, въ особенности на купеческихъ свадьбахъ, чтобы остановить его, приходится прибѣгать къ содѣйствію полиціи.

— А я, братецъ, къ тебѣ!—началъ Поплавскій, заставъ его дома.—Сію же минуту одѣвайся и ѣдемъ. Умеръ одинъ изъ нашихъ, сейчасъ его на тотъ свѣтъ отправляемъ, такъ надо, братецъ, сказать на прощанье какую-нибудь чепуховину... На тебя вся надежда. Умри кто-нибудь изъ маленькихъ, мы не стали бы тебя беспокоить, а то вѣдь секретарь... канцелярскій-столпъ, нѣкоторымъ образомъ. Неловко такую шишку безъ рѣчи хоронить.

— А, секретарь!—зѣвнулъ Запойкинъ.—Это пьяница-то?

— Да, пьяница. Блины будутъ, закуска... на извозчика получишь. Поѣдемъ, душа! Разведи тамъ, на могилѣ, какую-нибудь мантифолію поцицерониствѣй, а ужъ какое спасибо получишь!

Запойкинъ охотно согласился. Онъ взерошилъ волосы, напустилъ на лицо меланхолію и вышелъ съ Поплавскимъ на улину.

— Знаю я вашего секретаря,—сказалъ онъ, садясь на извозчика.—Пройдоха и бестія, царство ему небесное, какихъ мало.

— Ну, не годится, Грина, ругать покойниковъ.

— Оно конечно, *aut mortuis nihil bene*, но все-таки онъ жуликъ.

Пріятели догнали похоронную процессію и присоединились къ ней. Покойника несли медленно, такъ что до кладбища они успѣли раза три забѣжать въ трактиръ и пропустить за упокой души по маленькой.

На кладбищѣ была отслужена литія. Теща, жена и свояченица, покорныя обычаю, много плакали. Когда гробъ опускали въ могилу, жена даже крикнула: «Пустите меня къ нему!», но въ могилу за мужемъ не пошла, вѣроятно, вспомнивъ о пенсіи. Дождавшись, когда все утихло, Запойкинъ выступилъ впередъ, обвелъ всѣхъ глазами и началъ:

— Вѣрить ли глазамъ и слуху? Не страшный ли сонъ сей гробъ, эти заплаканныя лица, стоны и вопли? Увы, это не сонъ, и зрѣніе не обманываетъ насъ! Тотъ, котораго мы еще такъ недавно видѣли столь бодрымъ, столь юношески свѣжимъ и чистымъ, который такъ недавно на нашихъ глазахъ, наподобіе неутомимой пчелы, носилъ свой медъ въ общій улей государственнаго благоустройства, тотъ, который... этотъ самый обратился теперь въ прахъ, въ вещественный миражъ. Неумолимая смерть наложила на него коснѣющую руку въ то время, когда онъ, несмотря на свой согбенный возрастъ, былъ еще полною расцвѣта силъ и лучезарныхъ надеждъ. Незамѣнимая потеря! Кто замѣнитъ намъ его? Хорошихъ чиновниковъ у насъ много, но Прокофій Осипычъ былъ единственный. Онъ до глубины души былъ преданъ своему честному долгу, не щадилъ силъ, не спать ночей, былъ безкорыстенъ, неподкупенъ...

Какъ презиралъ онъ тѣхъ, кто старался, въ ущербъ общимъ интересамъ, подкупить его, кто соблазнительными благами жизни пытался вовлечь его въ измѣну своему долгу! Да, на нашихъ глазахъ Прокофій Осипычъ раздавалъ свое небольшое жалованье своимъ бѣднѣйшимъ товарищамъ, и вы сейчасъ сами слышали вопли вдовъ и сиротъ, жившихъ его подаянiями. Преданный служебному долгу и добрымъ дѣламъ, онъ не зналъ радостей въ жизни и даже отказалъ себѣ въ счасти семейнаго бытiя; вамъ извѣстно, что до конца дней своихъ онъ былъ холостъ! А кто намъ замѣнитъ его, какъ товарища? Какъ сейчасъ вижу бритое, умиленное лицо, обращенное къ намъ съ доброй улыбкой, какъ сейчасъ слышу его мягкiй, нѣжно-дружескiй голосъ. Миръ праху твоему, Прокофiй Осипычъ! Покойся, честный, благородный труженикъ!

Запойкинъ продолжалъ, а слушатели стали шущукаться. Рѣчь понравилась всѣмъ, выжала нѣсколько слезъ, но многое показалось въ ней страннымъ. Во-первыхъ, непонятно было, почему ораторъ называлъ покойника Прокофiемъ Осиповичемъ, въ то время когда того звали Кирилломъ Ивановичемъ. Во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно было, что покойный всю жизнь воевалъ со своей законной женой, а стало-быть не могъ называться холостымъ; въ-третьихъ, у него была густая, рыжая борода, отродясь онъ не брился, а потому непонятно, чего ради ораторъ назвалъ его лицо бритымъ. Слушатели недоумѣвали, переглядывались и пожимали плечами.

— Прокофiй Осипычъ! — продолжалъ ораторъ, вдохновенно глядя въ могилу:—Твое лицо было некрасиво, даже безобразно, ты былъ угрюмъ и суровъ, но всѣ мы знали, что подъ сею видимой оболочкой бьетъ честное, дружеское сердце!

Скоро слушатели стали замѣчать нѣчто странное и въ самомъ ораторѣ. Онъ уставился въ одну точку, безпокойно задвигался и сталъ самъ пожимать плечами. Вдругъ онъ умолкъ, разинулъ удивленно ротъ и обернулся къ Поплавскому.

— Послушай, онъ живъ!—сказалъ онъ, глядя съ ужасомъ.

— Кто живъ?

— Да Прокофiй Осипычъ! Вонъ онъ стоитъ около памятника!

— Онъ и не умиралъ! Умеръ Кирилль Иванычъ!

— Да вѣдь ты же самъ сказалъ, что у васъ секретарь померъ!

— Кирилль Иванычъ и былъ секретарь. Ты, чудакъ, перепуталъ! Прокофій Осипычъ, это вѣрно, былъ у насъ прежде секретаремъ, но его два года назадъ во второе отдѣленіе перевели столоначальникомъ.

— А, чортъ васъ разберетъ!

— Что же остановился? Продолжай, пеловко!

Запойкинъ обернулся къ могилѣ и съ прежнимъ красно-рѣчиемъ продолжалъ прерванную рѣчь. У памятника, дѣйствительно, стоялъ Прокофій Осипычъ, старый чиновникъ съ бритой физиономіей. Онъ глядѣлъ на оратора и сердито хмурился.

— И какъ это тебя угораздило!—смѣялись чиновники, когда вмѣстѣ съ Запойкинымъ возвращались съ похоронъ.— Живого человѣка похоронилъ.

— Нехорошо-съ, молодой человѣкъ!—ворчалъ Прокофій Осипычъ.—Ваша рѣчь, можетъ-быть, годится для покойника, но въ отношеніи живого она—одна насмѣшка-съ! Помилуйте, что вы говорили? Безкорыстенъ, неподкупенъ, взятокъ не беретъ! Вѣдь про живого человѣка это можно говорить только въ насмѣшку-съ. И никто васъ, сударь, не просилъ распространяться про мое лицо. Некрасивъ, безобразенъ, такъ тому и быть, но зачѣмъ всенародно мою физиономію на видъ влѣпывать? Обидно-съ!

РОМАНЪ СЪ КОНТРАБАСОМЪ.

Музыкантъ Смычковъ шелъ изъ города на дачу князя Бибулова, гдѣ, по случаю сговора, «имѣлъ быть» вечеръ съ музыкой и танцами. На спинѣ его покоился огромный контрабасъ въ кожаномъ футлярѣ. Шелъ Смычковъ по берегу рѣки, катившей свои прохладныя воды хотя не величественно, но зато весьма поэтично,

«Не выкупаться ли?»—подумалъ онъ.

Не долго думая, онъ раздѣлся и погрузилъ свое тѣло въ прохладныя струи. Вечеръ былъ великолѣпный. Поэтическая душа Смычкова стала настраиваться соответственно гармоніи окружающаго. Но какое сладкое чувство охватило его душу, когда, отплывъ шаговъ на сто въ сторону, онъ увидѣлъ красивую дѣвушку, сидѣвшую на крутомъ берегу и удившую рыбу. Онъ притаилъ дыханіе и замеръ отъ наплыва разнородныхъ чувствъ: воспоминанія дѣтства, тоска о минувшемъ, проснувшаяся любовь... Боже, а вѣдь онъ думалъ, что онъ уже не въ состояніи любить! Послѣ того, какъ онъ потерялъ вѣру въ человѣчество (его горячо любимая жена бѣжала съ его другомъ, фэготомъ Собакинымъ), грудь его наполнилась чувствомъ пустоты, и онъ сталъ мизантропомъ.

«Что такое жизнь?—не разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ.—Для чего мы живемъ? Жизнь есть миѣ, мечта... чревоущаніе...»

Но стоя предъ спящей красавицей (не трудно было замѣтить, что она спала), онъ вдругъ, вопреки своей воли, почувствовалъ въ груди нѣчто похожее на любовь. Долго онъ стоялъ передъ ней, пожирая ее глазами...

«Но довольно... — подумалъ онъ, испустивъ глубокой

вдохъ.—Прощай, чудное видѣнье! Мнѣ уже пора идти на балъ къ его сіятельству...»

И еще разъ взглянувъ на красавицу, онъ хотѣлъ уже плыть назадъ, какъ въ головѣ его мелькнула идея.

«Надо оставить ей о себѣ память!—подумалъ онъ.—Прищиплю ей что-нибудь къ удочкѣ. Это будетъ сюрпризомъ отъ «неизвѣстнаго».

Смычковъ тихо подплылъ къ берегу, нарвалъ большой букетъ полевыхъ и водяныхъ цвѣтовъ и, связавъ его стебелькомъ лебеды, прищипилъ къ удочкѣ.

Букетъ пошелъ ко дну и увлекъ за собой красивый поплавокъ.

Благоразуміе, законы природы и социальное положеніе моего героя требуютъ, чтобы романъ кончился на этомъ самомъ мѣстѣ, но—увы!—судьба автора неумолима: по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ романъ не кончился букетомъ. Вопреки здравому смыслу и природѣ вещей, бѣдный и незнатный контрабасистъ долженъ былъ сыграть въ жизни знатной и богатой красавицы важную роль.

Подплывъ къ берегу, Смычковъ былъ пораженъ: онъ не увидѣлъ своей одежды. Ее украли... Незвѣстные злодѣи, пока онъ любовался красавицей, утащили все, кромѣ контрабаса и цилиндра.

— Проклятіе—воскликнулъ Смычковъ.—О, люди, порожденіе ехидны! Не столько возмущаетъ меня лишеніе одежды (ибо одежда тѣсна), сколько мысль, что мнѣ придется идти нагишомъ и тѣмъ преступить противъ общественной нравственности.

Онъ сѣлъ на футляръ съ контрабасомъ и сталъ искать выхода изъ своего ужаснаго положенія.

«Не идти же голымъ къ князю Бибулову!—думалъ онъ.—Тамъ будутъ дамы! Да и къ тому же воры вмѣстѣ съ брюками украли и находившійся въ нихъ канифоль!»

Онъ думалъ долго, мучительно, до боли въ вискахъ.

«Ба!—вспомнилъ онъ, наконецъ.—Недалеко отъ берега въ кустарникѣ есть мостикъ... Пока настанетъ темнота, я могу просидѣть подъ этимъ мостикомъ, а вечеромъ, въ потемкахъ, переберусь до первой избы...»

Остановившись на этой мысли, Смычковъ надѣлъ цилиндръ, взвалилъ на спину контрабасъ и пошелъ къ ку-

старнику. Нагой, съ музыкальнымъ инструментомъ на спинѣ, онъ напоминалъ нѣкоего древняго, мионческаго полубога.

Теперь, читатель, пока мой герой сидитъ подъ мостомъ и предается скорби, оставимъ его на нѣкоторое время и обратимся къ дѣвушкѣ, удившей рыбу. Что случилось съ нею? Красавица, проснувшись и не увидѣвъ на водѣ поплавка, поспѣшила дернуть за леску. Леска натянулась, но крючокъ и поплавокъ не показались изъ воды. Очевидно, букетъ Смычкова размокъ въ водѣ, разбухъ и сталъ тяжелъ.

«Или большая рыба поймалась,—подумала дѣвушка:—или же удочка зацѣпилась».

Подержавъ еще немного за леску, дѣвушка рѣшила, что крючокъ зацѣпился.

«Какая жалость!—подумала она.—А вечеромъ такъ хорошо клюеть! Что дѣлать?»

И недолго думая, эксцентричная дѣвушка сбросила съ себя эфирныя одежды и погрузила прекрасное тѣло въ струи посамыя мраморныя плечи. Не легко было отцѣпить крючокъ отъ букета, въ который впуталась леска, но терпѣніе и трудъ взяли свое. Черезъ какія-нибудь четверть часа красавица, сіяющая и счастливая, выходила изъ воды, держа въ рукѣ крючокъ.

Но злая судьба стерегла ее. Негодяи, украивше одежду Смычкова, похитили и ея платье, оставивъ ей только банку съ червяками.

«Что же мнѣ теперь дѣлать?—заплакала она.—Неужели идти въ такомъ видѣ? Нѣтъ, никогда! Лучше смерть! Я подожду, пока стемнѣетъ; тогда, въ темнотѣ, я дойду до тетки Агафьи и пошлю ее домой за платьемъ... А пока пойду спрячусь подъ мостикъ».

Моя героиня, выбирая траву повыше и нагибаясь, побѣжала къ мостику. Пролѣзая подъ мостикъ, она увидѣла тамъ нагого человѣка съ музыкальной гривой и волосатой грудью, вскрикнула и лишилась чувствъ.

Смычковъ тоже испугался. Сначала онъ принялъ дѣвушку за наяду.

«Не рѣчная ли это сирена, пришедшая увлечь меня?—подумалъ онъ, и это предположеніе польстило ему, такъ какъ онъ всегда былъ высокаго мнѣнія о своей наружности.—Если же она не сирена, а человѣкъ, то какъ объяснить это странное видоизмѣненіе? Зачѣмъ она здѣсь, подъ мостомъ? И что съ ней?»

Пока онъ рѣшалъ эти вопросы, красавица приходила въ себя.

— Не убивайте меня! — прошептала она. — Я княжна Бибулова. Умоляю васъ! Вамъ дадутъ много денегъ! Сейчасъ я отцѣпляла въ водѣ крючокъ, и какіе-то воры украли мое новое платье, ботинки и все!

— Сударыня! — сказалъ Смычковъ умоляющимъ голосомъ. — И у меня также украли мое платье. Къ тому же они вмѣстѣ съ брюками утащили и находившійся въ нихъ ка-нифоль!

Всѣ, играющіе на контрабасахъ и тромбонахъ, обыкновенно ненаходчивы; Смычковъ же былъ пріятнымъ исключеніемъ.

— Сударыня! — сказалъ онъ, немного погодя. — Васъ, я вижу, смущаетъ мой видъ. Но, согласитесь, мнѣ нельзя уйти отсюда, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вамъ. Я вотъ что придумалъ: не угодно ли вамъ будетъ лечь въ футляръ моего контрабаса и укрыться крышкой? Это скроетъ меня отъ васъ...

Сказавши это, Смычковъ вытанилъ изъ футляра контрабасъ. Минуту казалось ему, что онъ, уступая футляръ, профанируетъ святое искусство, но колебаніе было непродолжительно. Красавица легла въ футляръ и свернулась калачикомъ, а онъ затянулъ ремни и сталъ радоваться, что природа одарила его такимъ умомъ.

— Теперь, сударыня, вы меня не видите, — сказалъ онъ. — Лежите здѣсь и будьте покойны. Когда станетъ темно, я отнесу васъ въ домъ вашихъ родителей. За контрабасомъ же я могу придти сюда и потомъ.

Съ наступленіемъ потемокъ Смычковъ взвалилъ на плечи футляръ съ красавицей и пошелъ къ дачѣ Бибулова. Планъ у него былъ такой: сначала онъ дойдетъ до первой избы и обзаведется одеждой, потомъ пойдетъ далѣе...

«Нѣтъ худа безъ добра... — думалъ онъ, взбудораживая пыль босыми ногами и сгибаясь подъ ношей. — За то теплое участіе, которое я принялъ въ судьбѣ княжны, Бибуловой навѣрно щедро наградитъ меня».

— Сударыня, удобно ли вамъ? — спрашивалъ онъ тономъ *cavalier galant*, приглашающаго на кадрили. — Будьте любезны, не церемоньтесь и располагайтесь въ моемъ футлярѣ, какъ у себя дома!

Вдругъ галантному Смычкову показалось, что впереди его, окутанныя темнотою, идутъ двѣ человѣческія фигуры. Вглядѣвшись пристальнѣй, онъ убѣдился, что это не оптический обманъ: фигуры, дѣйствительно, шли и даже несли въ рукахъ какіе-то узлы...

«Не воры ли это?—мелькнуло у него въ головѣ. — Они что-то несутъ! Вѣроятно, это наше платье!»

Смычковъ положилъ у дороги футляръ и погнался за фигурами.

— Стой!—закричалъ онъ.—Стой! Держи!

Фигуры оглянулись и, замѣтивъ погоню, стали улепетывать... Княжна еще долго слышала быстрые шаги и крики: «стой!» Наконецъ, все смолкло.

Смычковъ увлекся погоней, и, вѣроятно, красавицѣ пришлось бы еще долго пролежать въ полѣ у дороги, если бы не счастливая игра случая. Случилось, что въ ту пору по той же дорогѣ проходили на дачу Бибулова товарищи Смычкова, флейта Жучковъ и кларнетъ Размахайкинъ. Споткнувшись о футляръ, оба они удивленно переглянулись и развели руками.

— Контрабасъ!—сказалъ Жучковъ.—Ба, да это контрабасъ нашего Смычкова! Но какъ онъ сюда попалъ?

— Вѣроятно, что-нибудь случилось со Смычковымъ,—рѣшилъ Размахайкинъ.— Или онъ напился, или же его ограбили... Во всякомъ случаѣ, оставлять здѣсь контрабасъ не годится. Возьмемъ его съ собой.

Жучковъ взвалилъ себѣ на спину футляръ, и музыканты пошли дальше.

— Чортъ знаетъ, какая тяжесть!—ворчалъ всю дорогу флейта.— Ни за что на свѣтѣ не согласился бы играть на такомъ идолищѣ... Уфъ!

Придя на дачу къ князю Бибулову, музыканты положили футляръ на мѣстѣ, отведенномъ для оркестра, и пошли къ буфету.

Въ это время на дачѣ уже зажигали люстры и бра. Женить, надворный совѣтникъ Лакенчъ, красивый и симпатичный чиновникъ вѣдомства путей сообщенія, стоялъ посреди залы и, заложивъ руки въ карманы, бесѣдовалъ съ графомъ Шкаликовымъ. Говорили о музыкѣ.

— Я, графъ, — говорилъ Лакенчъ: — въ Неаполѣ былъ лично знакомъ съ однимъ скрипачомъ, который творилъ

буквально чудеса. Вы не повѣрите! На контрабасѣ... на обыкновенномъ контрабасѣ онъ выводилъ такія чертовскія трели, что просто ужасъ! Штраусовскіе вальсы игралъ!

— Полноте, это невозможно...—усомнился графъ.

— Увѣряю васъ! Даже листовскую рапсодію исполнял! Я жилъ съ нимъ въ одномъ номерѣ и даже, отъ нечего дѣлать, выучился у него играть на контрабасѣ рапсодію Листа.

— Рапсодію Листа... Гм!.. вы шутите...

— Не вѣрите?—засмѣялся Лакеичъ.— Такъ я вамъ докажу сейчасъ! Пойдемте въ оркестръ!

Женихъ и графъ направились къ оркестру. Подойдя къ контрабасу, они стали быстро развязывать ремни... и — о ужасъ!

Но тутъ, пока читатель, давшій волю своему воображенію, рисуетъ исходъ музыкальнаго спора, обратимся къ Смычкову... Бѣдный музыкантъ, не догнавши воровъ и вернувшись къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ футляръ, не увидѣлъ драгоценной ноши. Теряясь въ догадкахъ, онъ нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по дорогѣ и, не найдя футляра, рѣшилъ, что онъ попалъ не на ту дорогу...

«Это ужасно! — думалъ онъ, хватая себя за волосы и леденѣя.— Она задохнется въ футлярѣ! Я убійца!»

До самой полуночи Смычковъ ходилъ по дорогамъ и искалъ футляра, но подъ конецъ, выбившись изъ силъ, отправился подъ мостикъ.

— Поищу на разсвѣтъ,—рѣшилъ онъ.

Поиски во время разсвѣта дали тотъ же результатъ, и Смычковъ рѣшилъ подождать подъ мостомъ ночи...

— Я найду ее! — бормоталъ онъ, снимая цилиндръ и хватая себя за волосы.— Хотя бы годъ искать, но я найду ее!

И теперь еще крестьяне, живущіе въ описанныхъ мѣстахъ, рассказываютъ, что ночами около мостика можно видѣть какого-то голаго человѣка, обросшаго волосами и въ цилиндрѣ. Изрѣдка изъ-подъ мостика слышится хрипѣніе контрабаса.

БРАКЪ ПО РАЗСЧЕТУ.

(Романъ въ 2-хъ частяхъ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ домѣ вдовы Мымриной, что въ Пятисобачьемъ переулкѣ, свадебный ужинъ. Ужинаетъ 23 человекъ, изъ коихъ восемь ничего не ѣдятъ, клюютъ носомъ и жалуются, что ихъ «мутитъ». Свѣчи, лампы и хромая люстра, взятая напрокатъ изъ трактира, горятъ до того ярко, что одинъ изъ гостей, сидящихъ за столомъ, телеграфистъ, кокетливо щуритъ глаза и то и дѣло заговариваетъ объ электрическомъ освѣщеніи—ни къ селу, ни къ городу. Этому освѣщенію и вообще электричеству онъ пророчитъ блестящую будущность, но, тѣмъ не менѣе, ужинающіе слушаютъ его съ глѣкотнымъ пренебреженіемъ.

— Электричество... — бормочетъ посаженный отецъ, тупо глядя въ свою тарелку. — А по моему взгляду, электрическое освѣщеніе одно только жульничество. Всунуть туда уголекъ и думаютъ глаза отвести! Нѣтъ, братъ, уже ежели ты даешь мнѣ освѣщеніе, то ты давай не уголекъ, а что-нибудь существенное, этакое что-нибудь зажигательное, чтобы было за что взяться! Ты давай огня—понимаешь? — огня, который натуральный, а не умственный.

— Ежели бы вы видѣли электрическую батарею, изъ чего она составлена,—говоритъ телеграфистъ, рисуясь:—то вы иначе бы разсуждали.

— И не желаю видѣть. Жульничество... Народъ простой надуваютъ... Соки послѣдніе выжимаютъ. Знаемъ мы ихъ, этихъ самыхъ... А вы, господинъ молодой человекъ, — не

имѣю чести знать вашего имени-отчества,—чѣмъ за жульничество вступаться, лучше бы выпили и другимъ налили.

— Я съ вами, папаша, вполне согласенъ,—говоритъ хриплымъ теноромъ женихъ Апломбовъ, молодой человѣкъ съ длинной шеей и щетинистыми волосами.—Къ чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и самъ поговорить о всевозможныхъ открытіяхъ въ научномъ смыслѣ, но вѣдь на это есть другое время! Ты какого мнѣнія, машеръ?—обращается женихъ къ сидящей рядомъ невѣстѣ.

Невѣста Дашенька, у которой на лицѣ написаны всѣ добродѣтели, кромѣ одной — способности мыслить, всныхиваетъ и говоритъ:

— Они хочутъ свою образованность показать и всегда говорятъ о непонятномъ.

— Слава Богу, прожили вѣкъ безъ образованія и вотъ ужъ, благодарить Бога, третью дочку за хорошаго человѣка выдаемъ,—говоритъ съ другого конца стола мать Дашеньки, вздыхая и обращаясь къ телеграфисту.—А ежели мы, по-вашему, выходимъ необразованные, то зачѣмъ вы къ намъ ходите? Шли бы къ своимъ образованнымъ!

Наступаетъ молчаніе. Телеграфистъ сконфуженъ. Онъ никакъ не ожидалъ, что разговоръ объ электричествѣ приметъ такой странный оборотъ. Наступившее молчаніе имѣетъ характеръ враждебный, кажется ему симптомомъ всеобщаго неудовольствія, и онъ находитъ нужнымъ оправдаться.

— Я, Татьяна Петровна, всегда уважалъ ваше семейство,—говоритъ онъ:—а ежели я насчетъ электрическаго освѣщенія, такъ это еще не значить, что я изъ гордости. Даже вотъ выпить могу... Я всегда отъ всѣхъ чувствъ жемалъ Дарьѣ Ивановѣ хорошаго жениха. Въ наше время, Татьяна Петровна, трудно выйти за хорошаго человѣка. Нынче каждый норовитъ вступить въ бракъ изъ-за интереса, изъ-за денегъ...

— Это намекъ! — говоритъ женихъ, багровѣя и мигая глазами.

— И никакого тутъ нѣтъ намека,—говоритъ телеграфистъ, нѣсколько струсивъ.—Я не говорю о присутствующихъ. Это я такъ... вообще... Помилуйте!.. Всѣ знаютъ, что вы изъ любви... Приданое пустяшное...

— Нѣтъ, не пустяшное!—обижается Дашенькина мать.—Ты говори, сударь, да не заговаривайся! Кромѣ того, что

мы тысячу рублей, мы три сапога даемъ, постелю и вотъ эту всю мебель! Подика-сь найди въ другомъ мѣстѣ такое приданое!

— Я ничего... Мебель, дѣйствительно, хорошая... но я въ томъ смыслѣ, что вотъ они обижаются, будто я намекнулъ...

— А вы не намекайте,—говорить невѣстина мать.—Мы васъ по вашимъ родителямъ почитаемъ и на свадьбу пригласили, а вы разныя слова. А ежели вы знали, что Егоръ Федорычъ изъ интереса женится, то что же вы раньше молчали? Пришли бы да и сказали по-родственному: такъ и такъ, моль, на интересъ польстился... А тебѣ, батюшка, грѣхъ!—обращается вдругъ невѣстина мать къ жениху, слезливо мигая глазами.—Я ее, можетъ, вскормила, вспоила... берегла пуще алмаза изумруднаго, дѣточку мою, а ты... ты изъ интереса...

— И вы повѣрили клеветѣ?—говоритъ Апломбовъ, вставая изъ-за стола и нервно теребя свои щитинистые волосы.—Покорнѣйше васъ благодарю! Мерси за такое мнѣніе! А вы, господинъ Блиничковъ,—обращается онъ къ телеграфисту:—вы хоть и знакомый мнѣ, но я не позволю вамъ такія безобразія строить въ чужомъ домѣ! Позвольте вамъ выйти вонъ!

— То-есть какъ?

— Позвольте вамъ выйти вонъ! Желаю, чтобы и вы были такимъ честнымъ человѣкомъ, какъ я! Однимъ словомъ, позвольте вамъ выйти вонъ!

— Да оставь! Будетъ тебѣ!—осаживаютъ жениха его пріятели.—Ну, стѣить ли? Садись! Оставь!

— Нѣтъ, я желаю показать, что онъ не имѣетъ никакой полной правы! Я по любви вступилъ въ законный бракъ. Чего же вы сидите, не понимаю! Позвольте вамъ выйти вонъ!

— Я ничего... Я вѣдь...—говоритъ ошеломленный телеграфистъ, поднимаясь изъ-за стола.—Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте сначала мнѣ три рубля, что вы у меня на пикейную жилетку заняли. Выпью вотъ еще и... уйду, только вы сначала долгъ отдайте.

Женихъ долго шепчется со своими пріятелями. Тѣ по мелочамъ даютъ ему три рубля, онъ съ негодованіемъ бросаетъ ихъ телеграфисту, и послѣдній, послѣ долгихъ поисковъ своей форменной фуражки, раскланивается и уходитъ.

Такъ иногда можетъ кончиться невинный разговоръ объ

электричествѣ! Но вотъ кончается ужинъ... Наступаетъ ночь. Благовоспитанный авторъ надѣваетъ на свою фантазію крѣпкую узду и накидываетъ на текуція событія темную вуаль таинственности.

Розоперстая Аврора застаётъ еще Гименея въ Пятисобачьемъ переулкѣ, но вотъ настаетъ сѣрое утро и даетъ автору богатый матеріалъ для

ЧАСТИ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ.

Сѣрое осеннее утро. Еще нѣтъ и восьми часовъ, а въ Пятисобачьемъ переулкѣ необычайное движеніе. По тротуарамъ бѣгаютъ встревоженные городовые и дворники; у воротъ толпятся озябшія кухарки съ выраженіемъ крайняго недоумѣнія на лицахъ... Во всѣ окна глядятъ обыватели. Изъ открытаго окна прачешной, нажимая другъ друга висками и подбородками, глядятъ женскія головы.

— Не то снѣгъ, не то... и не разберешь, что оно такое,—слышатся голоса.

Въ воздухѣ отъ земли до крышъ кружится что-то бѣлое, очень похожее на снѣгъ. Мостовая бѣла, уличные фонари, крыши, дворницкія скамьи у воротъ, плечи и шапки прохожихъ—все бѣло.

— Чтò случилось? — спрашиваютъ прачки у бѣгущихъ дворниковъ.

Тѣ въ отвѣтъ машутъ руками и бѣгутъ дальше... Они и сами не знаютъ, въ чемъ дѣло. Но вотъ, наконецъ, медленно приходитъ одинъ дворникъ и, бесѣдуя самъ съ собой, жестикулируетъ руками. Очевидно, онъ побывалъ на мѣстѣ происшествія и знаетъ все.

— Чтò, родименькій, случилось? — спрашиваютъ у него прачки изъ окна.

— Неудовольствіе,—отвѣчаетъ онъ.—Въ домѣ Мымриной, чтò вчера была свадьба, жениха обсчитали. Въмѣсто тысячи—девятьсотъ дали.

— Ну, а онъ что?

— Осерчалъ. Я, говоритъ, того, говоритъ... Распоролъ въ сердцахъ перину и выпустилъ пухъ въ окно... Ишь, сколько пуху! Снѣгъ словно!

— Ведутъ! Ведутъ!—слышатся голоса.—Ведутъ!

Отъ дома вдовы Мыриной движется процессія. Впереди идутъ два городовыхъ съ озабоченными лицами... Сзади нихъ шагаетъ Апломбовъ въ триковомъ пальто и въ цилиндрѣ. На лицѣ у него написано: «Я честный человекъ, но надувать себя не позволю!»

— Ужд правосудіе покажетъ вамъ, что я за человекъ!— бормочетъ онъ, то и дѣло оборачиваясь.

За нимъ идутъ плачущія Татьяна Петровна и Дашенька. Шествіе замыкается дворникомъ съ книгой и толпой мальчишекъ.

— О чемъ плачешь, молодуха?—обращаются прачки къ Дашенькѣ.

— Перивы жалко!—отвѣчаетъ за нее мать.—Три пуда, голубчики! И пухъ-то вѣдь какой! Пушилка къ пушилкѣ—ни одного перышка! Наказаль Богъ на старости лѣтъ!

Процессія поворачиваетъ за уголъ, и Пятисобачій переулочъ успокаивается. Пухъ летаетъ до вечера.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ.

(РАЗСКАЗЪ ПОДСУДИМАГО.)

— Быть, баринъ, **бѣды!**—сказалъ ямщикъ, оборачиваясь ко мнѣ и указывая кнутомъ на зайца, перебѣгавшаго намъ дорогу.

Я и безъ зайца зналъ, что будущее мое отчаянное. Ъхалъ я въ с—ій окружный судъ, гдѣ долженъ былъ сѣсть на скамью подсудимыхъ за двоеженство. Погода была ужасная. Когда я къ ночи пріѣхалъ на почтовую станцію, то имѣлъ видъ человѣка, котораго облѣпили снѣгомъ, облили водой и сильно высѣкли,—до того я озябъ, промокъ и обадѣлъ отъ однообразной дорожной тряски. На станціи встрѣтилъ меня станціонный смотритель, высокій человѣкъ въ кальсонахъ съ синими полосками, лысый, заспанный и съ усами, которые, казалось, росли изъ ноздрей и мѣшали ему нюхать.

А понюхать, признаться, было чтд. Когда смотритель, бормоча, сопя и почесывая за воротникомъ, отворилъ дверь въ станціонные «покои» и молча указалъ мнѣ локтемъ на мѣсто моего успокоенія, меня обдало густымъ запахомъ кислятины, сургуча и раздавленнаго клопа — и я едва не задохнулся. Жестяная лампочка, стоявшая на столѣ и освѣщавшая деревянныя, некрашенныя стѣны, коптила, какъ лучина.

— Да и вонь же у васъ, синьоръ!—сказалъ я, входя и кладя чемоданъ на столъ.

Смотритель понюхалъ воздухъ и недовѣрчиво покачалъ головой.

— Пахнетъ, какъ обыкновенно, — сказалъ онъ и поче-

сался.—Это вамъ съ морозу. Ямники при лошадахъ дрыхнуть, а господа не пахнутъ.

Я уснулъ смотрителя и сталъ обозрѣвать свое временное жилище. Диванъ, на которомъ мнѣ предстояло возлечь, былъ широкъ, какъ двухспальная кровать, обитъ клеенкой и былъ холоденъ, какъ ледъ. Кромѣ дивана въ комнатѣ были еще: большая чугунная печь, столъ съ упомянутой лампочкой, чьи-то валенки, чей-то ручной саквояжъ и ширма, загораживавшая уголь. За ширмой кто-то тихо спалъ. Осмотрѣвшись, я постлалъ себѣ на диванѣ и сталъ раздѣваться. Носъ мой скоро привыкъ къ вони. Снявши сюртукъ, брюки и сапоги, безконечно потягиваясь, улыбаясь, ежась, я запрыгалъ вокругъ чугунной печки, высоко поднимая свои босыя ноги... Эти прыжки меня еще болѣе согрѣли. Осталось послѣ этого растянуться на диванѣ и уснуть, но тутъ случился маленькій казусъ. Мой взглядъ нечаянно упалъ на ширмы и... представьте мой ужасъ! Изъ-за ширмы глядѣла на меня женская головка съ распущенными волосами, черными глазками и оскаленными зубками. Черныя брови ея двигались, на щекахъ играли хорошенькія ямочки—стало-быть, она смѣялась. Я сконфузился. Головка, замѣтивъ, что я ее увидѣлъ, тоже сконфузилась и спряталась. Словно виноватый, потупя взоръ, я смиренхонько направился къ дивану, легъ и укрылся шубой.

«Какая оказія!—подумалъ я.—Значить она видѣла, какъ я прыгалъ! Нехорошо...»

И, припоминая черты хорошенькаго личика, я невольно размечтался. Картины одна другой краше и соблазнительнѣе затѣснились въ моемъ воображеніи и... и, словно въ наказаніе за грѣшныя мысли, я вдругъ почувствовалъ на своей правой щекѣ сильную, жгучую боль. Я схватился за щеку, ничего не поймалъ, но догадался въ чемъ дѣло: запахло раздавленнымъ клопомъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое!—услышалъ я въ то же время женскій голосокъ.—Проклятые клопы, вѣроятно, хотятъ съѣсть меня!

Гм!.. Я вспомнилъ о своей хорошей привычкѣ всегда брать съ собой въ дорогу персидскій порошокъ. И на сей разъ я не измѣнилъ этой привычкѣ. Жестянка съ порошокомъ была вытащена изъ чемодана въ какую-нибудь секунду. Оставалось теперь предложить хорошенькой головкѣ

средство отъ «энциклопедіи» и—знакомство готово. Но какъ предложить?

— Это ужасно!

— Сударыня, — сказалъ я возможно сладенькимъ голосомъ. — Насколько я понялъ ваше послѣднее восклицаніе, васъ кусаютъ клопы. У меня же есть персидскій порошокъ. Если угодно, то...

— Ахъ, пожалуйста!

— Въ такомъ случаѣ, я сейчасъ... надѣну только шубу, — обрадовался я, — и принесу...

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы черезъ ширму подайте, а сюда не ходите!

— Я и самъ знаю, что черезъ ширму. Не пугайтесь: не башни-бузукъ какой-нибудь...

— А кто васъ знаетъ! Народъ вы профъзкій...

— Гм!.. А хоть бы и за ширму... Тутъ ничего нѣтъ особеннаго... тѣмъ болѣе, что я докторъ, — солгалъ я: — а доктора, частные пристава и дамскіе парикмахеры имѣютъ право вторгаться въ частную жизнь.

— Вы правду говорите, что вы докторъ? Серьезно?

— Честное слово. Такъ позвольте принести вамъ порошокъ?

— Ну, если вы докторъ, то пожалуй... Только зачѣмъ вамъ трудиться? Я могу мужа выслать къ вамъ... Федя! — сказала брюнетка, понизивъ голосъ. — Федя! Да проснись же, тюлень! Встань и поди за ширму! Докторъ такъ любезенъ, онъ предлагаетъ намъ персидскаго порошку.

Присутствіе за ширмой «Феди» было для меня ошеломляющею новостью. Меня словно обухомъ ударило... Душу мою наполнило чувство, которое, по всей вѣроятности, испытываетъ ружейный курокъ, когда дѣлаетъ осѣчку: и совѣстно, и досадно, и жалко... На души у меня стало такъ скверно и такимъ мерзавцемъ показался мнѣ этотъ Федя, когда вышелъ изъ-за ширмы, что я едва не закричалъ караулъ. Федя изображалъ изъ себя высокаго, жилистаго челоуѣка, лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми бачками, со стиснутыми чиновничьими губами и съ синими жилками, безпорядочно бѣгавшими по его носу и вискамъ. Онъ былъ въ халатѣ и туфляхъ.

— Вы очень любезны, докторъ... — сказалъ онъ, принимая

отъ меня персидскій порошокъ и поворачивая къ себѣ за ширмы.—Merci... И васъ застала пурга?

— Да!—проворчалъ я, ложась на диванъ и остервенѣло натягивая на себя шубу.—Да!

— Такъ-съ... Зиночка, по твоему носику клопикъ бѣжитъ! Позволь мнѣ снять его!

— Можешь,—засмѣялась Зиночка.—Не поймалъ! Статскій совѣтникъ, всѣ тебя боятся, а съ клопомъ справиться не можешь!

— Зиночка, при постороннемъ человѣкѣ... (вздохъ). Вѣчно ты... Ей-Богу...

— Свиныи, спать не даютъ!—проворчалъ я, сердясь самъ не зная чего.

Но скоро супруги утихли. Я закрылъ глаза, сталъ ни о чемъ не думать, чтобы уснуть. Но прошло полчаса, часъ... и я не спалъ. Въ концѣ концовъ, и сосѣди мои заворочались и стали шопотомъ браниться.

— Удивительно, даже персидскій порошокъ ничего не беретъ!—проворчалъ Федя.—Такъ ихъ много, этихъ клоповъ! Докторъ! Зиночка проситъ меня спросить васъ: отчего это клопы такъ мерзко пахнутъ?

Мы разговорились. Поговорили о клопахъ, погодѣ, русской зимѣ, о медицинѣ, въ которой такъ же мало смысла, какъ въ астрономіи; поговорили объ Эдисонѣ...

— Ты, Зиночка, не стѣсняйся... Вѣдь онъ докторъ! — услышалъ я шопотъ послѣ разговора объ Эдисонѣ.— Не церемонься и спроси... Боятся нечего. Шервцовъ не поможетъ, а этотъ, можетъ-быть, и поможетъ.

— Спроси самъ!—прошептала Зиночка.

— Докторъ, — обратился ко мнѣ Федя: — отчего это у моей жены въ груди тѣсненіе бываетъ? Камель, знаете ли... тѣснить, точно, знаете ли, заеклось что-то...

— Это длинный разговоръ, сразу нельзя сказать...—попытался я увернуться.

— Ну, такъ что жъ, что длинный? Время есть... все одно, не спимъ... Посмотрите ее, голубчикъ! Надо вамъ замѣтить, лѣчить ее Шервцовъ... Человѣкъ-то онъ хороший, но... кто его знаетъ? Не вѣрю я ему! Не вѣрю! Вижу, вамъ не хочется, но будьте такъ добры! Вы ее посмотрите, а я тѣмъ временемъ пойду къ смотрителю и прикажу самоварчикъ поставить.

Федя запаркалъ туфлями и вышелъ. Я пошелъ за шпрму. Зиночка сидѣла на широкомъ диванѣ, окруженная множествомъ подушекъ, и поддерживала свой кружевной воротничокъ.

— Покажите языкъ! — началъ я, садясь около нея и хмурия брови.

Она показала языкъ и засмѣялась. Языкъ былъ обыкновенный, красный. Я сталъ щупать пульсъ.

— Гм!..—промычалъ я, не найдя пульса.

Не помню, какіе еще вопросы задавалъ я, глядя на ея смѣющуюся личико, помню только, что подъ конецъ моей диагностики я былъ уже такимъ дуракомъ и идиотомъ, что мнѣ было рѣшительно не до вопросовъ.

Наконецъ, я сидѣлъ въ компаніи Феди и Зиночки за самоваромъ; надо было написать рецептъ, и я сочинилъ его по всѣмъ правиламъ врачебной науки:

Rp. Sic transit 0,05
Gloria mundi 1,0
Aquae destillatae 0,1

Черезъ два часа по столовой ложкѣ.

Г-жѣ Сѣловой.

Д—ръ Зайцевъ.

Утромъ, когда я, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, съ чемоданомъ въ рукѣ, прощался навѣки съ моими новыми знакомыми, Федя держалъ меня за пуговицу и, подавая десятирублевку, убѣждалъ:

— Нѣтъ, вы обязаны взять! Я привыкъ платить за всякій честный трудъ! Вы учились, работали! Ваши знанія достались вамъ потомъ и кровью! Я понимаю это!

Нечего было дѣлать, пришлось взять десятирублевку.

Такъ въ общихъ чертахъ провелъ я ночь передъ днемъ суда. Не стану описывать тѣ ощущенія, которыя я испытывалъ, когда предо мной отворилась дверь и судебный приставъ указалъ мнѣ на скамью подсудимыхъ. Скажу только, что я поблѣднѣлъ и сконфузился, когда, оглянувшись назадъ, увидѣлъ тысячи смотрящихъ на меня глазъ; и я прочелъ себѣ отходную, когда взглянулъ на серьезные, торжественно-важныя фізіономіи присяжныхъ...

Но я не могу описать, а вы представить себѣ, моего ужаса, когда я, поднявъ глаза на столъ, покрытый краснымъ сукномъ, увидѣлъ на прокурорскомъ мѣстѣ—кого бы

вы думали?—Федю! Онъ сидѣлъ и что-то писалъ. Глядя на него, я вспомнилъ клоповъ, Зиночку, свою диагностику, и не морозъ, а цѣлый Ледовитый океанъ пробѣжалъ по моей спинѣ... Покончивъ съ писаніемъ, онъ поднялъ на меня глаза. Сначала онъ меня не узналъ, но потомъ зрачки его расширились, нижняя челюсть слабо отвисла... рука задрожала. Онъ медленно поднялся и вперилъ на меня свой оловянный взглядъ. Я тоже поднялся, самъ не знаю для чего, и влился въ него глазами...

— Подсудимый, назовите суду ваше имя и проч.,—началь предсѣдатель.

Прокуроръ сѣлъ и выпилъ стаканъ воды. Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Ну, быть банѣ!—подумалъ я.

По всѣмъ признакамъ, прокуроръ рѣшилъ упечь меня. Все время онъ раздражался, копался въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, капризничалъ, брюзжалъ...

Но, однако, пора кончить. Пишу это въ зданіи суда, во время обѣденнаго перерыва... Сейчасъ будетъ рѣчь прокурора.

Что-то будетъ?

ДАЧНИКИ.

По дачной платформѣ взадъ и впередъ прогуливалась парочка недавно поженившихся супруговъ. Онъ держалъ ее за талию, а она жалась къ нему, и оба были счастливы. Изъ облачныхъ обрывковъ глядѣла на нихъ луна и хмурилась: вѣроятно, ей было завидно и досадно на свое скучное, никому ненужное дѣвство. Неподвижный воздухъ былъ густо насыщенъ запахомъ сирени и черемухи. Гдѣ-то, по ту сторону рельсовъ, кричалъ коростель...

— Какъ хорошо, Саша, какъ хорошо!—говорила жена.—Право, можно подумать, что все это снится. Ты посмотри, какъ уютно и ласково глядитъ этотъ лѣсокъ! Какъ милы эти солидные, молчаливые телеграфные столбы! Они, Саша, оживляютъ ландшафтъ и говорятъ, что тамъ, гдѣ-то, есть люди... цивилизація... А развѣ тебѣ не нравится, когда до твоего слуха вѣтеръ слабо доноситъ шумъ идущаго поѣзда?

— Да... Какія, однако, у тебя руки горячія! Это оттого, что ты волнуешься, Варя... Что у насъ сегодня къ ужину готовили?

— Окрошку и цыпленка... Цыпленка намъ на двоихъ довольно. Тебѣ изъ города привезли сардины и балыкъ.

Луна, точно табуку понюхала, спряталась за облако. Людское счастье напомнило ей объ ея одиночествѣ, одинокой постели за лѣсами и долами...

— Поѣздъ идетъ!—сказала Варя.—Какъ хорошо!

Вдали показались три огненные глаза. На платформу вышелъ начальникъ полустанка. На рельсахъ тамъ и сямъ замелькали сигнальные огни.

— Проводимъ поѣздъ и пойдемъ домой,—сказалъ Саша и звънулъ.—Хорошо намъ съ тобой живется, Варя, такъ хорошо, что даже не вѣроятно!

Темное страшилище безшумно подползло къ платформѣ и остановилось. Въ полуосвѣщенныхъ вагонныхъ окнахъ замелькали сонныя лица, шляпки, плечи...

— Ахъ! Ахъ!—послышалось изъ одного вагона.—Варя съ мужемъ вышла насъ встрѣтить! Вотъ они! Варенька!.. Варечка! Ахъ!

Изъ вагона выскочили двѣ дѣвочки и повисли на шеѣ у Вари. За ними показались полная, пожилая дама и высокій, тощій господинъ съ сѣдыми бачками, потомъ два гимназиста, навьюченные багажомъ, за гимназистами гувернантка, за гувернанткой бабушка.

— А вотъ и мы, а вотъ и мы, дружокъ!—началь господинъ съ бачками, пожимая Сашину руку.—Чай, заждался! Небось, бранилъ дядю за то, что не ѣдетъ! Коля, Костя, Нина, Фифа... дѣти! Цѣлуйте кузена Сашу! Всѣ къ тебѣ, всѣмъ вывозкомъ, и денька на три, на четыре. Надѣюсь, не стѣснимъ? Ты, пожалуйста, безъ церемоніи.

Увидѣвъ дядю съ семействомъ, супруги пришли въ ужасъ. Пока дядя говорилъ и цѣловался, въ воображеніи Саши промелькнула картина: онъ и жена отдають гостямъ свои три комнаты, подушки, одѣяла; балыкъ, сардины и окрошка съѣдаются въ одну секунду, кузены рвутъ цвѣты, проливаютъ чернила, галдятъ, тетушка цѣлые дни толкуеть о своей болѣзни (солитеръ и боль подъ ложечкой) и о томъ, что она урожденная баронесса фонъ-Финтихъ...

И Саша уже съ ненавистью смотрѣлъ на свою молодую жену и шепталъ ей:

— Это они къ тебѣ пріѣхали... чортъ бы ихъ побралъ!

— Нѣтъ, къ тебѣ!—отвѣчала она, блѣдная, тоже съ ненавистью и со злобой.—Это не мои, а твои родственники!

И обернувшись къ гостямъ, она сказала съ привѣтливой улыбкой:

— Милости просимъ!

Изъ-за облака опять выплыла луна. Казалось, она улыбалась; казалось, ей было пріятно, что у нея нѣтъ родственникововъ. А Саша отвернулся, чтобы скрыть отъ гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и сказалъ, придавая голосу радостное, благодушное выраженіе:

— Милости просимъ! Милости просимъ, дорогіе гости!

БРОЖЕНІЕ УМОВЪ.

(Изъ лѣтописи одного города.)

Земля изображала изъ себя пекло. Послѣобѣденное солнце жгло съ такимъ усердіемъ, что даже Реомюръ, висѣвшій въ кабинетѣ акцизнаго, потерялся: дошелъ до 35,8° и въ нерѣшимости остановился... Съ обывателей лилъ потъ, какъ съ заѣзженныхъ лошадей, и на нихъ же засыхалъ: лѣнь было вытирать.

По большой базарной площади, въ виду домовъ съ наглухо закрытыми ставнями, шли два обывателя: казначей Почешининъ и ходатай по дѣламъ (онъ же и старинный корреспондентъ «Сынъ Отечества») Оптимовъ. Оба шли и по случаю жары молчали. Оптимову хотѣлось осудить управу за пыль и нечистоту базарной площади, но, зная миролюбивый нравъ и умѣренное направленіе спутника, онъ молчалъ.

На серединѣ площади Почешининъ вдругъ остановился и сталъ глядѣть на небо.

— Что вы смотрите, Евплъ Сарационычъ?

— Скворцы полетѣли. Гляжу, куда сядутъ. Туча-тучей! Ежели, положимъ, изъ ружья выпалить, да ежели потомъ собрать... да ежели... Въ саду отца протоіерея сѣли!

— Нисколько, Евплъ Сарационычъ. Не у отца протоіерея, а у отца дьякона Вратоадова. Если съ этого мѣста выпалить, то ничего не убьешь. Дробь мелкая и, покуда долетитъ, ослабнетъ. Да и за что ихъ, посудите, убивать? Птица насчетъ ягодъ вредная, это вѣрно, но все-таки тварь, всякое дыханіе. Скворецъ, скажемъ, поетъ... А для чего онъ, спрашивается, поетъ? Для хвалы поетъ. Всякое дыха-

ніе да хвалить Господа. Ой, нѣтъ! Кажется, у отца протоіерея сѣли!

Мимо бесѣдующихъ безшумно прошли три старья богомолки съ котомками и въ лапоткахъ. Поглядѣвъ вопросительно на Поченихина и Оптимова, которые всматривались почему-то въ домъ отца протоіерея, онѣ пошли тише и, отойдя немного, остановились и еще разъ взглянули на друзей и потомъ сами стали смотрѣть на домъ отца протоіерея.

— Да, вы правду сказали, они у отца протоіерея сѣли,— продолжалъ Оптимовъ.— У него теперь вишня поспѣла, такъ вотъ они и полетѣли клевать.

Изъ протопоповой калитки вышелъ самъ отецъ протоіерей Восьмистишіевъ и съ нимъ дьячокъ Евстигнѣй. Увидѣвъ обращенное въ его сторону вниманіе и не понимая, на чтó это смотрять люди, онъ остановился и, вмѣстѣ съ дьячкомъ, сталъ тоже глядѣть вверхъ, чтобы понять.

— Отецъ Паисій, надо полагать, на потребу идетъ,— сказала Поченихиня.— Помогай ему Богъ!

Въ пространствѣ между друзьями и отцомъ протоіереемъ прошли только-что выкупавшіеся въ рѣкѣ фабричныя купца Пурова. Увидѣвъ отца Паисія, напругавшаго свое вниманіе на высь поднебесную, и богомолкъ, которыя стояли неподвижно и тоже смотрѣли вверхъ, они остановились и стали глядѣть туда же. То же самое сдѣлалъ мальчикъ, ведшій нищаго-слѣпца, и мужикъ, несшій для свалки на площади боченокъ испортившихся сельдей.

— Что-то случилось, надо думать, — сказалъ Поченихинъ. — Пожаръ, что ли? Да нѣтъ, не видать дыму! Эй, Кузьма! — крикнулъ онъ остановившемуся мужику. — Чтó тамъ случилось?

Мужикъ что-то отвѣтилъ, но Поченихинъ и Оптимовъ ничего не слышали. У всѣхъ лавочныхъ дверей показались сонныя приказчики. Штукатуры, мазавшіе лабазъ купца Фертикулина, оставили свои лѣстницы и присоединились къ фабричнымъ. Пожарный, описывавшій босыми ногами круги на каланчѣ, остановился и, поглядѣвъ немного, спустился внизъ. Каланча осиротѣла. Это показалось подозрительнымъ.

— Ужъ не пожаръ ли гдѣ-нибудь? Да вы не толкайтесь! Чортъ свинячій!

— Гдѣ вы видите пожаръ? Какой пожаръ? Господа, разоидитесь! Васъ честью просятъ!

— Должно, внутри загорѣлось!

— Честью просить, а самъ руками тычетъ. Не махайте руками! Вы хоть и господинъ начальникъ, а вы не имѣете никакого полнаго права рукамъ волю давать!

— На мозоль наступилъ! А, чтобъ тебя раздавило!

— Кого раздавило? Ребята, человѣка задавили!

— Почему такая толпа? За какой надобностью?

— Человѣка, ваше выскблаародіе, задавило!

— Гдѣ? Рразойдитесь! Господа, честью прошу! Честью просятъ тебя, дубина!

— Мужиковъ толкай, а благородныхъ не смѣй трогать! Не прикасайся!

— Нешто это люди? Нешто ихъ, чертей, проймешь добрымъ словомъ? Сидоровъ, сбѣгай-ка за Акимомъ Данилычемъ! Живо! Господа, вѣдь вамъ же плохо будетъ! Придетъ Акимъ Данилычъ, и вамъ же достанется! И ты тутъ, Парфень?! А еще тоже слѣпецъ, святой старецъ! Ничего не видитъ, а туда же, куда и люди, не повинуются! Смирновъ, запиши Парфена!

— Слушаю! И пуровскихъ прикажете записать? Вотъ этотъ самый, который щека распухши,—это пуровскій!

— Пуровскихъ не записывай покуда... Пуровъ завтра именинникъ!

Скворцы темной тучей поднялись надъ садомъ отца протоіерея, но Почешихинъ и Оптимовъ уже не видѣли ихъ; они стояли и все глядѣли вверхъ, стараясь понять, зачѣмъ собралась такая толпа и куда она смотритъ. Показался Акимъ Данилычъ. Что-то жуя и вытирая губы, онъ взрѣлъ и врѣзался въ толпу.

— Пожарные, приготовьсь! Рразойдитесь! Господинъ Оптимовъ, разоидитесь, вѣдь вамъ же плохо будетъ! Чѣмъ въ газеты на порядочныхъ людей писать разныя критики, вы бы лучше сами старались вести себя посущественнѣй! Добру-то не научать газеты!

— Прошу васъ не касаться гласности!—вспылилъ Оптимовъ.—Я литераторъ и не дозволю вамъ касаться гласности, хотя, по долгу гражданина, и почитаю васъ, какъ отца и благодѣтеля!

— Пожарные, лей!

— Воды нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Не разговаривать! Побъжайте за водой! Живааа!

— Не на чемъ ѣхать, ваше высокоблагородіе. Маіоръ на пожарныхъ лошадяхъ поѣхали ихнюю тетеньку провозать!

— Разойдитесь! Сдай назадъ, чтобъ тебя черти взяли... Съѣлъ? Запиши-ка его, чорта!

— Карандашъ потерялся, ваше высокоблагородіе...

Толпа все увеличивалась и увеличивалась... Богъ знаетъ, до какихъ бы размѣровъ она выросла, если бы въ трактирѣ Грѣшкина не вздумали пробовать полученный наканунѣ изъ Москвы новый органъ. Заслышавъ «Стрѣлочка», толпа ахнула и повалила къ трактиру. Такъ никто и не узналъ, почему собралась толпа, а Оптимовъ и Почепихинъ уже забыли о скворцахъ, истинныхъ виновникахъ происшествія. Черезъ часъ городъ былъ уже недвижимъ и тихъ, и виденъ былъ только одинъ-единственный человѣкъ — это пожарный, ходившій на каланчѣ...

Вечеромъ того же дня Акимъ Данилычъ сидѣлъ въ бакалейной лавкѣ Фертикулина, пилъ лимонадъ-газесъ съ коньякомъ и писалъ: «Кромѣ официальной бумаги, смѣю добавить, ваше—ство, и отъ себя нѣкоторое присовокупленіе. Отецъ и благодѣтель! Именно только молитвами вашей добродѣтельной супруги, живущей въ благорастворенной дачѣ близъ нашего города, дѣло не дошло до крайнихъ предѣловъ! Столько я вынесъ за сей день, что и описать не могу. Распорядительность Крушенскаго и пожарнаго маіора Портунеева не находятъ себѣ подходящаго названія. Горжусь сими достойными слугами отечества! Я же сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать слабый человѣкъ, кромѣ добра ближнему ничего не желающій, и, сидя теперь среди домашняго очага своего, благодарю со слезами Того, Кто не допустилъ до кровопролитія. Виновные, за недостаткомъ уликъ, сидятъ пока взаперти, но думаю ихъ выпустить черезъ недѣлку. Отъ невѣжества преступили заповѣды!»

СОННАЯ ОДУРЬ

Въ залѣ окружнаго суда идетъ засѣданіе. На скамьѣ подсудимыхъ господинъ среднихъ лѣтъ съ испитымъ лицомъ, обвиняемый въ растратѣ и подлогахъ. Тощій, узкогрудый секретарь читаетъ тихимъ теноркомъ обвинительный актъ. Онъ не признаетъ ни точекъ, ни запятыхъ, и его монотонное чтеніе похоже на жужжаніе пчелъ или журчанье ручейка. Подъ такое чтеніе хорошо мечтать, вспоминать, спать... Судьи, присяжные и публика нахохлились отъ скуки... Тишина. Изрѣдка только донесутся чьи-нибудь мѣрные шаги изъ судейскаго коридора, или осторожно кашляютъ въ кулакъ зѣвающій присяжный...

Защитникъ подперъ свою кудрявую голову кулакомъ и тихо дремлетъ. Подъ вліяніемъ жужжанія секретаря, мысли его потеряли всякій порядокъ и бродятъ.

«Какой, однако, длинный носъ у этого судебнаго пристава,—думаетъ онъ, моргая отяжелѣвшими вѣками.—Нужно же было природѣ такъ изгадить умное лицо! Если бы у людей были носы подлиннѣе, этакъ сажени двѣ-три, то, пожалуй, было бы тѣсно жить и пришлось бы дѣлать дома попросторнѣе...»

Защитникъ встряхиваетъ головой, какъ лошадь, которую укусила муха, и продолжаетъ думать:

«Что-то теперь у меня дома дѣлается? Въ эту пору обыкновенно всѣ бывають дома: и жена, и теща, и дѣти... Дѣтишки Колька и Зинка, навѣрное, теперь въ моемъ кабинетѣ... Колька стоитъ на креслѣ, уперся грудью о край стола и рисуетъ что-нибудь на моихъ бумагахъ. Нарисовалъ уже лошадь съ острой мордой и съ точкой вмѣсто глаза, человѣка съ протянутой рукой, кривой домикъ; а Зина стоитъ тутъ же, около стола, вытягиваетъ шею и старается увидѣть, что нарисовалъ ея братъ...»

— Нарисуй папу!—просить она.

Колька принимается за меня. Человѣчекъ у него уже есть, остается только пририсовать черную бороду—и папа готовъ. Потомъ Колька начинаетъ искать въ Сводѣ Законовъ картинокъ, а Зина хозяйничаетъ на столѣ. Попалась на глаза сонетка — звонять; видятъ чернильницу — нужно палецъ обмокнуть; если ящикъ въ столѣ не запертъ, то это значитъ, что нужно порыться въ немъ. Въ концѣ концовъ обонхъ осѣняетъ мысль, что оба они индѣйцы и что подь моимъ столомъ они могутъ отлично прятаться отъ враговъ. Оба лѣзутъ подь столъ, кричатъ, визжатъ и возятся тамъ до тѣхъ поръ, пока со стола не падаетъ лампа или вазочка... Охъ! А въ гостиной теперь навѣрное солидно прогуливается мамка съ третьимъ произведеніемъ... Произведеніе реветъ, реветъ... безъ конца реветъ!»

— «По текущимъ счетамъ Копелова, — жужжить секретарь:—Ачасова, Зимаковского и Чикиной проценты выданы не были, сумма же 1.425 рублей 41 копейка была приписана къ остатку 1883 года...»

«А можетъ-быть, у насъ уже обѣдаютъ!—плывутъ мысли у защитника.—За столомъ сидятъ теща, жена Надя, братъ жены Вася, дѣти... У тещи по обыкновенію на лицѣ тупая озабоченность и выраженіе достоинства. Надя, худая, уже блекнушая, но все еще съ идеально-бѣлой, прозрачной кожей на лицѣ, сидитъ за столомъ съ такимъ выраженіемъ, будто ее заставили насильно сидѣть; она ничего не ѣстъ и дѣлаетъ видъ, что больна. По лицу у нея, какъ у тещи, разлита озабоченность. Еще бы! У нея на рукахъ дѣти, кухня, бѣлье мужа, гости, моль въ шубѣхъ, пріемъ гостей, игра на піанно! Какъ много обязанностей и какъ мало работы! Надя и ея мать не дѣлаютъ рѣшительно ничего. Если отъ скуки польютъ цвѣты или побранятся съ кухаркой, то потомъ два дня стонуть отъ утомленія и говорятъ о каторгѣ... Братъ жены, Вася, тихо жуетъ и угрюмо молчитъ, такъ какъ получилъ сегодня по латинскому языку единицу. Малый тихій, услужливый, признательный, но изнашиваетъ такую массу сапогъ, брюкъ и книгъ, что просто бѣда... Дѣтишки, конечно, капризничаютъ. Требуютъ укусу и перцу, жалуются другъ на друга, то и дѣло роняютъ ложки. Даже при воспоминаніи голова кружится! Жена и теща зорко блюдутъ хорошій тонъ... Храни Богъ

положить локоть на столъ, взять ножъ во весь кулакъ, или ѣсть съ ножа, или, подавая кушанье, подойти справа, а не слѣва. Всѣ кушанья, даже ветчина съ горошкомъ, пахнутъ пудрой и монпансье. Все не вкусно, приторно, мизерно... Нѣтъ и тѣни добрыхъ щей и каши, которыя я ѣлъ, когда былъ холостякомъ. Теща и жена все время говорятъ по-французски, но когда рѣчь заходитъ обо мнѣ, то теща начинаетъ говорить по-русски, ибо такой безчувственный, безсердечный, безстыдный, грубый человекъ, какъ я, недостойнъ, чтобы о немъ говорили на нѣжномъ французскомъ языкѣ...

— Бѣдный Мишель, вѣроятно, проголодался,— говоритъ жена. — Выпилъ утромъ стаканъ чаю безъ хлѣба, такъ и побѣжалъ въ судъ...

— Не безпокойся, матушка!— злорадствуетъ теща.— Такой не проголодается! Небось, ужъ пять разъ въ буфетъ бѣгалъ. Устроили себѣ въ судѣ буфетъ и каждая пять минутъ просятъ у предсѣдателя, нельзя ли перерывъ сдѣлать.

Послѣ обѣда теща и жена толкуютъ о сокращеніи расходовъ... Считаютъ, записываютъ и находятъ въ концѣ концовъ, что расходы безобразно велики. Приглашается кухарка, начинаютъ считать съ ней вмѣстѣ, попрекаютъ се, поднимается брань изъ-за пятака... Слезы, ядовитыя слова... Потомъ уборка комнатъ, перестановка мебели— и все отъ нечего дѣлать.

— «Коллежскій ассессоръ Черенковъ показалъ,— жужжить секретарь,— что хотя ему и была прислана квитанція № 811, но, тѣмъ не менѣе, слѣдующимъ ему 46 р. 2 к. онъ не получилъ, о чемъ и заявилъ тогда же...»

«Какъ подумаешь, да рассудишь, да взвѣсишь всѣ обстоятельства,— продолжаетъ думать защитникъ,— и, право, махнешь на все рукой и все пошлешь къ чорту... Какъ истомишься, ошалѣешь, угоришь за весь день въ этомъ чаду скуки и пошлости, то поневолѣ захочешь дать своей душѣ хоть одну свѣтлую минуту отдыха. Заберешься къ Наталѣ или, когда деньги есть, къ цыганамъ— и все забудешь... честное слово, все забудешь! Чортъ его знаетъ гдѣ, далеко за городомъ, въ отдѣльномъ кабинетѣ, развалишься на софѣ, азіаты поютъ, скачутъ, галдятъ, и чувствуешь, какъ всю душу твою переворачиваетъ голосъ этой обаятельной, этой страшной, бѣшеной цыганки Глаши...

Глаша! Милая, славная, чудесная Глаша! Что за зубы, глаза... спина!»

А секретарь жужжить, жужжить, жужжить... Въ глазах защитника начинается все сливаться и прыгать. Судьи и присяжные уходят въ самихъ себя, публика рябитъ, потолокъ то опускается, то поднимается... Мысли тоже прыгаютъ и наконецъ обрываются... Надя, теца, длинный носъ судебного пристава, подсудимый, Глаша—все это прыгаетъ, вертится и уходитъ далеко, далеко, далеко...

— Хорошо...—тихо шепчетъ защитникъ, засыпая.—Хорошо... Лежишь на софѣ, а кругомъ уютно... тепло... Глаша поетъ...

— Господинъ защитникъ!—раздается рѣзкій окликъ.

«Хорошо... тепло... Нѣтъ ни тещи, ни кормилицы... ни супа, отъ котораго пахнетъ пудрой... Глаша добрая, хорошая...»

— Господинъ защитникъ!—раздается тотъ же рѣзкій голосъ.

Защитникъ вздрагиваетъ и открываетъ глаза. Прямо, въ упоръ на него, глядятъ черные глаза цыганки Глаши, улыбаются сочныя губы, сіяетъ смуглое, красивое лицо. Ошеломленный, еще не совсѣмъ проснувшійся, полагая, что это сонъ или привидѣніе, онъ медленно поднимается и, разинувъ ротъ, смотритъ на цыганку.

— Господинъ защитникъ, не желаете ли спросить что-нибудь у свидѣтельницы?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Ахъ... да! Это свидѣтельница... Нѣтъ, не... не желаю. Ничего не имѣю.

Защитникъ встряхиваетъ головой и окончательно просыпается. Теперь ему понятно, что это въ самомъ дѣлѣ стоитъ цыганка Глаша, что она вызвана сюда въ качествѣ свидѣтельницы.

— Впрочемъ, виновать, я имѣю кое-что спросить,—говоритъ онъ громко.—Свидѣтельница, — обращается онъ къ Глашѣ:—вы служите въ цыганскомъ хорѣ Кузьмичова, скажите, какъ часто въ вашемъ ресторанѣ кутилъ обвиняемый? Такъ-съ... А не помните ли, самъ ли онъ за себя платилъ всякій разъ, или же случалось, что и другіе платили за него? Благодарю васъ... достаточно.

Онъ выпиваетъ два стакана воды, и сонная одурь проходитъ совсѣмъ...

ТАИНА.

Вечеромъ перваго дня Пасхи дѣйствительный статскій совѣтникъ Навагинъ, вернувшись съ визитовъ, взялъ въ передней листъ, на которомъ расписывались визитеры, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Разоблачившись и выпивъ зельтерской, онъ усялся поудобнѣй на кушеткѣ и сталъ читать подписи на листѣ. Когда его взглядъ достигъ до середины длиннаго ряда подписей, онъ вздрогнулъ, удивленно фыркнулъ и, изобразивъ на лицѣ своемъ крайнее изумленіе, щелкнулъ пальцами.

— Опять!—сказалъ онъ, хлопнувъ себя по колѣну.—Это удивительно! Опять! Опять расписался этотъ, чортъ его знаетъ, кто онъ такой, Ѳедюковъ! Опять!

Среди многочисленныхъ подписей находилась на листѣ подпись какого-то Ѳедюкова. Что за птица этотъ Ѳедюковъ,—Навагинъ рѣшительно не зналъ. Онъ перебралъ въ памяти всѣхъ своихъ знакомыхъ, родственниковъ и подчиненныхъ, припоминалъ свое отдаленное прошлое, но никакъ не могъ вспомнить ничего даже похожаго на Ѳедюкова. Страннѣе же всего было то, что этотъ *incognito*-Ѳедюковъ въ послѣднія тринадцать лѣтъ аккуратно расписывался каждое Рождество и Пасху. Кто онъ, откуда и каковъ онъ изъ себя,—не знали ни Навагинъ, ни его жена, ни швейцарь.

— Удивительно!—изумлялся Навагинъ, шагая по кабинету.—Странно и непонятно! Какая-то кабалистика! Позвать сюда швейцара!—крикнулъ онъ.—Чертовски странно! Нѣтъ, я все-таки узнаю, кто онъ! Послушай, Григорій,—

обратился онъ къ вошедшему швейцару,—опять расписался этотъ Оедюковъ! Ты видѣлъ его?

— Никакъ нѣтъ...

— Помилуй, да вѣдь онъ же расписался! Значить, онъ былъ въ передней? Былъ?

— Никакъ нѣтъ, не былъ.

— Какъ же онъ могъ расписаться, если онъ не былъ?

— Не могу знать.

— Кому же знать? Ты зѣваешь тамъ въ передней! Припомни-ка, можетъ-быть, входилъ кто-нибудь незнакомый! Подумай!

— Нѣтъ, вашество, незнакомыхъ никого не было. Чиновники наши были, къ ея превосходительству баронесса прїѣзжала, священники съ крестомъ приходили, а больше никого не было...

— Что жъ, онъ невидимкой расписался, что ли?

— Не могу знать, но только Оедюкова никакого не было. Это я хоть передъ образомъ...

— Странно! Непонятно! Уди-ви-тель-но!—задумался Навагинъ.—Это даже смѣшно. Человѣкъ расписывается уже тринадцать лѣтъ, и ты никакъ не можешь узнать, кто онъ. Можетъ-быть, это чья-нибудь шутка? Можетъ-быть, какой-нибудь чиновникъ вмѣстѣ со своей фамиліей подписываетъ, ради курьеза, и этого Оедюкова?

И Навагинъ сталъ разсматривать подпись Оедюкова.

Размашистая, залихватская подпись на старинный манеръ, съ завитушками и закорючками, по почерку совсѣмъ не походила на остальные подписи. Находилась она тотчасъ же подъ подписью губернскаго секретаря Штучкина, запуганнаго и малодушнаго человѣчка, который навѣрное умеръ бы съ перепуга, если бы позволилъ себѣ такую дерзкую шутку.

— Опять таинственный Оедюковъ расписался!—сказалъ Навагинъ, входя къ женѣ.—Опять я не добился, кто это такой!

М-ме Навагина была спириткой, а потому всѣ понятныя и непонятныя явленія въ природѣ объясняла очень просто.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго,—сказала она.—Ты вотъ не вѣришь, а я говорила и говорю: въ природѣ очень много сверхъестественнаго, чего никогда не постигнешь

нашъ слабый умъ! Я увѣрена, что этотъ Ѳедюковъ—духъ, который тебѣ симпатизируетъ... На твоёмъ мѣстѣ я вызвала бы его и спросила, что ему нужно.

— Вздоръ, вздоръ!

Навагинъ былъ свободенъ отъ предразсудковъ, но занимавшее его явленіе было такъ таинственно, что поневолѣ въ его голову полѣзла всякая чертовщина. Весь вечеръ онъ думалъ о томъ, что incognito-Ѳедюковъ есть духъ какого-нибудь давно умершаго чиновника, прогнаннаго со службы предками Навагина, а теперь мстящаго потому; быть-можетъ, это родственникъ какого-нибудь канцеляриста, уволеннаго самимъ Навагинимъ, или дѣвицы, соблазненной имъ...

Всю ночь Навагину снился старый, тощій чиновникъ въ потертомъ вицмундирѣ, съ желтолимоннымъ лицомъ, щетинистыми волосами и оловянными глазами; чиновникъ говорилъ что-то могильнымъ голосомъ и грозилъ костлявымъ пальцемъ.

У Навагина едва не сдѣлалось воспаление мозга. Двѣ недѣли онъ молчалъ, хмурился и все ходилъ да думалъ. Въ концѣ концовъ онъ поборолъ свое скептическое самолюбіе и, войдя къ женѣ, сказалъ глухо:

— Зина, вызови Ѳедюкова!

Спиритка обрадовалась, велѣла принести картонный листъ и блюдечко, посадила рядомъ съ собой мужа и стала священнодѣйствовать. Ѳедюковъ не заставилъ долго ждать себя...

— Что тебѣ нужно?—спросилъ Навагинъ.

— Кайся...—отвѣтило блюдечко.

— Кѣмъ ты былъ на землѣ?

— Заблуждающійся...

— Вотъ видишь!—шешнула жена.—А ты не вѣрилъ!

Навагинъ долго бесѣдовалъ съ Ѳедюковымъ, потомъ вызывалъ Наполеона, Ганнибала, Аскоченскаго, свою тетку Клавдію Захаровну, и всѣ они давали ему короткіе, но вѣрные и полные глубокаго смысла отвѣты. Возился онъ съ блюдечкомъ часа четыре и уснулъ успокоенный, счастливый, что познакомился съ новымъ для него, таинственнымъ міромъ. Послѣ этого онъ каждый день занимался спиритизмомъ и въ присутствіи объяснялъ чиновникамъ, что въ природѣ вообще очень много сверхъестественнаго, чудес-

наго, на что нашимъ ученымъ давно бы слѣдовало обратить вниманіе. Гипнотизмъ, медиумизмъ, биопонизмъ, спиритизмъ, четвертое измѣреніе и прочіе туманы овладѣли имъ совершенно, такъ что по цѣлымъ днямъ онъ, къ великому удовольствію своей супруги, читалъ спиритическія книги, или же занимался блюдечкомъ, столоверченіями и толкованіями сверхъестественныхъ явленій. Съ его легкой руки занялись спиритизмомъ и всѣ его подчиненные, да такъ усердно, что старыи экзекуторъ сошелъ съ ума и послалъ однажды съ курьеромъ такую телеграмму: «Въ адъ, казенная палата. Чувствую, что обращаюсь въ нечистаго духа. Что дѣлать? Отвѣтъ заплаченъ. Василій Кринолинскій».

Прочитавъ не одну сотню спиритическихъ брошюръ, Навагинъ почувствовалъ сильное желаніе самому написать что-нибудь. Пять мѣсяцевъ онъ сидѣлъ и сочинялъ, и въ концѣ концовъ написалъ громадный рефератъ подъ заглавіемъ: «И мое мнѣніе». Кончивъ эту статью, онъ порѣшилъ отправить ее въ спиритическій журналъ.

День, въ который предположено было отправить статью, ему очень памятенъ. Навагинъ помнить, что въ этотъ не забвенный день у него въ кабинетѣ находились секретарь, переписывавшій набѣло статью, и дьячокъ мѣстнаго прихода, позванный по дѣлу. Лицо Навагина сіяло. Онъ любовно оглядѣлъ свое дѣтище, потрогалъ межъ пальцами, какое оно толстое, счастливо улыбнулся и сказалъ секретарю:

— Я полагаю, Филиппъ Сергѣичъ, заказнымъ отправить. Этакъ вѣрнѣе...—И поднявъ глаза на дьячка, онъ сказалъ:—Васъ я велѣлъ позвать по дѣлу, любезный. Я отдаю младшаго сына въ гимназію и мнѣ нужно метрическое свидѣтельство, только нельзя ли поскорѣе.

— Очень хорошо-съ, ваше превосходительство!—сказалъ дьячокъ, кланаясь.—Очень хорошо-съ! Понимаю-съ...

— Нельзя ли къ завтраму приготовить?

— Хорошо-съ, ваше превосходительство, будьте покойны-съ! Завтра же будетъ готово! Извольте завтра прислать кого-нибудь въ церковь передъ вечерней. Я тамъ буду. Прикажете спросить Ѳедюкова, я всегда тамъ...

— Какъ?!—крикнулъ генералъ, блѣднѣя.

— Ѳедюкова-съ.

— Вы... вы Оедюковъ?—спросилъ Навагинъ, тараща на него глаза.

— Точно такъ, Оедюковъ.

— Вы... вы расписывались у меня въ передней?

— Точно такъ,—сознался дьячокъ и сконфузился.—Я, ваше превосходительство, когда мы съ крестомъ ходимъ, всегда у вельможныхъ особъ расписуюсь... Люблю это самое... Какъ увижу, извините, листъ въ передней, такъ и тянетъ меня имя свое записать...

Въ нѣмомъ оступѣнн, ничего не понимая, не слыша, Навагинъ зашагалъ по кабинету. Онъ потрогалъ портьеру у двери, раза три взмахнулъ правой рукой, какъ балетный *jeune-premier*, видящій *ее*, посвисталъ, безсмысленно улыбулся, указалъ въ пространство пальцемъ.

— Такъ я сейчасъ пошлю статью, ваше превосходительство,—сказалъ секретарь.

Эти слова вывели Навагина изъ забытья. Онъ тупо оглядѣлъ секретаря и дьячка, вспомнилъ и, раздраженно топнувъ ногой, крикнулъ дребезжащимъ, высокимъ теноромъ:

— Оставьте меня въ покоѣ! А-ас-тавь-те меня въ покоѣ, говорю я вамъ! Чтѣ вамъ нужно отъ меня, не понимаю?

Секретарь и дьячокъ вышли изъ кабинета и были уже на улицѣ, а онъ все еще топалъ ногами и кричалъ:

— Аставьте меня въ покоѣ! Чтѣ вамъ нужно отъ меня, не понимаю? А-ас-тавьте меня въ покоѣ!

МСТИТЕЛЬ.

Федоръ Федоровичъ Сигаевъ вскорѣ послѣ того, какъ засталъ свою жену на мѣстѣ преступленія, стоялъ въ оружейномъ магазинѣ Шмуксъ и К^о и выбиралъ себѣ подходящій револьверъ. Лицо его выражало гнѣвъ, скорбь и безповоротную рѣшимость.

«Я знаю, что мнѣ дѣлать...—думалъ онъ.—Семейныя основы поруганы, честь затоптана въ грязь, порокъ торжествуетъ, а потому я, какъ гражданинъ и честный человѣкъ, долженъ явиться мстителемъ. Сначала убью ее и любовника, а потомъ себя...»

Онъ еще не выбралъ револьвера и никого еще не убилъ, но его воображеніе уже рисовало три окровавленныхъ трупъ, размозженные черепа, текущій мозгъ, сумятицу, толпу зѣвакъ, вскрытіе... Съ злорадствомъ оскорбленнаго человѣка онъ воображалъ себѣ ужасъ родни и публики, агонію измѣнницы и мысленно уже читалъ передовыя статьи, тракующія о разложеніи семейныхъ основъ.

Приказчикъ магазина—подвижная, французистая фигурка съ брюшкомъ и въ бѣломъ жилетѣ—раскладывалъ передъ нимъ револьверы и, почтительно улыбаясь, шаркая ножками, говорилъ:

— Я совѣтовалъ бы вамъ, мсье, взять вотъ этотъ прекрасный револьверъ. Система Смитъ и Вессонъ. Послѣднее слово огнестрѣльной науки. Тройного дѣйствія, съ экстракторомъ, бьетъ на шестьсотъ шаговъ, центрального боя. Обращаю, мсье, ваше вниманіе на чистоту отдѣлки. Самая модная система, мсье... Ежедневно продаемъ по десятку

для разбойниковъ, волковъ и любовниковъ. Очень вѣрный и сильный бой, бьетъ на большой дистанціи и убиваетъ навзлетъ жену и любовника. Что касается самоубійцы, то, мсье, я не знаю лучшей системы...

Приказчикъ поднималъ и опускалъ курки, дышалъ на стволы, прицѣливался и дѣлалъ видъ, что задыхается отъ восторга. Глядя на его восхищенное лицо, можно было подумать, что самъ онъ охотно пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ, если бы только обладалъ револьверомъ такой прекрасной системы, какъ Смитъ и Вессонъ.

— А какая цѣна?—спросилъ Сигаевъ.

— Сорокъ пять рублей, мсье.

— Гм!.. для меня это дорого!

— Въ такомъ случаѣ, мсье, я предложу вамъ другой системы, подешевле. Вотъ, не угодно ли посмотрѣть? Выборъ у насъ громаднѣйшій, на разныя цѣны... Напримѣръ, этотъ револьверъ системы Лефохе стоить только восемнадцать рублей, но... (приказчикъ презрительно поморщился)... но, мсье, эта система уже устарѣла. Ее покупаютъ теперь только умственные пролетаріи и психопатки. Застрѣлиться или убить жену изъ Лефохе считается теперь знакомъ дурного тона. Хорошій тонъ признаетъ только Смита и Вессонъ.

— Мнѣ нѣтъ надобности ни стрѣляться, ни убивать,— угрюмо солгалъ Сигаевъ.—Я покупаю это просто для дачи... пугать воровъ...

— Намъ нѣтъ дѣла, для чего вы покушаете,—улыбнулся приказчикъ, скромно опуская глаза.—Если бы въ каждомъ случаѣ мы доискивались причинъ, то намъ, мсье, пришлось бы закрыть магазинъ. Для пуганья воровъ Лефохе не годится, мсье, потому что онъ издаетъ негромкій, глухой звукъ, а я предложилъ бы вамъ обыкновенный капсюльный пистолетъ Мортимера, такъ-называемый дуэльный...

«А не вызвать ли мнѣ его на дуэль?—мелькнуло въ головѣ Сигаева.—Впрочемъ, много чести... Такихъ скотовъ убиваютъ, какъ собакъ...»

Приказчикъ, граціозно поворачиваясь и сѣменя ножками, не переставая улыбаться и болтать, положилъ передъ нимъ цѣлую кучу револьверовъ. Аппетитнѣе и внушительнѣе всѣхъ выглядѣлъ Смитъ и Вессонъ. Сигаевъ взялъ въ руки одинъ револьверъ этой системы, тупо уставился на него

и погрузился въ раздумье. Воображеніе его рисовало, какъ онъ размозжаетъ черепа, какъ кровь рѣкою течетъ по ковра и паркету, какъ дрыгаетъ ногой умирающая измѣнница... Но для его негодующей души было мало этого. Кровавыя картины, вопль и ужасъ его не удовлетворяли... Нужно было придумать что-нибудь болѣе ужасное.

«Вотъ что, я убью его и себя,—придумалъ онъ,—а ее оставлю жить. Пусть она чахнетъ отъ угрызеній совѣсти и презрѣнія окружающихъ. Это для такой нервной натуры, какъ она, гораздо мучительнѣе смерти...»

И онъ представилъ себѣ свои похороны: онъ, оскорбленный, лежитъ въ гробу, съ кроткой улыбкой на устахъ, а она, блѣдная, замученная угрызеніями совѣсти, идетъ за гробомъ, какъ Ниобея, и не знаетъ, куда дѣваться отъ уничтожающихъ, презрительныхъ взглядовъ, какіе бросаетъ на нее возмущенная толпа...

— Я вижу, мсье, что вамъ нравится Смитъ и Вессонъ,—перебилъ приказчикъ его мечтанія.—Если онъ кажется вамъ дорого, то извольте, я уступлю пять рублей... Впрочемъ, у насъ еще есть другія системы, подешевле.

Французистая фигурка граціозно повернулась и достала съ полка еще дюжину футляровъ съ револьверами.

— Вотъ, мсье, цѣна тридцать рублей. Это не дорого, тѣмъ болѣе, что курсъ страшно понизился, а таможенные пошлины, мсье, повышаются каждый часъ. Мсье, клянусь Богомъ, я консерваторъ, но и я уже начинаю роптать! Помилуйте, курсъ и таможенный тарифъ сдѣлали то, что теперь оружіе могутъ пріобрѣтать только богачи! Бѣднякамъ осталось только тульское оружіе и фосфорныя спички, а тульское оружіе—это несчастье! Стрѣляешь изъ тульского револьвера въ жену, а попадаешь себѣ въ лопатку...

Сигаеву вдругъ стало обидно и жаль, что онъ будетъ мертвъ и не увидитъ мученій измѣнницы. Местъ тогда лишь сладка, когда имѣешь возможность видѣть и осязать ея плоды, а что толку, если онъ будетъ лежать въ гробу и ничего не сознавать.

«Не сдѣлать ли мнѣ такъ,—раздумывалъ онъ.—Убью его, потомъ побуду на похоронахъ, погляжу, а послѣ похоронъ себя убью... Впрочемъ, меня до похоронъ арестуютъ и отнимутъ оружіе... Итакъ: убью его, она останется въ живыхъ, я... я до поры до времени не убиваю себя, а пойду подѣ

арестъ. Убить себя я всегда успѣю. Арестъ тѣмъ хорошъ, что на предварительномъ дознаніи я буду имѣть возможность раскрыть передъ властью и обществомъ всю низость ея поведенія. Если я убью себя, то она, пожалуй, со свойственной ей лживостью и наглостью, во всемъ обвинить меня, и общество оправдаетъ ея поступокъ и, пожалуй, посмѣется надо мной; если же я останусь живъ, то...»

Черезъ минуту онъ думалъ:

«Да, если я убью себя, то, пожалуй, меня же обвинять и заподозрять въ мелкомъ чувствѣ... И къ тому же, за что себя убивать? Это разъ. Во-вторыхъ, застрѣлиться—значить струсить. Итакъ: убью его, ее оставлю жить, самъ иду подъ судъ. Меня будутъ судить, а она будетъ фигурировать въ качествѣ свидѣтельницы... Воображаю ея смущеніе, ея позоръ, когда ее будетъ допрашивать мой защитникъ! Симпатіи суда, публики и прессы будутъ, конечно, на моей сторонѣ...»

Онъ размышлялъ, а приказчикъ раскладывалъ передъ нимъ товаръ и считалъ своимъ долгомъ занимать покупателя.

— Вотъ англійскіе новой системы, недавно только получены,—болталъ онъ.—Но предупреждаю, мсье, всѣ эти системы блѣднѣютъ передъ Смитъ и Вессонъ. На-дняхъ—вы, вѣроятно, уже читали—одинъ офицеръ пріобрѣлъ у насъ револьверъ системы Смитъ и Вессонъ. Онъ выстрѣлилъ въ любовника и—что же вы думаете?—пуля прошла навывлетъ, пробила затѣмъ бронзовую лампу, потомъ рояль, а отъ рояля рикошетомъ убила болонку и контузила жену. Эффектъ блистательный и дѣлаетъ честь нашей фирмѣ. Офицеръ теперь арестованъ... Его, конечно, обвинять и сошлютъ въ каторжныя работы! Во-первыхъ, у насъ слишкомъ устарѣлое законодательство; во-вторыхъ, мсье, судъ всегда бываетъ на сторонѣ любовника. Почему? Очень просто, мсье! И судьи, и присяжные, и прокуроръ, и защитникъ сами живутъ съ чужими женами, и для нихъ будетъ покойнѣе, если въ Россіи однимъ мужемъ будетъ меньше. Обществу было бы пріятно, если бы правительство сослало всѣхъ мужей на Сахалинъ. О, мсье, вы не знаете, какое негодованіе возбуждаетъ во мнѣ современная порча нравовъ! Любить чужихъ женъ теперь такъ же принято, какъ курить чужія папиросы и читать чужія книги. Съ каждымъ годомъ у насъ торговля становится все хуже и

хуже, — это не значить, что любовниковъ становится все меньше, а значить, что мужья мирятся со своимъ положеніемъ и боятся суда и каторги.

Приказчикъ оглянулся и прошепталъ:

— А кто виновать, мсье? Правительство!

«Идти на Сахалинъ изъ-за какой-нибудь свиньи тоже не разумно, — раздумывалъ Сигаевъ. — Если я пойду на каторгу, то это дастъ только возможность женѣ выйти замужъ вторично и надуть второго мужа. Она будетъ торжествовать... Итакъ: ее я оставлю въ живыхъ, себя не убиваю, ея... тоже не убиваю. Надо придумать что-нибудь болѣе разумное и чувствительное. Буду казнить ихъ презрѣніемъ и подниму скандальный бракоразводный процессъ...»

— Вотъ, мсье, еще новая система, — сказалъ приказчикъ, доставая съ полки новую дюжину. — Обращаю ваше вниманіе на оригинальный механизмъ замка...

Сигаеву, послѣ его рѣшенія, револьверъ былъ уже не нуженъ, а приказчикъ, между тѣмъ, вдохновляясь все болѣе и болѣе, не переставалъ раскладывать передъ нимъ свой товаръ. Оскорбленному мужу стало совѣстно, что изъ-за него приказчикъ даромъ трудился, даромъ восхищался, улыбался, терялъ время...

— Хорошо, въ такомъ случаѣ... — забормоталъ онъ, — я зайду послѣ, или... или приплю кого-нибудь.

Онъ не видѣлъ выраженія лица у приказчика, но, чтобы хотя немного сгладить неловкость, почувствовалъ необходимость купить что-нибудь. Но чтò же купить? Онъ оглядѣлъ стѣны магазина, выбирая что-нибудь подешевле, и остановилъ свой взглядъ на зеленой сѣткѣ, висѣвшей около двери.

— Это... это чтò такое? — спросилъ онъ.

— Это сѣтка для ловли перепеловъ.

— А чтò стòитъ?

— Восемь рублей, мсье.

— Заверните мнѣ...

Оскорбленный мужъ заплатилъ восемь рублей, взялъ сѣтку и, чувствуя себя еще болѣе оскорбленнымъ, вышелъ изъ магазина.

ЗАБЛУДШІЕ.

Дачная мѣстность, окутанная ночнымъ мракомъ. На деревенской колокольнѣ бьетъ часъ. Присяжные повѣренные Козявкинъ и Лаевъ, оба въ отмѣнномъ настроеніи и слегка пошатываясь, выходятъ изъ лѣсу и направляются къ дачамъ.

— Ну, слава Создателю, пришли...—говоритъ Козявкинъ, переводя духъ. — Въ нашемъ положеніи пройти пѣхтурой пять верстъ отъ полустанка — подвигъ. Страшно умаялся! И, какъ на зло, ни одного извозчика...

— Голубчикъ, Петя... не могу! Если черезъ пять минутъ я не буду въ постели, то умру, кажется...

— Въ по-сте-ли! Ну, это шалишь, братъ! Мы сначала поужинаемъ, выпьемъ красненькаго, а потомъ ужъ и въ постель. Мы съ Вѣрочкой не дадимъ тебѣ спать... А хорошо, братецъ ты мой, быть женатымъ! Ты не понимаешь этого, черствая душа! Приду я сейчасъ къ себѣ домой утомленный, замученный... меня встрѣтитъ любящая жена, попоитъ чайкомъ, дастъ поѣсть и, въ благодарность за мой трудъ, за любовь, взглянетъ на меня своими черненькими глазенками такъ ласково и привѣтливо, что забуду я, братецъ ты мой, и усталость, и кражу со взломомъ, и судебную палату, и кассационный департаментъ... Хоррошо!

— Но... у меня, кажется, ноги отломались... Я едва иду... Пить страшно хочется...

— Ну, вотъ мы и дома.

Пріятели подходятъ къ одной изъ дачъ и останавливаются передъ крайнимъ окномъ.

— Дачка славная,—говоритъ Козявкинъ.—Вотъ завтра увидишь, какіе здѣсь виды! Темно въ окнахъ. Стало-быть, Вѣрочка уже легла, не захотѣла дожидаться. Лежитъ и, должно-быть, мучится, что меня до сихъ поръ нѣтъ... (пихаетъ тростью окно, которое отворяется). Этакая вѣдь безстрашная, ложится въ постель и не запираетъ оконъ (сни-

маеть крылатку и бросаетъ ее вмѣстѣ съ портфелемъ въ окно). Жарко! Давай-ка затянемъ серенаду, посмѣшимъ ее... (поеть): «Мѣсяць плыветъ по ночнымъ небесамъ... Вѣтерочекъ чуть-чуть дышитъ... вѣтерочекъ чуть колыхетъ»... Пой, Алеша! Вѣрочка, спѣть тебѣ серенаду Шуберта? (поеть): «Пѣ-ѣснь моя-я-я... лети-итъ съ мольбо-о-о-ю»... (голосъ обрывается судорожнымъ кашлемъ). Тьфу! Вѣрочка, скажи-ка Аксиньѣ, чтобы она отперла намъ калитку! (пауза). Вѣрочка! Не лѣнись же, встань, милая! (становится на камень и глядитъ въ окно). Вѣруничекъ, мумочка моя, веревьюничекъ... ангелочекъ, жена моя неподобная, встань и скажи Аксиньѣ, чтобы она отперла намъ калитку! Вѣдь не спишь же! Мамочка, ей-Богу, мы такъ утомлены и обезсилены, что намъ вовсе не до шутокъ. Вѣдь мы пѣшкомъ отъ станціи шли! Да ты слышишь, или нѣтъ? А, чортъ возьми! (дѣлаетъ попытку влѣзть въ окно и срывается). Можетъ-быть, гостю неприятны эти шутки! Ты, я вижу, Вѣра, такая же институтка, какъ была, все бы тебѣ шалить...

— А можетъ-быть, Вѣра Степановна спитъ! — говоритъ Лаевъ.

— Не спитъ! Ей, вѣроятно, хочется, чтобы я поднялъ шумъ и взбудоражилъ всѣхъ сосѣдей! Я уже начинаю сердиться, Вѣра! А, чортъ возьми! Подсади меня, Алеша, я влѣзу! Дѣвчонка ты, школьница и больше ничего!.. Подсади!

Лаевъ съ пыхтѣніемъ подсаживаетъ Козявкина. Тотъ влѣзаетъ въ окно и исчезаетъ во мракѣ комнаты.

— Вѣрка! — слышитъ черезъ минуту Лаевъ. — Гдѣ ты? Чоррртъ... Тьфу, во что-то руку выпачкалъ! Тьфу!

Слышится шорохъ, хлопанье крыльевъ и отчаянный крикъ курицы.

— Вотъ те на! — слышитъ Лаевъ. — Вѣра, откуда у насъ куры? Чортъ возьми, да тутъ ихъ пропасть! Плетушка съ индѣйкой... Клюется, п-подлая!

Изъ окна съ шумомъ вылетаютъ двѣ курицы и, крича во все горло, мчатся по улицѣ.

— Алеша, да мы не туда попали! — говоритъ Козявкинъ плачущимъ голосомъ. — Тутъ куры какія-то... Я, должно-быть, обознался... Да ну васъ къ чорту, разлетались тутъ, анаемы!

— Такъ ты выходи поскорѣй! Понимаешь? Умираю отъ жажды!

— Сейчас... Найду вот крылатку и портфель...

— Ты слишком зажги!

— Спички въ крылаткѣ... Угораздило же меня сюда забраться! Всѣ дачи одинаковыя, самъ чортъ не различитъ ихъ въ потемкахъ. Ой, индѣйка въ щеку клонула! П-подлая...

— Выходи поскорѣе, а то подумаютъ, что мы куръ воруемъ!

— Сейчас... Крылатки никакъ не найду. Тряпья здѣсь валяется много и не разберешь, гдѣ тутъ крылатка. Брось-ка мнѣ спички!

— У меня нѣтъ спичекъ!

— Положеніе, нечего сказать! Какъ же быть-то? Безъ крылатки и портфеля никакъ нельзя. Надо отыскать ихъ.

— Не понимаю, какъ это можно не узнать своей собственной дачи, — возмущается Лаевъ. — Пьяная рожа... Если бъ я зналъ, что будетъ такая исторія, ни за что бы не поѣхалъ съ тобой. Теперь бы я былъ дома, спалъ безмятежно, а тутъ изволь вотъ мучиться... Страшно утомленъ, пить хочется... голова кружится!

— Сейчасъ, сейчасъ... не умрешь...

Черезъ голову Лаева съ крикомъ пролетаетъ большой пѣтухъ. Лаевъ глубоко вздыхаетъ и, безнадежно махнувъ рукой, садится на камень. Душа у него горитъ отъ жажды, глаза слипаются, голову клонитъ внизъ... Проходитъ минутъ пять, десять, наконецъ, двадцать, а Козявкинъ все еще возится съ курами.

— Петръ, скоро ли ты?

— Сейчасъ. Нашелъ-было портфель, да опять потерялъ.

Лаевъ подпираетъ голову кулаками и закрываетъ глаза. Куринный крикъ становится все громче. Обитательницы пустой дачи вылетаютъ изъ окна и, кажется ему, какъ совы кружатся во тьмѣ надъ его головой. Отъ ихъ крика въ ушахъ его стоитъ звонъ, душой овладѣваетъ ужасъ.

«Скотина!..—думаетъ онъ.—Пригласилъ въ гости, обѣщаль угостить виномъ да простоквашей, а вмѣсто того заставилъ пройтись отъ станціи пѣшкомъ и этихъ куръ слушать...»

Возмущаясь, Лаевъ суетъ подбородокъ въ воротникъ, кладетъ голову на свой портфель и мало-по-малу успокаивается. Утомленіе беретъ свое и онъ начинаетъ засыпать.

— Нашелъ портфель! — слышитъ онъ торжествующій

крикъ Козявкина. — Найду сейчас крылатку и — баста, идемъ!

Но вотъ сквозь сонъ слышитъ онъ собачій лай. Лаеетъ сначала одна собака, потомъ другая, третья... и собачій лай, мѣшаясь съ куринымъ кудахтаньемъ, даетъ какую-то дикую музыку. Кто-то подходитъ къ Лаеву и спрашиваетъ о чемъ-то. Засимъ слышитъ онъ, что черезъ его голову лѣзутъ въ окно, стучать, кричать... Женщина въ красномъ фартукѣ стоитъ около него съ фонаремъ въ рукѣ и о чемъ-то спрашиваетъ.

— Вы не имѣете права говорить это!—слышитъ онъ голосъ Козявкина. — Я присяжный повѣренный, кандидатъ правъ Козявкинъ. Вотъ вамъ моя визитная карточка!

— На что мнѣ ваша карточка!—говоритъ кто-то хриплымъ басомъ.—Вы у меня всѣхъ куръ поразгоняли, вы подавили яйца! Поглядите, что вы надѣлали! Не сегодня-завтра индюшата должны были вылупиться, а вы подавили. На что же, сударь, сдалась мнѣ ваша карточка?

— Вы не смѣете меня удерживать! Да-съ! Я не позволю!

«Пить хочется»...—думаетъ Лаевъ, стараясь открыть глаза и чувствуя, какъ черезъ его голову кто-то лѣзетъ изъ окна.

— Я—Козявкинъ! Тутъ моя дача, меня тутъ всѣ знаютъ!

— Никакого Козявкина мы не знаемъ!

— Что ты мнѣ рассказываешь? Позвать старосту! Онъ меня знаетъ!

— Не горячитесь, сейчасъ урядникъ приѣдетъ... Всѣхъ дачниковъ тутошнихъ мы знаемъ, а васъ отродясь не видѣли.

— Я ужъ пятый годъ въ Гнилыхъ Выселкахъ на дачѣ живу!

— Эва! Нешто это Выселки? Здѣсь Хилово, а Гнилые Выселки правѣе будутъ, за спичечной фабрикой. Версты за четыре отсюда.

— Чортъ меня возьми! Это, значить, я не той дордгой пошелъ!

Человѣческіе и птичьи крики мѣшаются съ собачьимъ лаемъ, и изъ смѣси звукового хаоса выдѣляется голосъ Козявкина:

— Вы не смѣете! Я заплачу! Вы узнаете, съ кѣмъ имѣете дѣло!

Наконецъ, голоса мало-по-малу стихаютъ. Лаевъ чувствуетъ, что его треплютъ за плечо.

РЕПЕТИТОРЪ.

Гимназистъ VII класса Егоръ Зиберовъ милостиво подаетъ Петѣ Удодову руку. Петя, двѣнадцатилѣтній мальчуганъ въ сѣромъ костюмчикѣ, пухлый и краснощекій, съ маленькимъ лбомъ и щетинистыми волосами, расшаркивается и лѣзетъ въ шкапъ за тетрадками. Занятіе начинается.

Согласно условію, заключенному съ отцомъ Удодовымъ, Зиберовъ долженъ заниматься съ Петей по два часа ежедневно, за что и получаетъ шесть рублей въ мѣсяць. Готовитъ онъ его во II классъ гимназіи. (Въ прошломъ году онъ готовилъ его въ I классъ, но Петя порѣзался).

— Ну-съ...—начинаетъ Зиберовъ, закуривая папиросу.— Вамъ задано четвертое склоненіе. Склоняйте *fructus*!

Петя начинаетъ склонять.

— Опять вы не выучили!—говоритъ Зиберовъ, вставая.— Въ шестой разъ задаю вамъ четвертое склоненіе, и вы ни въ зубъ толконуть! Когда же, наконецъ, вы начнете учить уроки?

— Опять не выучилъ?—слышится за дверями канляющій голосъ, и въ комнату входитъ Петинъ папаша, отставной губернской секретарь Удодовъ.—Опять? почему же ты не выучилъ? Ахъ, ты, свинья, свинья! Вѣрите ли, Егоръ Алексѣичъ? Вѣдь и вчера съ поролъ!

И тяжело вздохнувъ, Удодовъ садится около сына и заглядываетъ въ истрепаннаго Кюнера. Зиберовъ начинаетъ экзаменовать Петю при отцѣ. Пусть глупый отецъ узнаетъ, какъ глупъ его сынъ! Гимназистъ входитъ въ экзаменаторскій азартъ, ненавидитъ, презираетъ маленькаго, краснощекаго тупицу, готовъ побить его. Ему даже досадно дѣлается, когда

мальчуганъ отвѣчаетъ впопадъ—такъ опротивѣль ему этотъ Петя!

— Вы даже второго склоненія не знаете! Не знаете вы и первого! Вотъ вы какъ учитесь! Ну, скажите мнѣ, какъ будетъ звательный падежъ отъ *meus filius*?

— Отъ *meus filius*? *Meus filius* будетъ... это будетъ...

Петя долго глядитъ въ потолокъ, долго шевелитъ губами, но не даетъ отвѣта.

— А какъ будетъ дательный множественнаго отъ *deus*?

— *Deabus... filiabus!*—отчеканиваетъ Петя.

Старикъ Удодовъ одобрительно киваетъ головой. Гимназистъ, не ожидавшій удачнаго отвѣта, чувствуетъ досаду.

— А еще какое существительное имѣетъ въ дательномъ *abus*?—спрашиваетъ онъ.

Оказывается, что и «*anima*—душа» имѣетъ въ дательномъ *abus*, чего нѣтъ въ Кюнерѣ.

— Звучный языкъ латинскій! — замѣчаетъ Удодовъ. — Алон... трон... бонусъ... антропосъ... Премудрость! И все вѣдь это нужно!—говоритъ онъ со вздохомъ.

«Мѣшаетъ, скотина, заниматься...—думаетъ Зиберовъ.— Сидитъ надъ душой тутъ и надзираетъ. Терпѣть не могу контроля!»—Ну-съ,—обращается онъ къ Петѣ. — Къ слѣдующему разу по латыни возьмете то же самое. Теперь по ариеметикѣ... Берите доску. Какая слѣдующая задача?

Петя плюетъ на доску и стираетъ рукавомъ. Учитель беретъ задачникъ и диктуетъ:

— «Купецъ купилъ 138 арш. чернаго и синяго сукна за 540 руб. Спрашивается, сколько аршинъ купилъ онъ того и другого, если синее стоило 5 руб. за аршинъ, а черное 3 руб.?» Повторите задачу.

Петя повторяетъ задачу и тотчасъ же, ни слова не говоря, начинаетъ дѣлать 540 на 138.

— Для чего же это вы дѣлите? Пойдите! Впрочемъ, такъ... продолжайте. Остатокъ получается? Здѣсь не можетъ быть остатка. Дайте-ка я раздѣлю!

Зиберовъ дѣлитъ, получаетъ 3 съ остаткомъ и быстро стираетъ.

«Странно...—думаетъ онъ, ероша волосы и краснѣя.—Какъ же она рѣшается? Гм!.. Это задача на неопредѣленные уравненія, а вовсе не ариеметическая»...

Учитель глядитъ въ отвѣты и видитъ 75 и 63.

«Гм!.. странно... Сложить 5 и 3, а потомъ дѣлить 540 на 8? Такъ, что ли? Нѣтъ, не то».

— Рѣшайте же!—говоритъ онъ Петѣ.

— Ну, чего думаешь? Задача-то вѣдь пустяковая!—говоритъ Удодовъ Петѣ.—Экій ты дуракъ, братецъ! Рѣшите ужъ вы ему, Егоръ Алексѣичъ.

Егоръ Алексѣичъ беретъ въ руки грифель и начинаетъ рѣшать. Онъ заикается, краснѣетъ, блѣднѣетъ.

— Эта задача, собственно говоря, алгебраическая,—говоритъ онъ.—Ее съ иксомъ и игрѣкомъ рѣшить можно. Впрочемъ, можно и такъ рѣшить. Я, вотъ, раздѣлилъ... понимаете? Теперь, вотъ, надо вычесть... понимаете? Или, вотъ что... Рѣшите мнѣ эту задачу сами къ завтраму... Подумайте...

Петя ехидно улыбается. Удодовъ тоже улыбается. Оба они понимаютъ замѣшательство учителя. Ученикъ VII класса еще пуще конфузится, встаетъ и начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ.

— И безъ алгебры рѣшить можно,—говоритъ Удодовъ, протягивая руку къ счетамъ и вздыхая.—Вотъ, извольте видѣть...

Онъ щелкаетъ на счетахъ, и у него получается 75 и 63, что и нужно было.

— Вотъ-съ... по-нашему, по-неученому.

Учителю становится нестерпимо жутко. Съ замираніемъ сердца поглядываетъ онъ на часы и видитъ, что до конца урока остается еще часъ съ четвертью—цѣлая вѣчность!

— Теперь диктантъ.

Послѣ диктанта—географія, за географіей—Законъ Божій, потомъ русскій языкъ,—много на этомъ свѣтѣ наукъ! Но вотъ, наконецъ, кончается двухчасовой урокъ. Зиберовъ беретъ за шапку, милостиво подаетъ Петѣ руку и прощается съ Удодовымъ.

— Не можете ли вы сегодня дать мнѣ немного денегъ?—проситъ онъ робко.—Завтра мнѣ нужно вносить плату за ученіе. Вы должны мнѣ за шесть мѣсяцевъ.

— Я? Ахъ, да, да...—бормочетъ Удодовъ, не глядя на Зиберова.—Съ удовольствіемъ! Только у меня сейчасъ нѣту, а я вамъ черезъ недѣльку... или черезъ двѣ...

Зиберовъ соглашается и, надѣвъ свои тяжелыя, грязныя калоши, идетъ на другой урокъ.

СИМУЛЯНТЫ.

Генеральша Марѳа Петровна Печонкина, или, какъ ее зовутъ мужики, Печончиха, десять лѣтъ уже практикующая на поприщѣ гомеопатіи, въ одинъ изъ майскихъ вторниковъ принимаетъ у себя въ кабинетѣ больныхъ. Передъ ней на столѣ гомеопатическая аптечка, лѣчебникъ и счеты гомеопатической аптеки. На стѣнѣ въ золотыхъ рамкахъ подъ стекломъ висятъ письма какого-то петербургскаго гомеопата, по мнѣнію Марѳы Петровны, очень знаменитаго и даже великаго, и виситъ портретъ отца Аристарха, которому генеральша обязана своимъ спасеніемъ: отреченіемъ отъ злоуродной аллопатіи и знаніемъ истины. Въ передней сидятъ и ждутъ пациенты, все больше мужики. Всѣ они, кромѣ двухъ-трехъ, босы, такъ какъ генеральша велитъ оставлять воючіе сапоги на дворѣ.

Марѳа Петровна приняла уже десять человѣкъ и вызываетъ одиннадцатаго:

— Гаврила Груздь!

Дверь открывается и, вмѣсто Гаврилы Груздя, въ кабинетъ входитъ Замухришинъ, генеральшинъ сосѣдь, помѣщикъ изъ оскудѣвшихъ, маленькій старичокъ съ кислыми глазками и съ дворянской фуражкой подъ мышкой. Онъ ставитъ палку въ уголъ, подходитъ къ генеральшѣ и, молча, становится передъ ней на одно колѣно.

— Что вы! Что вы, Кузьма Кузьмичъ!—ужасается генеральша, вся вспыхивая.—Бога ради!

— Покуда живъ буду, не встану! — говоритъ Замухришинъ, прижимаясь къ ручкѣ.—Пусть весь народъ видитъ

мое колѣнопреклоненіе, ангель-хранитель нашъ, благодѣтельница рода человѣческаго! Пусть! Которая благодѣтельная фея даровала мнѣ жизнь, указала мнѣ путь истинный и просвѣтила мудрованіе мое скептическое, передъ тою согласенъ стоять не только на колѣняхъ, но и въ огнѣ, цѣлительница наша чудесная, мать сырыхъ и вдовыхъ! Выздоровѣлъ! Воскресъ, волшебница!

— Я... я очень рада...—бормочетъ генеральша, краснѣя отъ удовольствія.—Это такъ пріятно слышать... Садитесь, пожалуйста! А вѣдь вы въ тотъ вторникъ были такъ тяжело больны!

— Да вѣдь какъ болень! Вспомнить страшно!—говорить Замухришинъ, садясь.—Во всѣхъ частяхъ и органахъ ревматизмъ стоялъ. Восемь лѣтъ мучился, покою себѣ не зналъ... Ни днемъ, ни ночью, благодѣтельница моя! Лѣчился я и у докторовъ, и къ профессорамъ въ Казань ѣздилъ, и грязями разными лѣчился, и воды пилъ, и чего только я не перепробовалъ! Состояніе свое пролѣчилъ, матушка-красавица. Доктора эти, кромѣ вреда, ничего мнѣ не принесли. Они болѣзнь мою во внутрь мнѣ вогнали. Вогнать - то вогнали, а выгнать—наука ихняя не дошла... Только деньги любятъ брать, разбойники, а ежели касательно пользы человѣчества, то имъ и горя мало. Пропишетъ какой-нибудь хиромантіи, а ты пей. Душегубцы, однимъ словомъ. Если бы не вы, ангель нашъ, быть бы мнѣ въ могилѣ! Прихожу отъ васъ въ тотъ вторникъ, гляжу на крупинки, что вы дали тогда, и думаю:—«Ну, какой въ нихъ толкъ? Нешто эти песчинки, еле видимыя, могутъ излѣчить мою громадную застарѣлую болѣзнь?» Думаю, маловѣръ, и улыбаюсь, а какъ принялъ крупинку—ментально! словно и болень не былъ, или рукой сняло. Жена глядитъ на меня выпученными глазами и не вѣритъ: — «Да ты ли это, Коля?» — Я, говорю. И стали мы съ ней передъ образомъ на колѣнки, и давай молиться за ангела нашего: «Пошли ты ей, Господи, всего, что мы только чувствуемъ!»

Замухришинъ вытираетъ рукавомъ глаза, поднимается со стула и выказываетъ намѣреніе снова стать на одно колѣно, но генеральша останавливаетъ и усаживаетъ его.

— Не меня благодарите!—говоритъ она, красная отъ волненія и глядя восторженно на портретъ отца Аристарха.— Не меня! Я тутъ только послушное орудіе... Дѣйствительно,

чудеса! Застарѣлый, восьмилѣтній ревматизмъ отъ одной крупинки скрофулозо!

— Изволили вы дать мнѣ три крупинки. Изъ нихъ одну принялъ я въ обѣдъ—и моментально! Другую вечеромъ, а третью на другой день,—и съ той поры хоть бы тебѣ что! Хоть бы кольнуло гдѣ! А вѣдь помирать уже собрался, сыну въ Москву написалъ, чтобъ пріѣхалъ! Умудрилъ васъ Господь, цѣлительница! Теперь вотъ хожу, и словно въ раю... Въ тотъ вторникъ, когда у васъ былъ, хромалъ, а теперь хоть за зайцемъ готовъ... Хоть еще сто лѣтъ жить. Одна только бѣда—недостатки наши. И здоровъ, а для чего здоровье, если жить не на что? Нужда одолѣла пуще болѣзни... Къ примѣру взять хоть бы такое дѣло... Теперь время овесъ сѣять, а какъ его посѣешь, ежели сѣменовъ нѣтъ? Нужно бы купить, а денегъ... извѣстно, какія у насъ деньги...

— Я вамъ дамъ овса, Кузьма Кузьмичъ... Сидите, сидите! Вы такъ меня порадовали, такое удовольствіе мнѣ доставили, что не вы, а я должна васъ благодарить!

— Радость вы наша! Создастъ же Господь такую доброту! Радуйтесь, матушка, на свои добрыя дѣла гляючи! А вотъ намъ, грѣшнымъ, и порадоваться у себя не на что... Люди мы маленькіе, малодушные, бесполезные... мелкота... Одно зваліе только, что дворяне, а въ матеріальномъ смыслѣ тѣ же мужики, даже хуже... Живемъ въ домахъ каменныхъ, а выходитъ одинъ миражъ, потому—крыша течетъ... Не на что тесу купить.

— Я дамъ вамъ тесу, Кузьма Кузьмичъ.

Замухришинъ выпрашиваетъ еще корову, рекомендательное письмо для дочки, которую намѣренъ везти въ институтъ и... тронутый щедротами генеральши, отъ наплыва чувствъ всхлипываетъ, перекашиваетъ ротъ и лѣзетъ въ карманъ за платкомъ... Генеральша видитъ, какъ вмѣстѣ съ платкомъ изъ кармана его вылѣзаетъ какая-то красная бумажка и безшумно падаетъ на полъ.

— Во вѣки-вѣковъ не забуду...—бормочетъ онъ.—И дѣтямъ закажу помнить, и внукамъ... въ родъ и родъ... Вотъ, дѣти, та, которая спасла меня отъ гроба, которая...

Проводивъ своего паціента, генеральша минуту глазами, полными слезъ, глядитъ на отца Аристарха, потомъ ласкающимъ, благоговѣющимъ взоромъ обводитъ аптечку, лѣчебники, сѣта, кресло, въ которомъ только-что сидѣлъ

спасенный ею отъ смерти человѣкъ, и взоръ ея падаетъ на оброненную пациентомъ бумажку. Генеральша поднимаетъ бумажку, разворачиваетъ ее и видитъ въ ней три крупинки, тѣ самыя крупинки, которыя она дала въ прошлый вторникъ Замухришину.

— Это тѣ самыя...—недоумѣваетъ она.—Даже бумажка та самая... Онъ и не разворачивалъ даже! Что же онъ принималъ въ такомъ случаѣ? Странно... Не станеть же онъ меня обманывать.

И въ душу генеральши, въ первый разъ за всѣ десять лѣтъ практики, западаетъ сомнѣнiе... Она вызываетъ слѣдующихъ больныхъ и, говоря съ ними о болѣзняхъ, замѣчаетъ то, что прежде незамѣтнымъ образомъ проскальзывало мимо ея ушей. Больные, всѣ до одинаго, словно стоворившись, сначала славословятъ ее за чудесное исцѣленiе, восхищаются ея медицинскою мудростью, бранятъ докторовъ-аллопатовъ, потомъ же, когда она становится красной отъ волненiя, приступаютъ къ изложенiю своихъ нуждъ. Одинъ просить землицы для запашки, другой дровецъ, третiй позволениа охотиться въ ея лѣсахъ и т. д. Она глядитъ на широкую, благодущную физиономiю отца Аристарха, открывшаго ей истину, и новая истина начинаетъ сосать ее за душу. Истина не хорошая, тяжелая...

Лукавъ человѣкъ!

ГОСПОДА ОБЫВАТЕЛИ.

(ПЬЕСА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Городская управа. Засѣданіе.

Городской голова (*почавкавъ губами и медленно поковырявъ у себя въ ухѣ*). Въ такомъ разѣ, не угодно ли вамъ будетъ, господа, выслушать мнѣніе брантмейстера Семена Вавилыча, который по этой части специалистъ? Пускай объяснитъ, а тамъ мы разсудимъ!

Брантмейстеръ. Я такъ понимаю... (*сморкается въ клетчатый платокъ*). Десять тысячъ, ассигнованныя на пожарную часть, можетъ-быть, и большія деньги, но... (*вытираетъ лысину*) это одна только видимость. Это не деньги, а мечта, атмосфера. Конечно, и за десять тысячъ можно имѣть пожарную команду, но какую? Одинъ смѣхъ только! Видите ли... Самое важное въ жизни человѣческой, — это каланча, и всякій ученый вамъ это скажетъ. Наша же городская каланча, разсуждая категорически, совсѣмъ не годится, потому что мала. Дома высокіе (*поднимаетъ вверхъ руку*), они кругомъ загораживаютъ каланчу, и не только что пожаръ, но дай Богъ хоть небо увидѣть. Я взыскиваю съ пожарныхъ, но развѣ они виноваты, что имъ не видно? Потомъ въ отношеніи лошадиномъ и въ разсужденіи бочекъ... (*разстеливаетъ жилетку, вздыхаетъ и продолжаетъ рѣчь въ томъ же духѣ*).

Гласные (*единогласно*). Прибавитъ сверхъ смѣты еще двѣ тысячи!

(*Городской голова дѣлаетъ минутный перерывъ для вывода изъ залы засѣданія корреспондента*).

Брантмейстеръ. Хорошо-съ. Теперь, стало-быть, вы разсуждаете, чтобы каланча была возвышена на два аршина... Хорошо. Но ежели взглянуть съ той точки и въ томъ смыслѣ, что тутъ заинтересованы общественные, такъ сказать, государственные интересы, то я долженъ замѣтить, господа гласные, что если за это дѣло возьмется подрядчикъ, то я долженъ вамъ имѣть въ виду, что это обойдется городу вдвое дороже, такъ какъ подрядчикъ будетъ соблюдать тутъ свой интересъ, а не общественный. Если же строить хозяйственнымъ способомъ, не спѣша, то ежели кирпичъ, положимъ, по пятнадцати рублей за тысячу и доставка на пожарныхъ лошадяхъ и ежели *(поднимаетъ глаза къ потолку, какъ бы мысленно считая)* и ежели пятьдесятъ двѣнадцатипятиаршинныхъ бревенъ въ пять вершковъ... *(считаетъ)*.

Гласные *(подавляющимъ большинствомъ голосовъ)*. Поручить ремонтъ каланчи Семену Вавилычу, для каковой цѣли ассигновать на первый разъ тысячу пятьсотъ двадцать три рубля сорокъ четыре копейки!

Брантмейстерша *(сидитъ среди публики и шепчетъ соседкѣ)*. Не знаю, зачѣмъ это мой Сенья беретъ на себя столько хлопотъ! Съ его ли здоровьемъ заниматься постройками? Тоже, это весело — цѣлый день рабочихъ по зубамъ бить! Наживетъ на ремонтъ какой-нибудь пустякъ, рублей пятьсотъ, а здоровья себѣ испортитъ на тысячу. Губить его, дурака, доброта!

Брантмейстеръ. Хорошо-съ. Теперь будемъ говорить о служебномъ персоналѣ. Конечно, я, какъ лицо, можно сказать, заинтересованное *(конфузится)*, могу только замѣтить, что мнѣ... мнѣ все равно... Я человекъ уже не молодой, больной, не сегодня-завтра могу умереть. Докторъ сказалъ, что у меня во внутренностяхъ затвердѣніе и что если я не буду оберегать своего здоровья, то внутри во мнѣ лопнетъ жила и я помру безъ покаянія...

Шопоть въ публикѣ. Собакѣ собачья и смерть

Брантмейстеръ. Но я о себѣ не хлопочу. Пожилъ я, и слава Богу. Ничего мнѣ не нужно... Только мнѣ удивительно и... и даже обидно... *(махаетъ безнадежно рукой)*. Служишь за одно только жалованье, честно, безпорочно... ни днемъ, ни ночью покою, не щадишь здоровья, и... и не знаешь, къ чему все это? Для чего хлопочу? Какой инте-

ресь? Я не про себя разсуждаю, а вообще... Другой не станетъ жить при такомъ иждивеніи... Пьяница пойдетъ на эту должность, а человекъ дѣльный, солидный скорѣй съ голоду помретъ, чѣмъ за такое жалованье станетъ тутъ хлопотать съ лошадьми, да съ пожарными... (*пожавъ плечами*). Какой интересъ? Если бы увидѣли иностранцы, какіе у насъ порядки, то, я думаю, досталось бы намъ на орѣхи во всѣхъ заграничныхъ газетахъ. Въ Западной Европѣ, взять хоть, на примѣръ, Парижъ, на каждой улицѣ по каланчѣ, и брантмейстерамъ каждагодно выдаютъ пособіе въ размѣрѣ годового жалованья. Тамъ можно служить!

Гласные. Выдать Семену Вавилычу въ видѣ единовременнаго пособія за долгодѣтную службу двѣсти рублей!

Брантмейстерша (*шепчетъ сосѣдкѣ*). Это хорошо, что онъ выпросилъ... Умникъ. Намедни мы были у отца протопопа, проиграли у него въ стучолку сто рублей и теперь, знаете ли, такъ жалко! (*зѣваетъ*). Ахъ, такъ жалко! Пора бы ужъ домой идти, чай пить

Дѣйствіе второе.

Сцена у каланчи. Стража.

Часовой на каланчѣ (*кричитъ внизъ*). Эй! На лѣсопильномъ дворѣ горитъ! Бей тревогу!

Часовой внизу. А ты только сейчасъ увидѣлъ? Народъ ужъ полчаса какъ бѣжитъ, а ты, чудакъ, только сейчасъ спохватился? (*глубокомысленно*). Дурака хоть навѣрху поставь, хоть внизу—все равно (*бьетъ тревогу*).

(*Черезъ три минуты въ окнѣ своей квартиры, находящейся противъ каланчи, показывается брантмейстеръ въ дезабилье и съ заспанными глазами*).

Брантмейстеръ. Гдѣ горитъ, Денись?

Часовой внизу (*вытягивается и дѣлаетъ подъ козырекъ*). На лѣсопильномъ дворѣ, вѣшескородіе!

Брантмейстеръ (*покачиваетъ головой*). Упаси Богъ! Вѣтеръ дуетъ, сушь такая... (*машетъ рукой*). И не дай Богъ! Горе да и только съ этими несчастьями!.. (*погладивъ себя по лицу*). Вотъ что, Денись... Скажи имъ, братецъ ты мой, чтобъ запрягали и ѣхали себѣ, а я сейчасъ... немного погоды пріѣду... Одѣться надо, то да се...

Часовой внизу. Да некому ѣхать, вѣшескородіе! Всѣ поуходили, одинъ Андрей дома.

Брантмейстеръ (*испуганно*). Гдѣ же они, мерзавцы?

Часовой внизу. Макаръ новыя подметки ставилъ, теперь сапоги понесъ въ слободку, къ дьякону. Михайлу, ваше высокородіе, вы сами изволили послать овесъ продавать... Егоръ на пожарныхъ лошадяхъ повезъ за рѣку надзира-телеву свояченицу. Никита вышивши.

Брантмейстеръ. А Алексѣй?

Часовой внизу. Алексѣй пошелъ раковъ ловить, потому вы изволили ему давеча приказать, говорили, что завтра у васъ къ обѣду гости будутъ.

Брантмейстеръ (*презрительно покачавъ головой*). Изволь вотъ служить съ такимъ народомъ! Невѣжество, необразованность... пьянство... Если бы увидѣли иностранцы, то досталось бы намъ въ заграничныхъ журналахъ! Тамъ, взять хоть Парижъ, пожарная команда все время скачетъ по улицѣ, народъ давить; есть пожаръ, или нѣтъ, а ты скачи! Тутъ же горитъ лѣсопильный дворъ, опасность, а ихъ никого дома нѣтъ, словно... чортъ ихъ слопалъ! Нѣтъ, далеко намъ до Европы! (*поворачивается лицомъ въ комнату, нѣжно*). Машенька, приготовь мнѣ мундиръ!

ОТЕЦЪ СЕМЕЙСТВА.

Это случается обыкновенно послѣ хорошаго проигрыша или послѣ попойки, когда разыгрывается катаръ. Степанъ Степанычъ Жилинъ просыпается въ необычайно пасмурномъ настроеніи. Видь у него кислый, помятый, разлохмаченный; на сѣромъ лицѣ выраженіе недовольства: не то онъ обидѣлся, не то брезгаетъ чѣмъ-то. Онъ медленно одѣвается, медленно цѣть свое виши и начинаетъ ходить по всѣмъ комнатамъ.

— Желалъ бы я знать, какая с-с-скотина ходитъ здѣсь и не затворяетъ дверей?—ворчитъ онъ сердито, запахиваясь въ халатъ и громко отплевываясь. — Убрать эту бумагу! Зачѣмъ она здѣсь валяется? Держимъ двадцать прислугъ, а порядка меньше, чѣмъ въ корчмѣ. Кто тамъ звонилъ? Кого принесло?

— Это бабушка Анфиса, что нашего Ѳедю принимала,— отвѣчаетъ жена.

— Шляются тутъ... дармоѣды!

— Тебя не поймешь, Степанъ Степанычъ. Самъ приглашалъ ее, а теперь бранишься.

— Я не бранюсь, а говорю. Занялась бы чѣмъ-нибудь, матушка, чѣмъ сидѣть этакъ, сложа руки, и на споръ лѣзть! Не понимаю этихъ женщинъ, клянусь честью! Не-по-ни-маю! Какъ онѣ могутъ проводить цѣлые дни безъ дѣла? Мужъ работаетъ, трудится, какъ волъ, какъ с-с-скотина, а жена, подруга жизни, сидитъ, какъ цапочка, ничего не дѣлаетъ и ждетъ только случая, какъ бы побраниться отъ скѣки съ мужемъ. Пора, матушка, оставить эти институтскія привычки! Ты теперь уже не институтка, не барышня, а мать, жена! Отворачиваешься? Ага! Неприятно слушать горькія истины?

— Странно, что горькія истины ты говоришь, только когда у тебя печень болитъ.

— Да, начинай сцены, начинай...

— Ты вчера былъ за городомъ? Или игралъ у кого-нибудь?

— А хотя бы и такъ? Кому какое дѣло? Развѣ я обязанъ отдавать кому-нибудь отчетъ? Развѣ я проигрываю не свои деньги? То, что я самъ трачу, и то, что тратится въ этомъ домѣ, принадлежитъ мнѣ! Слышите ли? Мнѣ!

И такъ далѣе, все въ такомъ родѣ. Но ни въ какое другое время Степанъ Степанычъ не бываетъ такъ разсудителенъ, добродѣтеленъ, строгъ и справедливъ, какъ за обѣдомъ, когда около него сидятъ всѣ его домочадцы. Начинается обыкновенно съ супа. Проглотивъ первую ложку, Жилинъ вдругъ морщится и перестаетъ ѣсть.

— Чортъ знаетъ что... — бормочетъ онъ. — Придется, должно-быть, въ трактирѣ обѣдать.

— А что?—тревожится жена.—Развѣ супъ не хорошъ?

— Не знаю, какой нужно имѣть свинскій вкусъ, чтобы ѣсть эту бурду! Пересоленъ, тряпкой воияетъ... клопы какіе-то вмѣсто лука... Просто возмутительно, Анфиса Ивановна!—обращается онъ къ гостѣ-бабушкѣ.—Каждый день даешь прорву денегъ на провизію... во всемъ себѣ отказываешь, и вотъ тебя чѣмъ кормятъ! Они, вѣроятно, хотятъ, чтобы я оставилъ службу и самъ пошелъ въ кухню стряпать.

— Супъ сегодня хорошъ... — робко замѣчаетъ гувернантка.

— Да? Вы находите? — говоритъ Жилинъ, сердито шурясь на нее. — Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ. Вообще, надо сознаться, мы съ вами сильно расходимся во вкусахъ, Варвара Васильевна. Вамъ, напримѣръ, нравится поведеніе этого мальчишки (Жилинъ трагическимъ жестомъ указываетъ на своего сына Оеда), вы въ восторгѣ отъ него, а я... я возмущаюсь. Да-съ!

Оеда, семилѣтній мальчикъ съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, перестаетъ ѣсть и опускаетъ глаза. Лицо его еще больше блѣднѣетъ.

— Да-съ, вы въ восторгѣ, а я возмущаюсь... Кто изъ насъ правъ, не знаю, но смѣю думать, что я, какъ отецъ, лучше знаю своего сына, чѣмъ вы. Поглядите, какъ онъ сидитъ! Развѣ такъ сидятъ воспитанныя дѣти? Сядь хорошенько!

Оеда поднимаетъ вверхъ подбородокъ и вытягиваетъ

шею, и ему кажется, что онъ сидитъ ровнѣе. На глазахъ у него навертываются слезы.

— Ышь! Держи ложку какъ слѣдуетъ! Погоди, доберусь я до тебя, скверный мальчишка! Не смѣй плакать! Гляди на меня прямо!

Өдя старается глядѣть прямо, но лицо его дрожить и глаза переполняются слезами.

— А-а-а... ты плакать? Ты виноватъ, ты же и плачешь? Пошелъ, стань въ уголь, скотина!

— Но... пусть онъ сначала пообѣдаетъ!—вступается жена.

— Безъ обѣда! Такіе мерз... такіе шалуны не имѣютъ права обѣдать!

Өдя, кривя лицо и подергивая всѣмъ тѣломъ, сползаетъ со стула и идетъ въ уголь.

— Не то еще тебѣ будетъ! — продолжаетъ родитель.— Если никто не желаетъ заняться твоимъ воспитаніемъ, то, такъ и быть, начну я... У меня, братъ, не будешь шалить да плакать за обѣдомъ! Волванъ! Дѣло нужно дѣлать! Понимаешь? Дѣло дѣлать! Отецъ твой работаетъ, и ты работай! Никто не долженъ даромъ ѣсть хлѣба! Нужно быть человѣкомъ! Че-ло-вѣ-комъ!

— Перестань, ради Бога!—проситъ жена по-французски.— Хоть при постороннихъ не ѣшь насъ... Старуха все слышитъ и теперь, благодаря ей, всему городу будетъ извѣстно...

— Я не боюсь постороннихъ, — отвѣчаетъ Жилинъ по-русски.— Анфиса Ивановна видитъ, что я справедливо говорю. Что жъ, по-твоему, я долженъ быть доволенъ этимъ мальчишкой? Ты знаешь, сколько онъ мнѣ стоить? Ты знаешь, мерзкій мальчишка, сколько ты мнѣ стоишь? Или ты думаешь, что я деньги фабрикую, что мнѣ достаются онѣ даромъ? Не ревѣть! Молчать! Да ты слышишь меня, или нѣтъ? Хочешь, чтобъ я тебя, подлеца этакаго, высѣкъ?

Өдя громко взвизгиваетъ и начинаетъ рыдать.

— Это, наконецъ, невыносимо!—говоритъ его мать, вставая изъ-за стола и бросая салфетку.— Никогда не дасть покойно пообѣдать! Вотъ гдѣ у меня твой кусокъ сидитъ!

Она показываетъ на затылокъ и, приложивъ платокъ къ глазамъ, выходитъ изъ столовой.

— Онѣ обидѣлись... — ворчитъ Жилинъ, насильно улыбаясь.— Нѣжно воспитаны... Такъ-то, Анфиса Ивановна, не любятъ нылче слушать правду... Мы же и виноваты!

Проходить нѣсколько минутъ въ молчаніи. Жилинъ обводитъ глазами тарелки и, замѣтивъ, что къ супу еще никто не прикасался, глубоко вздыхаетъ и глядитъ въ упоръ на покраснѣвшее, полное тревоги, лицо гувернантки.

— Что же вы не ѣдите, Варвара Васильевна? — спрашиваетъ онъ. — Обидѣлись, стало-быть? Такъ-съ... Не нравится правда. Ну, извините-съ, такая у меня натура, не могу лицемѣрить... Всегда рѣжу правду-матку (вздохъ). Однако, я замѣчаю, что присутствіе мое непріятно. При мнѣ не могутъ ни говорить, ни кушать... Что жъ? Скажили бы мнѣ, я бы ушелъ... Я и уйду.

Жилинъ поднимается и съ достоинствомъ идетъ къ двери. Проходя мимо плачущаго Оеда, онъ останавливается.

— Послѣ всего, что здѣсь произошло, вы с-с-свободны! — говоритъ онъ Оедѣ, съ достоинствомъ закидывая назадъ голову. — Я больше въ ваше воспитаніе не вмѣшиваюсь. Умываю руки! Прошу извиненія, что искренно, какъ отецъ, желая вамъ добра, обезпокоилъ васъ и вашихъ руководительницъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разъ навсегда слагаю съ себя отвѣтственность за вашу судьбу...

Оеда взвизгиваетъ и рыдаетъ еще громче. Жилинъ съ достоинствомъ поворачиваетъ къ двери и уходитъ къ себѣ въ спальную.

Выспавшись послѣ обѣда, Жилинъ начинаетъ чувствовать угрызенія совѣсти. Ему совѣстно жены, сына, Анфисы Ивановны и даже становится невыносимо жутко при воспоминаніи о томъ, что было за обѣдомъ, но самолюбіе слишкомъ велико, не хватаетъ мужества быть искреннимъ, и онъ продолжаетъ дуться и ворчать...

Проснувшись на другой день утромъ, онъ чувствуетъ себя въ отличномъ настроеніи и, умываясь, весело посвистываетъ. Придя въ столовую пить кофе, онъ застаётъ тамъ Оеда, который при видѣ отца поднимается и глядитъ на него растерянно.

— Ну, что, молодой человѣкъ? — спрашиваетъ весело Жилинъ, садясь за столъ. — Что у васъ новаго, молодой человѣкъ? Живешь? Ну, иди, бутузъ, поцѣлуй своего отца.

Оеда, блѣдный, съ серьезнымъ лицомъ, подходитъ къ отцу и касается дрожащими губами его щеки, потомъ отходитъ и молча садится на свое мѣсто.

НЕУДАЧА.

Илья Сергѣичъ Пепловъ и жена его Клеопатра Петровна стояли у двери и жадно подслушивали. За дверью, въ маленькой залѣ, происходило, повидимому, объясненіе въ любви; объяснялись ихъ дочь Наташенька и учитель уѣзднаго училища Щупкинъ.

— Ключеть!—шептала Пепловъ, дрожа отъ нетерпѣнія и потирая руки.—Смотри же, Петровна, какъ только заговорятъ о чувствахъ, тотчасъ же снимай со стѣны образъ и идемъ благословлять... Накроемъ... Благословеніе образомъ свято и непорушимо... Не отвертится тогда, пусть хоть въ судъ подастъ.

А за дверью происходилъ такой разговоръ:

— Оставьте вашъ характеръ, — говорилъ Щупкинъ, зажигая спичку о свои клѣтчатыя брюки. — Всего я не писалъ вамъ писемъ!

— Ну, да! Будто я не знаю вашего почерка!— хохотала дѣвица, манерно взвизгивая и то и дѣло поглядывая на себя въ зеркало.—Я сразу узнала! И какіе вы странные! Учитель чистописанія, а почеркъ какъ у курицы! Какъ же вы учите писать, если сами плохо пишете?

— Гм!.. Это ничего не значитъ-сь. Въ чистописаніи главное не почеркъ, главное, чтобъ ученики не забывались. Кого линейкой по головѣ ударишь, кого на колѣни... Да что почеркъ! Пустое дѣло! Некрасовъ писатель былъ, а совѣстно глядѣть, какъ онъ писалъ. Въ собраніи сочиненій показанъ его почеркъ.

— То Некрасовъ, а то вы... (вздохъ). Я за писателя съ удовольствіемъ бы пошла. Онъ постоянно бы мнѣ стихи на память писалъ!

— Стихи и я могу написать вамъ, ежели желаете.

— О чемъ же вы писать можете?

— О любви... о чувствахъ... о вашихъ глазахъ... Прочтите — очумѣете... Слеза прошибетъ! А ежели я напишу вамъ поэтическіе стихи, то дадите тогда ручку поцѣловать?

— Велика важность!.. Да хоть сейчасъ цѣлуйте!

Щупкинъ вскочилъ и, выпучивъ глаза, припалъ къ пухлой, пахнушей яичнымъ мыломъ ручкѣ.

— Снимай образъ. — заторопился Пепловъ, толкнувъ локтемъ свою жену, блѣднѣя отъ волненія и застегиваясь. — Идемъ! Ну!

И не медя ни секунды, Пепловъ распахнулъ дверь.

— Дѣти...—забормоталъ онъ, воздвѣвая руки и слезливо мигая глазами. — Господь васъ благословить, дѣти мои... Живите... плодитесь... размножайтесь...

— И... и я благословляю...—проговорила мамаша, плача отъ счастья.—Вудьте счастливы, дорогие! О, вы отнимаете у меня единственное сокровище!—обратилась она къ Щупкину.—Любите же мою дочь, жалѣйте ее...

Щупкинъ разинулъ ротъ отъ изумленія и испуга. Приступъ родителей былъ такъ внезапенъ и смѣлъ, что онъ не могъ выговорить ни одного слова.

«Попался! Окрутили!—подумалъ онъ, мѣя отъ ужаса.— Крышка теперь тебѣ, братъ! Не выскочишь!»

И онъ покорно подставилъ свою голову, какъ бы желая сказать: «Берите, я побѣжден!»

— Бла... благословляю...—продолжалъ пананна и тоже заплакалъ. — Наташенька, дочь моя... становись рядомъ... Петровна, давай образъ...

Но тутъ родитель вдругъ пересталъ плакать, и лицо у него перекосило отъ гнѣва.

— Тумба! — сердито сказалъ онъ женѣ. — Голова твоя глупая! Да нешто это образъ?

— Ахъ, батюшки-свѣты!

Что случилось? Учитель чистописанія несмѣло поднялъ глаза и увидѣлъ, что онъ спасенъ: мамаша виопыхахъ сняла со стѣны, вмѣсто образа, портретъ писателя Лажечникова. Старикъ Пепловъ и его супруга Клеопатра Петровна, съ портретомъ въ рукахъ, стояли сконфуженные, не зная, что имъ дѣлать и что говорить. Учитель чистописанія воспользовался смятеніемъ и бѣжалъ.

ЭКЗАМЕНЪ НА ЧИНЪ.

— Учитель географіи Галкинъ на меня злобу имѣть и, вѣрьте-съ, я у него не выдержу сегодня экзамена,— говорилъ, нервно потирая руки и потѣя, пріемщикъ X-го почтоваго отдѣленія Ефимъ Захарычъ Фендриковъ, сѣдой, бородастый человѣкъ съ почтенной лысиной и солиднымъ животомъ.— Не выдержу... Это какъ Богъ святъ... А злится онъ на меня совѣмъ изъ-за пустяковъ-съ. Приходитъ ко мнѣ однажды съ заказнымъ письмомъ и сквозь всю публику лѣзетъ, чтобъ я, видите ли, принялъ сперва его письмо, а потомъ ужъ прочія. Это не годится... Хоть онъ и образованнаго класса, а все-таки соблюдай порядокъ и жди. Я ему сдѣлалъ приличное замѣчаніе. «Дожидайтесь, говорю, очереди, милостивый государь». Онъ вспыхнулъ, и съ той поры возстаетъ на меня, аки Саулъ. Сыниникъ моему Егорушкѣ единицы выводитъ, а про меня разныя названія по городу распускаетъ. Иду я однажды-съ мимо трактира Кухтина, а онъ высунулся съ бильярднымъ кіемъ изъ окна и кричитъ въ пьяномъ видѣ на всю площадь:— «Господа, поглядите: марка, бывшая въ употребленіи, идетъ!»

Учитель русскаго языка Пивомедовъ, стоявшій въ передней X-го уѣзднаго училища вмѣстѣ съ Фендриковымъ и снисходительно курившій его паширосу, пожалъ плечами и успокоилъ:

— Не волнуйтесь. У насъ и примѣра не было, чтобъ вашего брата на экзаменахъ рѣзали. Проформа!

Фендриковъ успокоился, но не надолго. Черезъ переднюю прешель Галкинъ, молодой человѣкъ съ жидкой, словно оборванной, бородкой, въ парусиновыхъ брюкахъ и но-

вомъ синемъ фракѣ. Онъ строго посмотрѣлъ на Фендрикова и прошелъ дальше.

Затѣмъ разнесся слухъ, что инспекторъ ѣдетъ. Фендриковъ похолодѣлъ и сталъ ждать съ тѣмъ страхомъ, который такъ хорошо извѣстенъ всѣмъ подсудимымъ и экзаменуемымъ впервые. Черезъ переднюю пробѣжалъ на улицу штатный смотритель уѣзднаго училища Хамовъ. За нимъ слѣшилъ навстрѣчу къ инспектору законоучитель Зміежаловъ въ камилавкѣ и съ наперснымъ крестомъ. Туда же стремились и прочіе учителя. Инспекторъ народныхъ училищъ Ахатовъ громко поздоровался, выразилъ свое неудовольствіе на пылъ и вошелъ въ училище. Черезъ пять минутъ приступили къ экзаменамъ.

Проэкзаменовали двухъ поповичей на сельскаго учителя. Одинъ выдержалъ, другой же не выдержалъ. Провалившійся высморкался въ красный платокъ, постоялъ немного, подумалъ и ушелъ. Проэкзаменовали двухъ вольноопредѣляющихся третьяго разряда. Послѣ этого пробилъ часъ Фендрикова...

— Вы гдѣ служите?—обратился къ нему инспекторъ.

— Пріемщикомъ въ здѣшнемъ почтовомъ отдѣленіи, ваше высокородіе, — проговорилъ онъ, выпрямляясь и стараясь скрыть отъ публики дрожаніе своихъ рукъ. — Прослужилъ двадцать одинъ годъ, ваше высокородіе, а нынѣ потребованы свѣдѣнія для представленія меня къ чину коллежскаго регистратора, для чего и осмѣливаюсь подвергнуться испытанію на первый классный чинъ.

— Такъ-съ... Напишите диктантъ.

Пивомедовъ поднялся, кашлянулъ и началъ диктовать густымъ, пронзительнымъ басомъ, стараясь уловить экзаменующагося на словахъ, которыя пишутся не такъ, какъ выговариваются: «хараша халодная вада, когда хочица пить» и проч.

Но какъ ни изошрялся хитроумный Пивомедовъ, диктантъ удался. Будущій коллежскій регистраторъ сдѣлалъ немного ошибокъ, хотя и напиралъ больше на красоту буквъ, чѣмъ на грамматику. Въ словѣ «чрезвычайно» онъ написалъ два «н», слово «лучше» написалъ «лутше», а словами «новое поприще» вызвалъ на лицѣ инспектора улыбку, такъ какъ написалъ «новое подприще»; но въдъ все это не грубья ошибки.

— Диктантъ удовлетворителенъ,—сказалъ инспекторъ.

— Осмѣлюсь довести до свѣдѣнія вашего высокородія,—сказалъ подбодренный Фендриковъ, искоса поглядывая на врага своего Галкина:—осмѣлюсь доложить, что геометрію я училъ изъ книги Давыдова, отчасти же обучался ей у племянника Варсонофія, пріѣзжавшаго на каникулахъ изъ Троице-Сергіевской, Виванской тожъ, семинаріи. И планиметрію училъ, и стереометрію... все какъ есть...

— Стереометрії по программѣ не полагается.

— Не полагается? А я мѣсяць надъ ней сидѣлъ... Этакая жалость!—вздыхнулъ Фендриковъ.

— Но оставимъ пока геометрію. Обратимся къ наукѣ, которую вы, какъ чиновникъ почтоваго вѣдомства, вѣроятно, любите. Географія—наука почтальоновъ.

Всѣ учителя почтительно улыбнулись. Фендриковъ былъ не согласенъ съ тѣмъ, что географія есть наука почтальоновъ (объ этомъ нигдѣ не было написано: ни въ почтовыхъ правилахъ, ни въ приказахъ по округу), но изъ почтительности сказалъ: — «Точно такъ». Онъ нервно кашлянулъ и съ ужасомъ сталъ ждать вопросовъ. Его врагъ Галкинъ откинулся на спинку стула и, не глядя на него, спросилъ протяжно:

— Э... скажите мнѣ, какое правленіе въ Турціи?

— Извѣстно какое... турецкое...

— Гм!.. турецкое... Это понятіе растяжимое. Тамъ правленіе конституціонное. А какіе вы знаете притоки Ганга?

— Я географію Смирнова училъ и, извините, не отчетливо выучилъ... Гангъ, это которая рѣка въ Индіи текеть... рѣка эта текеть въ океанъ.

— Я васъ не про это спрашиваю. Какіе притоки имѣеть Гангъ? Не знаете? А гдѣ течеть Араксъ? И этого не знаете? Странно... Какой губерніи Житомиръ?

— Трактъ 18, мѣсто 121.

На лбу у Фендрикова выступилъ холодный потъ. Онъ заморгалъ глазами и сдѣлалъ такое глотательное движеніе, что показалось, будто онъ проглотилъ свой языкъ.

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ, ваше высокородіе,—забормоталъ онъ.—Даже отецъ протоіерей могутъ подтвердить... Двадцать одинъ годъ прослужилъ и теперь это самое, которое... Вѣкъ буду Бога молить...

— Хорошо, оставимъ географію. Чтѣ вы изъ ариеметики пригетовили?

— И ариеметику не отчетливо... Даже отецъ протоіерей могутъ подтвердить... Вѣкъ буду Бога молить... Съ сагаа Покрова учусь, учусь и... ничего толку... Постарѣлъ для умственности... Будьте столь милостивы, ваше высокородіе, заставьте вѣчно Бога молить.

На рѣсницахъ у Фендрикова повисли слезы.

— Прослужилъ честно и безпорочно... Говѣю ежегодно... Даже отецъ протоіерей могутъ подтвердить... Будьте великодушны, ваше высокородіе.

— Ничего не пригетовили?

— Все пригетовилъ-съ, но ничего не помню-съ... Скоро шестьдесятъ стукнетъ, ваше высокородіе, гдѣ ужъ тутъ за науками угеваться? Сдѣлайте милость!

— Ужъ и шапку съ кокардой себѣ заказалъ...—сказалъ протоіерей Зміежаловъ и усмѣхнулся.

— Хорошо, ступайте!—сказалъ инспекторъ.

Черезъ полчаса Фендриковъ шелъ съ учителями въ трактиръ Кухтина пить чай и торжествовалъ. Лицо у него сіяло, въ глазахъ свѣтилось счастье, но ежеминутное почесываніе затылка показывало, что его терзала какая-то мысль.

— Экая жалость!—бормоталъ онъ.—Вѣдь этакая, скажи на милость, глупость съ моей стороны!

— Да чтѣ такое?—спросилъ Пивомедовъ.

— Зачѣмъ я стереометрію училъ, ежели ея въ программѣ нѣтъ? Вѣдь цѣлый мѣсяць надъ ней, подлой, сидѣлъ. Этакая жалость!

СЧАСТЛИВЧИКЪ.

Со станціи «Бологое», Николаевской желѣзной дороги, трогается пассажирскій поѣздъ. Въ одномъ изъ вагоновъ второго класса «для курящихъ», окутанные вагонными сумерками, дремлютъ человѣкъ пять пассажировъ. Они только-что закусили и теперь, прикорнувъ къ спинкамъ дивановъ, стараются уснуть. Тишина.

Отворяется дверь, и въ вагонъ входитъ высокая, палкообразная фигура въ рыжей шляпѣ и въ щегольскомъ пальто, сильно напоминающая опереточныхъ и жюль-верновскихъ корреспондентовъ.

Фигура останавливается посреди вагона, сопить и долго шурить глаза на диваны.

— Нѣтъ, и это не тотъ!—бормочетъ она.—Чортъ знаетъ, что такое! Это просто возмутительно! Нѣтъ, не тотъ!

Одинъ изъ пассажировъ всматривается въ фигуру и издаетъ радостный крикъ:

— Иванъ Алексѣевичъ! Какими судьбами? Это вы?

Палкообразный Иванъ Алексѣевичъ вздрагиваетъ, тупо глядитъ на пассажира и, узнавъ его, весело всплескиваетъ руками.

— Га! Петръ Петровичъ! — говоритъ онъ. — Сколько зимъ, сколько лѣтъ! А я и не зналъ, что вы въ этомъ поѣздѣ ѣдете.

— Живы здоровы?

— Ничего себѣ, только вотъ, батенька, вагонъ свой потерялъ и никакъ теперь его не найду, этакая я идиотина! Пороть меня некому!

Палкообразный Иванъ Алексѣевичъ покачивается и хихикаетъ.

— Бываютъ же такіе случаи!—продолжаетъ онъ.—Вышелъ я послѣ второго звонка коньяку выпить. Выпилъ, конечно. Ну, думаю, такъ какъ станція слѣдующая еще

далеко, то не выпить ли и другую рюмку. Пока я думалъ и пилъ, тутъ третій звонокъ... я, какъ сумасшедшій, бѣгу и вскакиваю въ первый попавшійся вагонъ. Ну, не идиотина ли я? Не курицынъ ли сынъ?

— А вы, замѣтно, въ веселомъ настроеніи, — говоритъ Петръ Петровичъ.—Подсаживайтесь-ка! Честь и мѣсто!

— Ни-ни... пойду свой вагонъ искать! Прощайте!

— Въ потемкахъ вы, чего добраго, съ площадки свалились. Садитесь, а когда подѣдемъ къ станціи, вы и найдете свой вагонъ. Садитесь!

— Иванъ Алексѣевичъ вздыхаетъ и нерѣшительно садится противъ Петра Петровича. Онъ, видимо, возбужденъ и двигается, какъ на иголкахъ.

— Куда ѣдете?—спрашиваетъ Петръ Петровичъ.

— Я? Въ пространство. Такое у меня въ головѣ столпотвореніе, что я и самъ не разберу, куда я ѣду. Везетъ судьба, ну и ѣду. Ха-ха... Голубчикъ, видали ли вы когда-нибудь счастливыхъ дураковъ? Нѣтъ? Такъ вотъ глядите! Передъ вами счастливѣйшій изъ смертныхъ! Да-съ! Ничего по моему лицу не замѣтно?

— То-есть замѣтно, что... вы того... чуточку.

— Должно-быть, у меня теперь ужасно глупое лицо! Эхъ, жалко, зеркала нѣтъ, поглядѣлъ бы на свою мордолизацію! Чувствую, батенька, что идиотомъ становлюсь. Честное слово! Ха-ха... Я, можете себѣ представить, брачное путешествіе совершаю. Ну, не курицынъ ли сынъ?

— Вы? Развѣ вы женились?

— Сегодня, милѣйшій! Повѣнчался и прямо на поѣздъ.

Начинаются поздравленія и обычные вопросы.

— Ишь ты... — смѣется Петръ Петровичъ. — То-то вы франтомъ такимъ разрядились.

— Да-съ... Для полной иллюзии даже духами попрыскался. По уши ушелъ въ суету! Ни заботъ, ни мыслей, а одно только ощущеніе чего-то этакого... чортъ его знаетъ, какъ его и назвать... благодущія, что ли? Отродясь еще такъ себя великолѣпно не чувствовал!

Иванъ Алексѣевичъ закрываетъ глаза и крутитъ головой.

— Возмутительно счастливъ! — говоритъ онъ. — Да вы сами посудите. Пойду я сейчасъ въ свой вагонъ. Тамъ, на диванчикѣ, около окошка сидитъ существо, которое, такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ предано вамъ.

Этакая блондиночка съ носикомъ... съ пальчиками... Душечка моя! Ангелъ ты мой! Пупырчикъ ты этакій! Филосера души моей! А ножка! Господи! Ножка вѣдь не то, что вотъ наши пожищи, а что-то этакое миниатюрное, волшебное... аллегорическое! Взялъ бы, да такъ и съѣлъ эту ножку! Э, да вы ничего не понимаете! Вѣдь вы матеріалистъ, сейчасъ у васъ анализъ, то да сѣ! Сухіе холостяки, и больше ничего! Вотъ когда женитесь, то вспомните! Гдѣ-то теперь, скажете, Иванъ Алексѣвичъ? Да-съ, такъ вотъ пойду я сейчасъ въ свой вагонъ. Тамъ ужъ меня съ нетерпѣніемъ ждуть... предвкушаютъ мое появленіе. Навстрѣчу мнѣ улыбка. Я подсаживаюсь и этакъ двумя пальчиками за подбородочекъ...

Иванъ Алексѣвичъ крутитъ головой и закатывается счастливымъ смѣхомъ.

— Потомъ кладешь свою башку ей на плечико и обхватываешь рукой талию. Кругомъ, знаете ли, тишина... поэтический полумракъ. Весь бы міръ обнялъ въ эти минуты. Петръ Петровичъ, позвольте мнѣ васъ обнять!

— Сдѣлайте одолженіе.

Пріятели при дружномъ смѣхѣ пассажировъ обнимаются, и счастливый новобрачный продолжаетъ:

— А для бѣльшаго идиотства или, какъ тамъ въ романахъ говорятъ, для бѣльшей иллюзи, пойдешь къ буфету и опрокидонтомъ рюмочки двѣ-три. Тутъ ужъ въ головѣ и въ груди происходитъ что-то, чего и въ сказкахъ не вычитаешь. Человѣкъ я маленькій, ничтожный, а кажется мнѣ, что и границъ у меня нѣтъ... Весь свѣтъ собой обхватываю!

Пассажиры, глядя на пьяненькаго, счастливаго новобрачнаго, заражаются его весельемъ и ужъ не чувствуютъ дремоты. вмѣсто одного слушателя, около Ивана Алексѣвича скоро появляется ужъ пять. Онъ вертится, какъ на иголкахъ, брызжетъ, машетъ руками и болтаетъ безъ умолку. Онъ хохочетъ и всѣ хохочуть.

— Главное, господа, поменьше думать! Къ чорту всѣ эти анализы... Хочется вышить, ну и пей, а нечего тамъ философствовать, вредно это или полезно... Всѣ эти философіи и психологіи къ чорту!

Черезъ вагонъ проходитъ кондукторъ.

— Милый человѣкъ, — обращается къ нему новобрач-

ный: — какъ будете проходить черезъ вагонъ № 209, то найдите тамъ даму въ сѣрой шляпкѣ съ бѣлой птицей и скажите ей, что я здѣсь!

— Слушаю. Только въ этомъ поѣздѣ нѣтъ 209 №. Есть 219!

— Ну, 219! Все равно! Такъ и скажите этой дамѣ: мужъ цѣль и невредимъ!

Иванъ Алексѣевичъ хватается вдругъ себя за голову и стонетъ:

— Мужъ... Дама... Давно ли это? Мужъ... Ха-ха... Пороть тебя нужно, а ты мужъ! Ахъ, идиотина! Но она! Вчера еще была дѣвочкой... козявочкой... Просто не вѣрится!

— Въ наше время даже какъ-то странно видѣть счастливаго человѣка,—говорить одинъ изъ пассажировъ.—Скорѣй бѣлаго слона увидишь.

— Да, а кто виноватъ?—говорить Иванъ Алексѣевичъ, протягивая свои длинныя ноги съ очень острыми носками.— Если вы не бываете счастливы, то сами виноваты! Да-съ, а вы какъ думали? Человѣкъ есть самъ творецъ своего собственнаго счастья. Захотите, и вы будете счастливы, но вы вѣдь не хотите. Вы упрямо уклоняетесь отъ счастья!

— Вотъ-те на! Какимъ образомъ?

— Очень просто!.. Природа постановила, чтобы человѣкъ въ извѣстный періодъ своей жизни любилъ. Насталъ этотъ періодъ, ну и люби во всѣ лопатки, а вы вѣдь не слушаетесь природы, все чего-то ждете. Далѣе... Въ законѣ сказано, что нормальный индивидуумъ долженъ вступить въ бракъ... Безъ брака счастья нѣтъ. Приспѣло время благопріятное, ну и женись, нечего канителить... Но вѣдь вы не женитесь, все чего-то ждете! Засимъ въ Писаніи сказано, что вино веселитъ сердце человѣческое... Если тебѣ хорошо и хочется, чтобы еще лучше было, то, стало-быть, иди въ буфетъ и выпей. Главное—не мудрствовать, а жарить по шаблону! Шабля въ великое дѣло!

— Вы говорите, что человѣкъ творецъ своего счастья. Какой къ чорту онъ творецъ, если достаточно большого зуба или злой тещи, чтобы счастье его полетѣло вверхъ тормашкой? Все зависитъ отъ случая. Случись сейчасъ съ нами кукуевская катастрофа, вы другое бы запѣли...

— Чепуха! — протестуетъ новобрачный. — Катастрофы бываютъ только разъ въ годъ. Никакихъ случаевъ я не

боюсь, потому что нѣтъ предлога случаться этимъ случаямъ. Рѣдки случаи! Ну ихъ къ чорту! И говорить даже о нихъ не хочу! Ну, мы, кажется, къ полустанку подъѣзжаемъ.

— Вы теперь куда ѣдете?—спрашиваетъ Петръ Петровичъ.—Въ Москву, или куда-нибудь южнѣе?

— Здравствуйте! Какъ же это я, ѣдучи на сѣверъ, попаду куда-нибудь южнѣе?

— Но вѣдь Москва не на сѣверѣ.

— Знаю, но вѣдь мы сейчасъ ѣдемъ въ Петербургъ!—говоритъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Въ Москву мы ѣдемъ, помилосердствуйте!

— То-есть, какъ же въ Москву? — изумляется новобрачный.

— Странно... Вы куда билетъ взяли?

— Въ Петербургъ.

— Въ такомъ случаѣ поздравляю. Вы не на тотъ поѣздъ попали.

Проходитъ полминуты молчанія. Новобрачный поднимается и тупо обводитъ глазами компанію.

— Да, да,—поясняетъ Петръ Петровичъ.—Въ «Бологомъ» вы не въ тотъ поѣздъ вскочили... Васъ, значить, угораздило послѣ коньяку во встрѣчный поѣздъ попасть.

Иванъ Алексѣевичъ блѣднѣетъ, хватается себя за голову и начинаетъ быстро шагать по вагону.

— Ахъ, я идиотина! — негодуетъ онъ. — Ахъ, я подлецъ, чтобы меня черти съѣли! Ну, что я теперь буду дѣлать? Вѣдь въ томъ поѣздѣ жена! Она тамъ одна, ждетъ, томится! Ахъ, я шутъ гороховый!

Новобрачный падаетъ на диванъ и ежится, точно ему наступили на мозоль.

— Несчастный я человѣкъ! — стонетъ онъ. — Что же я буду дѣлать? Что?

— Ну, ну...—утѣшаютъ его пассажиры.—Пустяки... Вы телеграфируйте вашей женѣ, а сами постарайтесь съѣсть по пути въ курьерскій поѣздъ. Такимъ образомъ вы ее догоните.

— Курьерскій поѣздъ!—плачетъ новобрачный, «творецъ своего счастья». — А гдѣ я денегъ возьму на курьерскій поѣздъ? Всѣ мои деньги у жены!

Пошептавшись, смѣющіеся пассажиры дѣлаютъ складчину и снабжаютъ счастливица деньгами.

СРЕДСТВО ОТЪ ЗАПОЯ.

Въ городъ Д., въ отдѣльномъ купе перваго класса, прибылъ на гастроли извѣстный чтець и комикъ г. Фениксовъ-Дикобразовъ 2-й. Всѣ, встрѣчавшіе его на вокзалѣ, знали, что билетъ перваго класса былъ купленъ «для форса» лишь на предпоследней станціи, а до тѣхъ поръ знаменитость ѣхала въ третьемъ; всѣ видѣли, что, несмотря на холодное, осеннее время, на знаменитости были только лѣтняя крылатка да ветхая котиковая шапочка, но тѣмъ не менѣе, когда изъ вагона показалась сизая, заспанная фізіономія Дикобразова 2-го, всѣ почувствовали нѣкоторый трепеть и жажду познакомиться. Антрепренеръ Почечуевъ, по русскому обычаю, троекратно облобызалъ пріѣзжаго и повезъ его къ себѣ на квартиру.

Знаменитость должна была начать играть дня черезъ два послѣ пріѣзда, но судьба рѣшила иначе; за день до спектакля въ кассу театра вбѣжалъ блѣдный, взъерошенный антрепренеръ и сообщилъ, что Дикобразовъ 2-й играть не можетъ.

— Не можетъ! — объявилъ Почечуевъ, хватая себя за волосы. — Какъ вамъ это покажется? Мѣсяць, цѣлый мѣсяць печатали аршинными буквами, что у насъ будетъ Дикобразовъ, хвастали, ломались, забрали абонементныя денги, и вдругъ этакая подлость! А? Да за это повѣсить мало!

— Но въ чемъ дѣло? Что случилось?

— Запилъ проклятый!

— Экая важность! Проспится.

— Скорѣй издохнетъ, чѣмъ проспится! Я его еще съ

Москвы знаю: какъ начнетъ водку лопать, такъ потомъ мѣсяца два безъ просыпа. Запой! Это запой! Нѣтъ, счастье мое такое! И за что я такой несчастный! И въ кого я, окаянный, такимъ несчастнымъ уродился! За что... за что надъ моей головой всю жизнь виситъ проклятіе неба? (Почечуевъ трагикъ и по профессіи, и по натурѣ: сильныя выраженія, сопровождаемыя біеніемъ по груди кулаками, ему очень къ лицу). И какъ я гнусень, подлъ и презрѣнень, рабски подставляя голову подъ удары судьбы! Не достойнѣ ли разъ навсегда покончить съ постыдной ролью Макара, на котораго всѣ шишки валяются, и пустить себѣ пулю въ лобъ? Чего же жду я? Боже, чего я жду?

Почечуевъ закрылъ ладонями лицо и отвернулся къ окну. Въ кассѣ, кромѣ кассира, присутствовало много актеровъ и театраловъ, а потому дѣло не стало за совѣтами, утѣшеніями и обнадеживаніями; но все это имѣло характеръ философскій или пророческій; дальше «суеты суеть», «наплюйте» и «авось» никто не пошелъ. Одинъ только кассиръ, толстенькій, водяночный человѣкъ, отнесся къ дѣлу посущественнѣй.

— А вы, Прокль Львовичъ,—сказалъ онъ:—попробуйте полѣчить его.

— Запой никакимъ чортомъ не вылѣчишь!

— Не говорите-съ. Нашъ парикмахеръ превосходно отъ залоя лѣчитъ. У него весь городъ лѣчится.

Почечуевъ обрадовался возможности ухватиться хоть за соломенку, и черезъ какія-нибудь пять минутъ передъ нимъ уже стоялъ театралный парикмахеръ Ѳедоръ Гребешковъ. Представьте вы себѣ высокую, костистую фигуру со впалыми глазами, длинной, жидкой бородой и коричневыми руками, прибавьте къ этому поразительное сходство со скелетомъ, котораго заставили двигаться на винтахъ и пружинахъ, одѣньте фигуру въ донельзя поношенную черную пару, и у васъ получится портретъ Гребешкова.

— Здорово, Ѳедя!—обратился къ нему Почечуевъ. — Я слышалъ, дружокъ, что ты того... лѣчишь отъ залоя. Сдѣлай милость, не въ службу, а въ дружбу, полѣчи ты Дикобразова! Вѣдь, знаешь, запилъ!

— Богъ съ нимъ,—пробасилъ уныло Гребешковъ.—Актеровъ, которые попроще, купцовъ и чиновниковъ я, дѣйствительно, пользую, а тутъ вѣдь знаменитость, на всю Россію!

— Ну, такъ что жъ?

— Чтобъ запой изъ него выгнать, надо во всѣхъ органахъ и суставахъ тѣла переверотъ произвести. Я произведу въ немъ переверотъ, а онъ выздоровѣетъ и въ амбицію... «Какъ ты смѣлъ, скажетъ, собака, до моего лица касаться?» Знаемъ мы этихъ знаменитыхъ!

— Ни-ни... не отвиливай, братецъ! Назвался груздемъ— полѣзай въ кузовъ! Надѣвай шапку, пойдемъ!

Когда черезъ четверть часа Гребешковъ входилъ въ комнату Дикобразова, знаменитость лежала у себя на кровати и со злобой глядѣла на висячую лампу. Лампа висѣла спокойно, но Дикобразовъ 2-й не отрывалъ отъ нея глазъ и бормоталъ:

— Ты у меня повертись! Я тебѣ, анаѰема, покажу, какъ вертѣтся! Разбилъ графинъ, и тебя разобью, вотъ увидишь! А-а-а... и потолокъ вертится... Понимаю: заговоръ! Но лампа, лампа! Меньше всѣхъ, подлая, но больше всѣхъ вертится! Постой же...

Комикъ поднялся и, потянувъ за собой простыню, сваливая со столика стаканы и покачиваясь, направился къ лампѣ, но на полпути натѣнулся на что-то высокое, костистое...

— Что такое!? — заревѣлъ онъ, поводя блуждающими глазами.—Кто ты? Откуда ты? А?

— А вотъ я тебѣ покажу, кто я... Пошелъ на кровать!

И не дожидаясь, когда комикъ пойдетъ къ кровати, Гребешковъ размахнулся и трахнулъ его кулакомъ по затылку съ такою силой, что тотъ кубаремъ полетѣлъ на постель. Комика, вѣроятно, раньше никогда не били, потому что онъ, несмотря на сильную хмель, поглядѣлъ на Гребешкова съ удивленіемъ и даже съ любопытствомъ.

— Ты... ты ударилъ? По... постой, ты ударилъ?

— Ударилъ. Нешто еще хочешь?

И парикмахеръ ударилъ Дикобразова еще разъ по зубамъ. Не знаю, что тутъ подѣйствовало, сильные ли удары, или новизна оцущенія, но только глаза комика перестали блуждать, и въ нихъ замелькало что-то разумное. Онъ вскочилъ, и не столько со злобой, сколько съ любопытствомъ сталъ разсматривать блѣдное лицо и грязный сюртукъ Гребешкова.

— Ты... ты дерешься? — забормоталъ онъ. — Ты... ты смѣешь?

— Молчать!

И опять ударъ по лицу. Ошалѣвшій комикъ сталъ-было защищаться, но одна рука Гребешкова сдвинула ему грудь, другая заходила по физиономіи.

— Легче! Легче! — послышался изъ другой комнаты голосъ Почечуева.— Легче, Ѳеденька!

— Ничего-съ, Прокль Львовичъ! Сами же потомъ благодарить стануть!

— Все-таки ты полегче! — проговорилъ плачущимъ голосомъ Почечуевъ, заглядывая въ комнату комика. — Тебѣ-то ничего, а меня морозъ по кожѣ деретъ. Ты подумай: среди бѣла дня бьютъ человѣка правоспособнаго, интеллигентнаго, извѣстнаго, да еще на собственной квартирѣ... Ахъ!

— Я Прокль Львовичъ, бью не ихъ, а бѣса, что въ нихъ сидитъ. Уходите, сдѣлайте милость, и не безпокойтесь. Лежи, дьяволъ! — набросился Ѳедоръ на комика. — Не двигайся! Что-о-о?

Дикобразовымъ овладѣлъ ужасъ. Ему стало казаться, что все то, что раньше кружилось и было имъ разбиваемо, теперь сговорилось и единодушно полетѣло на его голову.

— Караулъ! — закричалъ онъ. — Спасите! Караулъ!

— Кричи, кричи, лѣшій! Это еще цвѣтки, а вотъ погоди, ягодки будутъ! Теперь слушай: ежели ты скажешь еще хоть одно слово или пошевельнешься, убью! Убью и не пожалѣю! Заступиться, братъ, некому! Не придетъ никто, хоть изъ пушки пали. А ежели смиришься и замолчишь, водочки дамъ. Вотъ она, водка-то!

Гребешковъ вытащилъ изъ кармана полуштофъ водки и блеснулъ имъ передъ глазами комика. Пьяный, при видѣ предмета своей страсти, забылъ про побои и даже заржалъ отъ удовольствія. Гребешковъ вынулъ изъ жилетнаго кармана кусочекъ грязнаго мыла и сунулъ его въ полуштофъ. Когда водка всѣхнула и замутилась, онъ принялся всыпать въ нее всякую дрянь. Въ полуштофъ посыпались се-литра, нашатырь, квасцы, глауберова соль, сѣра, капифоль и другія «спеціи», продаваемыя въ москательныхъ лавочкахъ. Комикъ пялилъ глаза на Гребешкова и страстно слѣдилъ за движеніями полуштофа. Въ заключеніе парикмахеръ сжегъ кусокъ тряпки, высыпалъ пепелъ въ водку, поболталъ и подошелъ къ кровати.

— Пей! — сказалъ онъ, наливая полъ-чайнаго стакана. — Разомъ!

Комикъ съ наслажденіемъ выпилъ, крикнулъ, но тотчасъ же вытаращилъ глаза. Лицо у него вдругъ поблѣднѣло, на лбу выступилъ потъ.

— Еще пей!—предложилъ Гребешковъ.

— Не... не хочу! По... постой...

— Пей, чтобъ тебя!.. Пей! Убью!

Дикобразовъ выпилъ и, застонавъ, повалился на подушку. Черезъ минуту онъ приподнялся, и Федоръ могъ убѣдиться, что его спеція дѣйствуетъ.

— Пей еще! Пущай у тебя всѣ внутренности выворотить, это хорошо. Пей!

И для комика наступило время мученій. Внутренности его буквально переворачивало. Онъ вскакивалъ, метался на постели и съ ужасомъ слѣдилъ за медленными движеніями своего безошаднаго и неутомимаго врага, который не отставалъ отъ него ни на минуту и неутомимо колотилъ его, когда онъ отказывался отъ специи. Побой смѣнялись спеціей, спеція побоями. Никогда въ другое время бѣдное тѣло Фениксова-Дикобразова 2-го не переживало такихъ оскорбленій и униженій, и никогда знаменитость не была такъ слаба и беззащитна, какъ теперь. Сначала комикъ кричалъ и бранился, потомъ сталъ умолять, наконецъ, убѣдившись, что протесты ведутъ къ побоямъ, сталъ плакать. Почечуевъ, стоявшій за дверью и подслушивавшій, въ концѣ концовъ не выдержалъ и вбѣжалъ въ комнату комика.

— А ну тебя къ чорту!—сказалъ онъ, махая руками.— Пусть лучше пропадаютъ абонементныя деньги, пусть онъ водку пьетъ, только не мучь ты его, сдѣлай милость! Околѣть вѣдь, ну тебя къ чорту! Погляди: совсѣмъ вѣдь околѣлъ! Зналъ бы, ей-Богу не связывался...

— Ничего-съ... Сами еще благодарить будутъ, увидите-съ... Ну, ты что еще тамъ?—повернулся Гребешковъ къ комику.— Влетитъ!

До самаго вечера провозился онъ съ комикомъ. И самъ умаялся, и его заѣздилъ. Кончилось тѣмъ, что комикъ странно ослабѣлъ, потерялъ способность даже стонать и окаменѣлъ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. За окаменѣніемъ наступило что-то похожее на сонъ.

На другой день комикъ, къ великому удивленію Почечуева, проснулся,—стало-быть не умеръ. Проснувшись, онъ тупо

оглядѣлся, обвелъ комнату блуждающимъ взоромъ и сталъ припоминать.

— Отчего это у меня все болитъ?—недоумѣвалъ онъ.— Точно по мнѣ поѣздъ прошелъ. Нешто водки выпить? Эй, кто тамъ? Водки!

Въ это время за дверью стояли Почечуевъ и Гребешковъ.

— Водки просить, стало-быть, не выздоровѣлъ!—ужаснулся Почечуевъ.

— Что вы, батюшка, Прокль Львовичъ!—удивился парикмахеръ.— Да нешто въ одинъ день вылѣчишь? Дай Богъ, чтобы въ недѣлю поправился, а не то что въ день. Иного слабенькаго и въ пять дней вылѣчишь, а это вѣдь по компетенціи тотъ же кунецъ. Не скоро его пройменъ.

— Что же ты мнѣ раньше не сказалъ этого, апаѰема?—застоналъ Почечуевъ.— И въ кого я несчастнымъ такимъ уродился! И чего я, окаянный, жду еще отъ судьбы? Не разумнѣе ли кончить разомъ, всадить себѣ пулю въ лобъ, и т. д.

Какъ ни мрачно глядѣлъ на свою судьбу Почечуевъ, однако черезъ недѣлю Дикобразовъ 2-й уже игралъ, и абонементныхъ денегъ не пришлось возвращать. Гримировалъ комика Гребешковъ, причемъ такъ почтительно касался къ его головѣ, что вы не узнали бы въ немъ прежняго заушателя.

— Живучъ человѣкъ!—удивлялся Почечуевъ.— Я чуть не померъ, на его муки гляючи, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало, даже еще благодарить этого чорта Ѳедьку, въ Москву съ собой хочетъ взять! Чудеса, да и только!

ЖИТЕЙСКІЯ НЕВЗГОДЫ.

Левъ Ивановичъ Поповъ, человѣкъ нервный, несчастный на службѣ и въ семейной жизни, потянулъ къ себѣ счеты и сталъ считать снова. Мѣсяць тому назадъ онъ приобрѣлъ въ банкирской конторѣ Кошкера выигрышный билетъ 1-го займа на условіяхъ погашенія ссуды частями, въ видѣ ежемѣсячныхъ взносовъ, и теперь высчитывалъ, сколько ему придется заплатить за все время погашенія и когда билетъ станетъ его полною собственностью.

— Билетъ стѣитъ по курсу 246 рублей,—считалъ онъ.— Даль я задатку 10 руб., значитъ, осталось 236. Хорошо-съ... Къ этой суммѣ нужно прибавить проценты за 1 мѣсяць въ размѣрѣ 7% годовыхъ и $\frac{1}{4}\%$ комиссіонныхъ, гербовый сборъ, почтовые расходы за пересылку залоговой квитанціи 21 коп., страхованіе билета 1 руб. 10 коп., за транзитъ 1 руб. 22 коп., за элеваторъ 74 коп., пени 18 коп...

За перегородкой на кровати лежала жена Попова, Софья Саввишна, пріѣхавшая къ мужу изъ Мценска просить отдѣльнаго вида на жительство. Въ дорогѣ она простудилась, схватила флюсъ и теперь невыносимо страдала. Наверху за потолкомъ какой-то энергическій мужчина, вѣроятно ученикъ консерваторіи, разучивалъ на рояли рапсодію Листа съ такимъ усердіемъ, что, казалось, по крышѣ дома ѣхалъ товарный поѣздъ. Направо, въ сосѣднемъ номерѣ, студентъ-медикъ готовился къ экзамену. Онъ шагаль изъ угла въ уголъ и зубрилъ густымъ семинарскимъ басомъ:

— Хроническій катарръ желудка наблюдается также у

привычныхъ пьяницъ, обжоръ, вообще у людей, ведущихъ неумѣренный образъ жизни...

Въ номерѣ стоялъ удушливый запахъ гвоздики, креозота, йода, карболки и другихъ воюющихъ веществъ, которыя Софья Саввишна употребляла противъ своей зубной боли.

— Хорошо-съ, — продолжалъ считать Поповъ. — Къ 236 прибавить 14 руб. 81 коп., итого къ этому мѣсяцу остается 250 руб. 81 коп. Теперь, если я въ мартѣ уплачу 5 руб., то, значитъ, останется 240 руб. 81 коп. Хорошо-съ. Теперь, считая за 1 мѣсяць впередъ 7⁰/₁₀₀ годовыхъ и ¹/₄₀₀ комиссіонныхъ...

— А-ахъ! — застонала жена. — Да помоги же мнѣ, Левъ Иванычъ! Умира-аю!

— Что же я, матушка, сдѣлаю? Я не докторъ... ¹/₄₀₀ комиссіонныхъ, ¹/₅₀₀ куртажа, на каботажъ 1 р. 22 коп., за транзитъ 74 коп. ...

— Безчувственный! — заплакала Софья Саввишна, высовывая свою опухшую физиономію изъ-за ширмы. — Ты никогда мнѣ не сочувствовалъ, мучитель! Слушай, когда я тебѣ говорю! Невѣжа!

— Стало-быть, ¹/₄₀₀ комиссіонныхъ... за транзитъ 74 коп., за элеваторъ 18 коп., за упаковку 32 коп. — итого 17 руб. 12 коп.

— Хроническій катарръ желудка, — зубрилъ студентъ, шагая изъ угла въ уголь: — наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоръ...

Поповъ встряхнулъ счеты, мотнулъ угорѣвшей головой и сталъ считать снова. Черезъ часъ онъ сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, таращилъ глаза въ залоговую квитанцію и бормоталъ:

— Значитъ, въ апрѣлѣ 1896 года останется 228 руб. 67 коп. Хорошо-съ... Въ сентябрѣ я взношу 5 руб., останется 223 руб. 67 коп. Ну-съ, прибавляя за 1 мѣсяць впередъ 7⁰/₁₀₀ годовыхъ, ¹/₄₀₀ комиссіонныхъ...

— Варваръ, подай нашатырный спиртъ! — взвизгнула Софья Саввишна. — Тиранъ! Убійца!

— Хроническій катарръ желудка наблюдается также при стррраданіяхъ печени...

Поповъ подаль женѣ спиртъ и продолжалъ:

— ¹/₄₀₀ комиссіонныхъ, за транзитъ 74 коп., издержки по абераціи 18 коп., пени 32 коп. ...

Наверху музыка было утихла, но черезъ минуту піанистъ зангралъ снова и съ такимъ ожесточеніемъ, что въ матрасъ подь Софьей Саввиной задвигалась пружина. Поповъ ошалѣло поглядѣлъ на потолокъ и началъ считать опять съ августа 1896 года. Онъ глядѣлъ на бумаги съ цифрами, на счеты, и видѣлъ что-то въ родѣ морской зыби; въ глазахъ его рябило, мозги путались, во рту пересохло и на лбу выступилъ холодный потъ, но онъ рѣшилъ не вставать, пока окончательно не уразумѣтъ своихъ денежныхъ отношеній къ банкирской конторѣ Кошкера.

— А-ахъ! — мучилась Софья Саввина. — Всю правую сторону рветъ. Владычица! О-охъ, моченьки моей нѣтъ! А ему, аспиду, хоть трава не расти! Хоть умри я, ему все равно! Несчастливая я, страдальца! Вышла за идола, мученица!

— Но что же я могу сдѣлать? Значитъ, въ февралѣ 1903 года я буду долженъ 208 руб. 7 коп. Хорошо-съ. Теперь, прибавляя 7⁰/₀ годовыхъ, и ¹/₄⁰/₀ комиссіонныхъ, куртажа 74 коп.

— Хррроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ...

— Не мужъ ты, не отецъ своихъ дѣтей, а тиранъ и мучитель! Подай скорѣй хоть гвоздичку, безчувственный!

— Тьфу! ¹/₄⁰/₀ комиссіонныхъ... т. е., что же я? За вычетомъ прибыли отъ купоновъ, съ прибавленіемъ 7⁰/₀ годовыхъ за мѣсяць впередъ, ¹/₄⁰/₀ комиссіонныхъ...

— Хррроническій катарръ желудка наблюдается и при страданіяхъ легкихъ...

Часа три спустя, Поповъ подвелъ послѣдній итогъ. Оказалось, что за все время погашенія придется заплатить банкирской конторѣ Кошкера 1.347.821 руб. 92 коп. и что если вычестъ отсюда выигрышь въ двѣсти тысячъ, то все же останется убытку больше милліона. Увидѣвъ такія цифры, Левъ Ивановичъ медленно поднялся, похолодѣлъ... На лицѣ у него выступило выраженіе ужаса, недоумѣнія и оторопи, какъ будто у него выстрѣлили подь самымъ ухомъ. Въ это время наверху за потолокомъ къ піанисту подсѣлъ товарищъ, и четыре руки, дружно ударивъ по клавишамъ, стали нажаривать ралсодио Листа. Студентъ-медикъ быстрѣе зашпалъ, прокашлялся и загудѣлъ:

— Хррроническій катарръ желудка наблюдается также у привычныхъ пьяницъ, обжоррръ...

Софья Саввишна взвизгнула, швырнула подушку, застучала ногами... Боль ея, повидимому, только-что начинала разыгрываться...

Поповъ вытеръ холодный потъ, опять сѣлъ за столъ и, встряхнувъ счеты, сказалъ:

— Надо провѣрить... Очень возможно, что я немножко ошибся...

И онъ принялся опять за квитанцію и началъ снова считать:

— Билетъ стѣить по курсу 246 руб... Далъ я задатку 10 руб., значить, осталось 236...

А въ ушахъ у него стучало:

— Дыр... дыр... дыр...

И уже слышались выстрѣлы, свистъ, хлопанье бичей, ревъ львовъ и леопардовъ.

— Осталось 236!—кричалъ онъ, стараясь перекричать этотъ шумъ.—Въ юнѣ я взношу 5 рублей! Чортъ возьми, 5 рублей! Чортъ васъ дери, въ ротъ вамъ дышло, 5 рублей! Vive la France! Да здравствуетъ Деруледъ!

На утро его свезли въ больницу.

ДОРОГАЯ СОБАКА.

Поручикъ Дубовъ, уже не молодой армейскій служака, и вольноопредѣляющійся Кнапсъ сидѣли и выпивали.

— Великолѣнный песъ! — говорилъ Дубовъ, показывая Кнапсу свою собаку Милку. — Замѣ-ча-тельная собака! Вы обратите вниманіе на морду! Морда одна чего стоить! Ежели на любителя наскочить, такъ за одну морду двѣсти рублей дадутъ! Не вѣрите? Въ такомъ случаѣ, вы ничего не понимаете...

— Я понимаю, но...

— Вѣдь сетерь, чистокровный англійскій сетерь! Стойка поразительная, а чутье... нюхъ! Боже, какой нюхъ! Знаете, сколько я далъ за Милку, когда она была еще щенкомъ? Сто рублей! Дивная собака! Ше-ельма, Милка! Ду-ура, Милка! Поди сюда, поди сюда... собачечка, песикъ мой...

Дубовъ привлекъ къ себѣ Милку и поцѣловалъ ее между ушей. На глазахъ у него выступили слезы.

— Никому тебя не отдамъ... красавица моя... разбойникъ этакій. Вѣдь ты любишь меня, Милка? Любишь?... Ну, пошла вонъ! — крикнулъ вдругъ поручикъ. — Грязными лапами прямо на мундиръ лѣзешь! Да, Кнапсъ, полтора ста рублей далъ, за щенка! Стало-быть, было за что! Одно только жаль: охотиться мнѣ некогда! Гибнетъ безъ дѣла собака, талантъ свой зарываетъ... Потому-то и продаю. Купите, Кнапсъ! Всю жизнь будете благодарны! Ну, если у васъ денегъ мало, то извольте, я уступлю вамъ половину... Берите за пятьдесятъ! Грабьте!

— Нѣтъ, голубчикъ... — вздохнулъ Кнапсъ. — Будь ваша Милка мужескаго пола, то, можетъ-быть, я и купилъ бы, а то...

— Милка не мужескаго пола?—изумился поручикъ. — Кнапсъ, что съ вами? Милка не мужескаго... пола?! Ха-ха! Такъ что же она по вашему? Сука? Ха-ха... Хорошъ мальчикъ! Онъ еще не умѣетъ отличить кобеля отъ суки!

— Вы мнѣ говорите, словно я слѣпъ, или ребенокъ...— обидѣлся Кнапсъ!—Конечно, сука!

— Пожалуй, вы еще скажете, что я дама! Ахъ, Кнапсъ, Кнапсъ! А еще то же въ техническомъ кончили! Нѣтъ, душа моя, это настоящий, чистокровный кобель! Мало того, любому кобелю десять очковъ впередъ дать, а вы... не мужескаго пола! Ха-ха...

— Простите, Михаилъ Ивановичъ, но вы... просто за дурака меня считаете... Обидно даже...

— Ну, не нужно, чортъ съ вами... Не покупайте... Вамъ не втолкуешь! Вы скоро скажете, что у нея это не хвостъ, а нога... Не нужно. Вамъ же хотѣлъ одолженіе сдѣлать. Вахрамѣевъ, коньяку!

Денщикъ подалъ еще коньяку. Пріятели налили себѣ по стакану и задумались. Прошло полчаса въ молчаніи.

— А хоть бы и женскаго пола...—прервалъ молчаніе поручикъ, угрюмо глядя на бутылку.—Удивительное дѣло! Для васъ же лучше. Принесетъ вамъ щенятъ, а что ни щенокъ, то и четвертная... Всякій у васъ охотно купить. Не знаю, почему это вамъ такъ нравятся кобели! Суки въ тысячу разъ лучше. Женскій полъ и признательнѣе, и привязчивѣе... Ну, ужъ если вы такъ боитесь женскаго пола, то извольте, берите за двадцать пять.

— Нѣтъ, голубчикъ... Ни копейки не дамъ. Во-первыхъ, собака мнѣ не нужна, а во-вторыхъ, денегъ нѣтъ.

— Такъ бы и сказали раньше. Милка, пошла отсюда!

Денщикъ подалъ яичницу. Пріятели принялись за нее и молча очистили сковороду.

— Хорошій вы малый, Кнапсъ, честный...—сказалъ поручикъ, вытирая губы.—Жалко мнѣ васъ такъ отпускать, чортъ подери... Знаете что? Берите собаку даромъ!

— Куда же я ее, голубчикъ, возьму?—сказалъ Кнапсъ и вздохнулъ.—И кто у меня съ ней возиться будетъ?

— Ну, не нужно, не нужно... чортъ съ вами! Не хотите, и не нужно... Куда же вы? Сидите!

Кнапсъ, потягиваясь, всталъ и взялся за шапку.

— Пора, прощайте...—сказалъ онъ, зѣвая.

— Такъ постойте же, я васъ провожу.

Дубовъ и Кнапсъ одѣлись и вышли на улицу. Первые сто шаговъ прошли молча.

— Вы не знаете, кому бы это отдать собаку? — началъ поручикъ. — Нѣтъ ли у васъ такихъ знакомыхъ? Собака, вы видѣли, хорошая, породистая, но... мнѣ рѣшительно не нужна!

— Не знаю, милый... Какіе же у меня тутъ знакомые?

До самой квартиры Кнапса пріятели не сказали больше ни одного слова. Только когда Кнапсъ пожалъ поручику руку и отворилъ свою калитку, Дубовъ кашлянулъ и какъ-то нерѣшительно выговорилъ:

— Вы не знаете, здѣшніе живодеры собакъ принимаютъ или нѣтъ?

— Должно-быть, принимаютъ... Навѣрное не могу сказать.

— Пошлю завтра съ Вахрамѣевымъ... Чортъ съ ней, пусть съ нея кожу сдерутъ... Мерзкая собака! Отвратительная! Мало того, что нечистоту въ комнатахъ завела, но еще въ кухнѣ вчера все мясо сожрала, и-п-подлая... Добро бы, порода хорошая, а то чортъ знаетъ что, помѣсь дворняжки со свиньей. Спокойной ночи!

— Прощайте!—сказалъ Кнапсъ.

Калитка хлопнула, и поручикъ остался одинъ.

НЕ ВЪ ДУХЪ.

Становой приставъ Семень Ильичъ Прачкинъ ходилъ по своей комнатѣ изъ угла въ уголь и старался заглушить въ себѣ непріятное чувство. Вчера онъ заѣзжалъ по дѣлу къ воинскому начальнику, сѣлъ нечаянно играть въ карты и проигралъ восемь рублей. Сумма ничтожная, пустяшная, но бѣсъ жадности и корыстолюбія сидѣлъ въ ухѣ станowego и упрекалъ его въ расточительности.

— Восемь рублей—экая важность!—заглушалъ въ себѣ Прачкинъ этого бѣса.—Люди и больше проигрываютъ, да ничего. И къ тому же деньги дѣло наживное... Съѣздилъ разъ на фабрику, или въ трактиръ Рылова, вотъ тебѣ и всѣ восемь, даже еще больше!

— «Зима... Крестьянинъ, торжествуя...»—монотонно зубрилъ въ сосѣдней комнатѣ сынъ станowego, Ваня.—«Крестьянинъ, торжествуя... обновляетъ путь...»

— Да и отыгаться можно... Что это тамъ «торжествуя»?

— «Крестьянинъ, торжествуя, обновляетъ путь... обновляетъ...»

— «Торжествуя»...—продолжалъ размышлять Прачкинъ.—Влѣпнись бы ему десятокъ горячихъ, такъ не очень бы торжествовалъ. Чѣмъ торжествовать, лучше бы подати исправно платилъ... Восемь рублей—экая важность! Не восемь тысячъ, всегда отыгаться можно...

— «Его лошадка, снѣгъ почуя... снѣгъ почуя, плетется рысью какъ-нибудь...»

— Еще бы она вскачь понеслась! Рысакъ какой напелся, скажи на милость! Кляча—кляча и есть... Неразсудительный мужикъ радъ съ-пьяну лошадь гнать, а потомъ, какъ угодить въ прорубь или въ оврагъ, тогда и возись съ нимъ... Поскачи только мнѣ, такъ я тебѣ такого скипидару пропишу, что лѣтъ пять не забудешь! И зачѣмъ это

я съ маленькой пошелъ? Пойди я туза трефъ, не былъ бы я безъ двухъ...

— «Бразды пушистыя взрывая, летить кибитка удалая... бразды пушистыя взрывая...»

— «Взрывая... Бразды взрывая... бразды...» Скажетъ же такую штуку! Позволяютъ же писать, прости Господи! А все десятка, въ сущности, надѣлала! Принесли же ее черти не въ-время!

— «Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ... дворовый мальчикъ, въ салазки Жучку посадивъ... посадивъ...»

— Стало-быть, набѣся, коли бѣгаетъ, да балуется... А у родителей нѣтъ того въ умѣ, чтобъ мальчишку за дѣло усадить. Чѣмъ собаку-то возить, лучше бы дрова колоть, или Священное Писаніе читать... И собакъ тоже развели... ни пройти, ни проѣхать! Было бы мнѣ послѣ ужина не садиться... Поужинать бы, да и уѣхать...

— «Ему и больно и смѣшно, а мать грозить... а мать грозить ему въ окно...»

— Грози, грози... Лѣнь на дворъ выйти да наказать... Задрала бы ему шубенку, да чикъ-чикъ! чикъ-чикъ! Это лучше, чѣмъ пальцемъ грозить... А то, гляди, выйдетъ изъ него ньяница... Кто это сочинилъ?— спросилъ громко Прачкинъ.

— Пушкинъ, папаша.

— Пушкинъ? Гм!.. Должно-быть, чудакъ какой-нибудь. Пишутъ-пишутъ, а чтó пишутъ — и сами не понимаютъ. Лниъ бы написать!

— Папаша, мужикъ муку привезъ!— крикнулъ Ваня.

— Принять!

Но и мука не развеселила Прачкина. Чѣмъ болѣе онъ утѣшалъ себя, тѣмъ чувствительнѣе становилась для него потеря. Такъ было жалко восьми рублей, такъ жалко, точно онъ въ самомъ дѣлѣ проигралъ восемь тысячъ. Когда Ваня кончилъ урокъ и умолкъ, Прачкинъ стоялъ у окна и, тоскуя, вперилъ свой печальныйъ взоръ въ снѣжные сугробы... Но видъ сугробовъ только растеребилъ его сердечную рану. Онъ напомнилъ ему о вчерашней поѣздкѣ къ воинскому начальнику. Заиграла желчь, подкатило подъ душу... Потребность излить на чьемъ-нибудь свое горе достигла степеней, не терпящихъ отлагательства. Онъ не вынесъ...

— Ваня! — крикнулъ онъ. — Иди, я тебя высѣку за то, что ты вчера стекло разбилъ!

НАДЛЕЖАЩІЯ МЪРЫ.

Маленькій, запятый городокъ, котораго, по выраженію мѣстнаго тюремнаго смотрителя, на географической картѣ даже подъ телескопомъ не увидишь, освѣщенъ полуденнымъ солнцемъ. Тишина и спокойствіе. По направленію отъ думы къ торговымъ рядамъ медленно подвигается санитарная комиссія, состоящая изъ городского врача, полицейскаго надзирателя, двухъ уполномоченныхъ отъ думы и одного торговаго депутата. Сзади почтительно шагаютъ городовые... Путь комисіи, какъ путь въ адъ, усыпанъ благими намѣреніями. Санитары идутъ и, размахивая руками, толкуютъ о нечистотѣ, вони, подлежащихъ мѣрахъ и прочихъ холерныхъ матеріяхъ. Разговоры до того умные, что идущій впереди всѣхъ полицейскій надзиратель вдругъ приходитъ въ восторгъ и, обернувшись, заявляетъ:

— Вотъ такъ бы намъ, господа, почаще собираться да разсуждать! И пріятно, и въ обществѣ себя чувствуешь, а то только и знаемъ, что ссоримся. Да ей-Богу!

— Съ кого бы намъ начать? — обращается торговый депутатъ къ врачу тономъ палача, выбирающаго жертву.— Не начать ли намъ, Аникита Николаичъ, съ лавки Ошейникова? Мошенникъ, во-первыхъ, и... во-вторыхъ, пора ужъ до него добраться. Намедни приносятъ мнѣ отъ него гречневую крупу, а въ ней, извините, крысиный пометъ... Жена такъ и не ѣла!

— Ну, что жъ? Съ Ошейникова начинать, такъ съ Ошейникова, — говоритъ безучастно врачъ.

Санитары входятъ въ «Магазинъ, чаю, сахару и кофію

и прочихъ колоннеальныхъ товаровъ А. М. Ошейникова» и тотчасъ же, безъ длинныхъ предисловій, приступаютъ къ ревизіи.

— М-да-съ...— говоритъ врачъ, рассматривая красиво сложенные пирамиды изъ казанскаго мыла.—Какихъ ты у себя здѣсь изъ мыла вавилоновъ настроилъ! Изобрѣтательность, подумаешь! Э... э... э! Это что же такое? Поглядите, господа! Демьянъ Гаврилычъ изволить мыло и хлѣбъ однимъ и тѣмъ же ножомъ рѣзать!

— Отъ этого холеры не выйдетъ-съ, Аникита Николаичъ!—резонно замѣчаетъ хозяинъ.

— Оно-то такъ, но вѣдь противно! Вѣдь и я у тебя хлѣбъ покушаю.

— Для кого поблагороднѣй, мы особый ножъ держимъ. Будьте покойны-съ... Что вы-съ...

Полицейскій надзиратель щурить свои близорукіе глаза на окорокъ, долго царапаетъ его ногтемъ, громко нюхаетъ, затѣмъ, пощелкавъ по окороку пальцемъ, спрашиваетъ:

— А онъ у тебя, бываетъ, не съ стрихнинами?

— Что вы-съ... Помилуйте-съ... Непито можно-съ!

Надзиратель конфузится, отходитъ отъ окорока и щурить глаза на прейсъ-курантъ Асмолова и К^о. Торговый депутатъ запускаетъ руку въ боченокъ съ гречневой крупой и ощущаетъ тамъ что-то мягкое бархатистое... Онъ глядитъ туда, и по лицу его разливается нѣжность.

— Кисаньки... кисаньки! Манюночки мои! — лепечетъ онъ. — Лежать въ крупѣ и мордочки подняли... нѣжатся... Ты бы, Демьянъ Гаврилычъ, прислалъ мнѣ одного котеночка!

— Это можно-съ... А вотъ, господа, закуски, ежели желаете осмотрѣть... Селедки вотъ, сыръ... балыкъ, изволите видѣть... Балыкъ въ четвергъ получилъ, самый лучишш... Мишка, дай-ка сюда ножикъ!

Санитары отрѣзываютъ по куску балыка и, понюхавъ, пробуютъ.

— Закушу ужъ и я кстати...—говоритъ какъ бы про себя хозяинъ лавки Демьянъ Гаврилычъ.—Тамъ гдѣ-то у меня бутылочка валялась. Пойти передъ балыкомъ выпить... Другой вкусъ тогда... Мишка, дай-ка сюда бутылочку.

Мишка, надувъ щеки и выпучивъ глаза, раскупориваетъ бутылку и со звономъ ставитъ ее на прилавокъ.

— Пить натоцакъ...—говоритъ полицейскій надзиратель,

въ нерѣшимости почесывая затылокъ. — Впрочемъ, ежели по одной... Только ты поскорѣй, Демьянъ Гаврилычъ, намъ некогда съ твоей водкой!

Черезъ четверть часа санитары, вытирая губы и ковыряя спичками въ зубахъ, идутъ къ лавкѣ Голорыбенко. Тутъ, какъ на зло, пройти негдѣ... Человѣкъ пять молодцовъ, съ красными, вспотѣвшими физиономіями, катятъ изъ лавки боченокъ съ масломъ.

— Держи вправо!.. Тяни за край... тяни, тяни! Брусокъ подложи... а, чортъ! Отойдите, ваше благородіе, ноги отдавимъ!

Боченокъ застряваетъ въ дверяхъ и — ни съ мѣста... Молодцы налегаютъ на него и прутъ изо всѣхъ силъ, испускающая громкое сопѣнье и бранясь на всю площадь. Послѣ такихъ усилій, когда отъ долгихъ сопѣній воздухъ значительно измѣняетъ свою чистоту, боченокъ, наконецъ, выкатывается и почему-то, вопреки законамъ природы, катится назадъ и опять застреваетъ въ дверяхъ. Сопѣнье начинается снова.

— Тыфу! — плюсть надзиратель. — Пойдемте къ Шибукину. Эти черти до вечера будутъ пыхтѣть.

Шибукинскую лавку санитары находятъ запертой.

— Да вѣдь она же была отперта! — удивляются санитары, переглядываясь. — Когда мы къ Ошейникову входили, Шибукинъ стоялъ на порогѣ и мѣтный чайникъ полоскалъ. Гдѣ онъ? — обращаются они къ нищему, стоящему около запертой лавки.

— Подайте милостыньку, Христа ради. — слытъ нищій: — убогому калѣкѣ, что милость ваша, господа благодѣтели... родителямъ вашимъ...

Санитары машутъ руками и идутъ дальше, за исключеніемъ одного только уполномоченнаго отъ думы, Плюнина. Этотъ подаетъ нищему копейку и, словно чего-то испугавшись, быстро крестится и бѣжитъ въ догонку за компаніей.

Часа черезъ два комиссія идетъ обратно. Видъ у санитаровъ утомленный, замученный. Ходили они не даромъ: одинъ изъ городскихъ, торжественно шагая, несетъ лотокъ, наполненный гнилыми яблоками.

— Теперь, послѣ трудовъ праведныхъ, недурно бы дрызнуть, — говоритъ надзиратель, косясь на выѣску «Ренский цогребъ винъ и водокъ». — Подгрѣнитесь бы.

— М-да, не мѣшаетъ. Зайдемте, если хотите.

Санитары спускаются въ погребъ и садятся вокругъ круглаго стола съ погнувшимися ножками. Надзиратель киваетъ сидѣльцу, и на столѣ появляется бутылка.

— Жаль, что закусить нечѣмъ,—говоритъ торговый депутатъ, вышивая и морщась.—Огурчика далъ бы, что ли... Впрочемъ...

Депутатъ поворачивается къ городовому съ лоткомъ, выбираетъ наиболѣе сохранившееся яблоко и закусываетъ.

— Ахъ... тутъ есть и не очень гнилыя!—какъ бы удивляется надзиратель.—Дай-ка, и я себѣ выберу! Да ты поставь здѣсь лотокъ... Какія лучше — мы выберемъ, почистимъ, а остальные можешь уничтожить. Аникита Николаичъ, наливайте! Вотъ такъ почаще бы намъ собираться да разсуждать. А то живешь-живешь въ этой глуши, никакого образованія, ни клуба, ни общества—Австралія, да и только! Наливайте, господа! Докторъ, яблочекъ! Самолично для васъ очистилъ!

— Ваше благородіе, куда лотокъ дѣвать прикажете?—спрашиваетъ городской надзирателя, выходящаго съ компаніей изъ погреба.

— Ло...лотокъ? Который лотокъ? П-понимаю! Уничтожь вмѣстѣ съ яблоками... потому—зараза!

— Яблоки вы изволили скушать!

— А-а... очень пріятно! Послуши... поди ко мнѣ домой и скажи Марьѣ Власьевнѣ, чтобъ не сердилась... Я только на часокъ... Къ Плюнину спать... Понимаешь? Спать... объятія Морфея. Шпрехенъ зи деичъ, Иванъ Андреичъ.

И поднявъ къ небу глаза, надзиратель горько качаетъ головой, растопыриваетъ руки и говоритъ:

— Такъ и вся жизнь наша!

ПЕРВЫЙ ЛЮБОВНИКЪ.

Евгеній Алексѣевичъ Поджаровъ, jeune premier, стройный, изящный, съ овальнымъ лицомъ и съ мѣлочками подъ глазами, прїѣхавъ на сезонъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ, первымъ дѣломъ постарался познакомиться съ нѣсколькими почтенными семействами.

— Да-съ, сеньоръ!—часто говорилъ онъ, граціозно болтая ногой и показывая свои красные чулки.—Артистъ долженъ дѣйствовать на массы посредственно и непосредственно; первое достигается служеніемъ на сценѣ, второе—знакомствомъ съ обывателями. Честное слово, parole d'honneur, не понимаю, отчего это нашъ братъ актеръ избѣгаетъ знакомствъ съ семейными домами? Отчего? Не говоря ужъ объ обѣдахъ, именинахъ, пирогахъ, суарэ-фиксахъ, не говоря ужъ о развлеченіяхъ, какое нравственное вліяніе онъ можетъ имѣть на общество! Развѣ не прїятно сознаніе, что ты заронилъ искру въ какую-нибудь толстокожую башку? А типы! А женщины! Mon Dieu, что за женщины! Голова кружится! Заберешься въ какой-нибудь купеческій домъ, въ завѣтные терема, выберешь апельсинчикъ посвѣжѣе и румячѣе и—блаженство. Parole d'honneur!

Въ южномъ городѣ онъ познакомился, между прочимъ, съ почтенной семьей фабриканта Зыбаева. При воспоминаніи объ этомъ знакомствѣ онъ теперь всякій разъ презрительно морщится, щуритъ глаза и нервно теребитъ цѣпочку.

Однажды—это было на именинахъ у Зыбаева—артистъ сидѣлъ въ гостиной своихъ новыхъ знакомыхъ и по обыкновенію разглагольствовалъ. Вокругъ него въ креслахъ и на диванѣ сидѣли «типы» и благодушно слушали; изъ сосѣдней комнаты доносились женскій смѣхъ и звуки вечерняго чаепитія... Положивъ ногу на ногу, запивая каждую фразу чаемъ съ ромомъ и стараясь придать своему лицу небреж-

но-скучающее выраженіе, онъ разсказывалъ о своихъ успѣхахъ на сценѣ.

— Я актеръ по преимуществу провинціальный,—говорилъ онъ, снисходительно улыбаясь:—но случалось играть и въ столицахъ... Кстати разскажу одинъ случай, достаточно характеризующій современное умственное настроеніе. Въ Москвѣ въ мой бенефисъ мнѣ молодежь поднесла такую массу лавровыхъ вѣнковъ, что я, клянусь всѣмъ, что только есть у меня святого, не зналъ, куда дѣвать ихъ! Parole d'honneur! Впоследствии, въ минуты безденежья, я снесъ лавровый листъ въ лавочку и... угадайте, сколько въ немъ было вѣсу? Два пуда и восемь фунтовъ! Ха-ха! Деньги пригодились какъ нельзя кстати. Вообще, артисты часто бываютъ бѣдны. Сегодня у меня сотни, тысячи, завтра ничего... Сегодня нѣтъ куска хлѣба, а завтра устрицы и анчоусы, чортъ возьми.

Обыватели чинно хлебали изъ своихъ стакановъ и слушали. Довольный хозяинъ, не зная, чѣмъ угодить образованному и занимательному гостю, представилъ ему друга-жяго гостя, своего дальняго родственника, Павла Игнатьевича Климова, мясстаго челоуѣка лѣтъ сорока, въ длинномъ сюртукѣ и въ широчайшихъ панталонахъ.

— Рекомендую!—сказалъ Зыбаевъ, представляя Климова.—Любить театры и самъ когда-то игрывалъ. Тульскій помѣщикъ!

Поджаровъ и Климовъ разговорились. Къ великому удовольствію обоихъ, оказалось, что тульскій помѣщикъ жила въ томъ самомъ городѣ, гдѣ jeune premier два сезона подъ рядъ игралъ на сценѣ. Начались разспросы о городѣ, объ общихъ знакомыхъ, о театрѣ...

— Знаете, мнѣ этотъ городъ ужасно нравится!—говорилъ jeune premier, показывая свои красные чулки.—Какія мостовыя, какой миленькій садъ... а какое общество! Прекрасное общество!

— Да, прекрасное общество,—согласился помѣщикъ.

— Городъ торговый, но весьма интеллигентный!.. Напримѣръ, э-э-э... директоръ гимназіи, прокуроръ... офицерство... Недурень также исправникъ... Челоуѣкъ, какъ говорятъ французы, аншантэ. А женщины! Аллахъ, что за женщины!

— Да, женщины... дѣйствительно...

— Быть-можетъ, я пристрастенъ! Дѣло въ томъ, что въ ва-

шемъ городѣ мнѣ, не знаю почему, чертовски везло по амурной части! Я могъ бы написать десять романовъ. Напримѣръ, взять бы хоть этотъ романъ... Жилъ я на Егорьевской улицѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ помѣщается казначейство...

— Это красный, нештукатуренный?

— Да, да... нештукатуренный. По сосѣдству со мной, какъ теперь помню, въ домѣ Кощеева жила мѣстная красавица Варенька...

— Не Варвара ли Николаевна?—спросилъ Климовъ и просіялъ отъ удовольствія.—Дѣйствительно, красавица... Первая въ городѣ!

— Первая въ городѣ! Классическій профиль... большіе черные глаза и коса по поясу! Увидала она меня въ Гамлетѣ... Пишетъ письмо à la пушкинская Татьяна... Я, понятно, отвѣчаю...

Поджаровъ оглядѣлся и, убѣдившись, что въ гостиной нѣтъ дамъ, закатилъ глаза, грустно улыбнулся и вздохнулъ.

— Прихожу однажды послѣ спектакля домой,—защепталъ онъ:—а она сидитъ у меня на диванѣ. Начинаются слезы, объясненія въ любви... поцѣлуи... О, то была чудная, то была дивная ночь! Нашъ романъ потомъ продолжался мѣсяца два, но эта ночь ужъ не повторилась. Чтѣ за ночь, *ragole d'honneur!*

— Позвольте, какъ же это?—забормоталъ Климовъ, багровѣя и тараща глаза на актера.—Я Варвару Николаевну отлично знаю... Она моя племянница!

Поджаровъ смутился и тоже вытаращилъ глаза.

— Какъ же это-съ?—продолжалъ Климовъ, разводя руками.—Я эту дѣвушку знаю, и... и... меня удивляетъ...

— Очень жаль, что такъ пришлось...—забормоталъ актеръ, поднимаясь и чистя мизинцемъ лѣвый глазъ.—Хотя, впрочемъ... конечно, вы какъ дядя...

Гости, доселѣ съ удовольствіемъ слушавшіе и награждавшіе актера улыбками, смутились и потушили глаза.

— Нѣтъ, ужъ вы будьте такъ любезны, возьмите ваши слова назадъ...—сказалъ Климовъ въ сильномъ смущеніи.—Прошу васъ!

— Если васъ... э-э-э... это оскорбляетъ, то извольте-съ!—отвѣтилъ актеръ, дѣлая рукою неопредѣленный жестъ.

— И сознайтесь, что вы сказали неправду.

— Я? Нѣтъ... э-э-э... я не лгалъ, но... отъ жалѣю, что

я проговорился... И вообще... не понимаю этого вашего тона!

Климовъ заходилъ изъ угла въ уголь молча, какъ бы въ раздумьи или нерѣшимости. Мясистое лицо его становилось все багровѣе и на шеѣ надулись жилы. Походивъ минуты двѣ, онъ подошелъ къ актеру и сказалъ плачущимъ голосомъ:

— Нѣтъ, ужъ вы будьте добры, сознайтесь, что солгали насчетъ Вареньки! Сдѣлайте милость!

— Странно!—пожалъ плечами актеръ, насильно улыбаясь и болтая ногой.—Это... это даже оскорбительно!

— Стало-быть, вы не желаете сознаться?

— Н-не понимаю!

— Не желаете? Въ такомъ случаѣ извините... Я долженъ буду прибѣгнуть къ неприятнымъ мѣрамъ... Или я васъ тутъ сейчасъ же оскорблю, милостивый государь, или же... если вы благородный человѣкъ-съ, то извольте принять мой вызовъ на дуэль-съ... Будемъ стрѣляться!

— Извольте!—отчеканилъ жеуе premier, дѣлая презрительный жестъ.—Извольте!

Смущенные до крайности гости и хозяинъ, не зная, что имъ дѣлать, отвели въ сторону Климова и стали просить его, чтобы онъ не затѣвалъ скандала. Въ дверяхъ показались удивленные женскія фizioноміи... Жеуе premier повертѣлся, поболталъ и съ такимъ выраженіемъ, будто онъ не можетъ болѣе оставаться въ домѣ, гдѣ его оскорбляютъ, взялъ шапку и, не прощаясь, удалился.

Идя домой, жеуе premier всю дорогу презрительно улыбался и пожималъ плечами, но у себя въ номерѣ, растянувшись на диванѣ, почувствовалъ сильнѣйшее безпокойство.

«Чортъ его возьми!—думалъ онъ. — Дуэль не бѣда, онъ меня не убьетъ, но бѣда въ томъ, что узнаютъ товарищи, а имъ отлично извѣстно, что я совралъ. Мерзко! Осрамлюсь на всю Россію...»

Поджаровъ подумалъ, покурилъ и, чтобы успокоиться, вышелъ на улицу.

«Поговорить бы съ этимъ бурбономъ, — думалъ онъ, — вбить бы ему въ глупую башку, что онъ болванъ, дуракъ... что я его вовсе не боюсь...»

Жеуе premier остановился передъ домомъ Зыбаева и поглядѣлъ на окна. За кисейными занавѣсками еще горѣли огни и двигались фигуры.

— Подожду!—рѣшилъ актеръ.

Было темно и холодно. Какъ сквозь сито, моросилъ противный, осенній дождикъ... Поджаровъ облокотился о фонарный столбъ и весь отдался чувству безпокойства.

Онъ промокъ и измучился.

Въ два часа ночи изъ дома Зыбаева начали выходить гости. Послѣ всѣхъ въ дверяхъ показался тульскій помѣщикъ. Онъ вздохнулъ на всю улицу и заскребъ по тротуару своими тяжелыми калошами.

— Позвольте-съ!—началъ jeune premier, догоняя его.— На минутку.

Климовъ остановился. Актеръ улыбнулся, помялся и заговорилъ, заикаясь:

— Я... я сознаю... Я солгалъ...

— Нѣтъ-съ, вы извольте публично сознаться!—сказалъ Климовъ и опять побагровѣлъ.—Я этого дѣла не могу такъ оставить-съ...

— Но вѣдь я извиняюсь! Я прошу васъ... понимаете? Прошу, потому что, согласитесь сами, дуэль вызоветъ толки, а я служу... у меня товарищи... Могутъ Богъ знаетъ что подумать...

Jeune premier старался казаться равнодушнымъ, улыбаться, держаться прямо, но натура не слушалась: голосъ его дрожалъ, глаза виновато мигали и голову тянуло внизъ. Долго онъ бормоталъ еще что-то. Климовъ выслушалъ его, подумалъ и вздохнулъ.

— Ну, такъ и быть! — сказалъ онъ. — Богъ простить. Только въ другой разъ не лгите, молодой человѣкъ. Ничто такъ не унижаетъ человѣка, какъ ложь... Да-съ! Вы молоды, получили образование...

Тульскій помѣщикъ благодушно, родительскимъ тономъ читалъ наставленіе, а jeune premier слушалъ и кротко улыбался... Когда тотъ кончилъ, онъ осканилъ зубы, поклонился и виноватой походкой, ежась всѣмъ тѣломъ, направился къ своей гостиницѣ.

Ложась спать полчасъ спустя, онъ уже чувствовалъ себя внѣ опасности и въ отличномъ настроеніи. Покойный, довольный, что недоразумѣніе такъ благополучно кончилось, онъ укрылся одѣяломъ и скоро уснулъ, и спалъ крѣпко до десяти часовъ утра.

ХОРОШІЙ КОНЕЦЪ.

У оберъ-кондуктора Стычкина въ одинъ изъ его недежурныхъ дней сидѣла Любовь Григорьевна, солидная, крупчатая дама лѣтъ сорока, занимающаяся сватовствомъ и многими другими дѣлами, о которыхъ принято говорить только шопотомъ. Стычкинъ, нѣсколько смущенный, но, какъ всегда, серьезный, положительный и строгій, ходилъ по комнатѣ, курилъ сигару и говорилъ:

— Весьма пріятно познакомиться. Семенъ Ивановичъ рекомендовалъ васъ съ гой точки, что вы можете помочь мнѣ въ одномъ щекотливомъ, весьма важномъ дѣлѣ, касающемся счастья моей жизни. Мнѣ, Любовь Григорьевна, уже 52 года, то-есть такой періодъ времени, въ который весьма многіе имѣютъ уже взрослыхъ дѣтей. Должность у меня основательная. Состоянія хотя и не имѣю большого, но могу около себя прокормить любимое существо и дѣтей. Скажу вамъ, между нами, что, кромѣ жалованья, я имѣю также и деньги въ банкѣ, которыя сберегъ вслѣдствіе своего образа жизни. Человѣкъ я положительный и трезвый, жизнь веду основательную и сообразную, такъ что могу многимъ себя въ примѣръ поставить. Но нѣтъ у меня только одного—своего домашняго очага и подруги жизни, и веду я свою жизнь, какъ какой-нибудь кочующій венгерець, съ мѣста на мѣсто, безъ всякаго удовольствія, и не съ кѣмъ мнѣ посовѣтоваться, а будучи боленъ, некому мнѣ даже воды подать и прочее. Кромѣ того, Любовь Григорьевна, женатый всегда имѣетъ больше

вѣсу въ обществѣ, чѣмъ холостой... Я человѣкъ образованнаго класса, при деньгахъ, но ежели взглянуть на меня съ точки зрѣнія, то кто я? Бобыль, все равно, какъ какой-нибудь ксендзь. А потому я весьма желалъ бы сочетаться узами игумена, то-есть вступить въ законный бракъ съ какой-нибудь достойной особой.

— Хорошее дѣло!—вздохнула сваха.

— Человѣкъ я одинокій и въ здѣшнемъ городѣ никого не знаю. Куда я пойду и къ кому обращусь, если для меня всѣ люди въ неизвѣстности? Вотъ почему Семень Ивановичъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ такой особѣ, которая специалистка по этой части и въ разсужденіи счастья людей имѣетъ свою профессію. А потому я убѣдительно прошу васъ, Любовь Григорьевна, устроить мою судьбу при вашемъ содѣйствіи. Вы въ городѣ знаете всѣхъ невѣсть и вамъ легко меня приспособить.

— Это можно...

— Кушайте, покорнѣйше прошу...

Привычнымъ жестомъ сваха поднесла рюмку ко рту, выпила и не поморщилась.

— Это можно,—повторила она.—А какую вамъ, Николай Николаичъ, невѣсту угодно?

— Мнѣ-съ? Какую судьба пошлетъ.

— Оно, конечно, это дѣло отъ судьбы, но вѣдь у всякаго свой вкусъ есть. Одинъ любитъ брюнетокъ, другой блондинокъ.

— Видите ли, Любовь Григорьевна...—сказалъ Стычкинъ, солидно вздыхая.—Я человѣкъ положительный и съ характеромъ. Для меня красота и вообще видимость имѣетъ второстепенную роль, потому что, сами знаете, съ лица воды не пить и съ красивой женой весьма много хлопотъ. Я такъ предполагаю, что въ женщинѣ главное не то, что снаружи, а то, что находится изнутри, то-есть чтобы у нея была душа и всѣ свойства. Кушайте, покорнѣйше прошу... Оно, конечно, весьма пріятно, ежели жена будетъ изъ себя поленькая, но это для обоюдной фортуны не суть важно; главное—умъ. Собственно говоря, въ женщинѣ и ума не нужно, потому что отъ ума она объ себѣ большое понятіе будетъ имѣть и думать разные идеалы. Безъ образованія нынче нельзя, это конечно, но образованіе разное бываетъ. Пріятно, ежели жена по-французски и по-нѣмецки, на разные голоса тамъ

очень пріятно; но что изъ этого толку, ежели она не умѣетъ тебѣ пуговики, положимъ, пришить? Я образованнаго класса, съ княземъ Канителинымъ, могу сказать, все одно, какъ вотъ съ вами теперь, но я имѣю простой характеръ. Мнѣ нужна дѣвушка попроче. Главнѣе же всего, чтобы она меня почитала и чувствовала, что я ее осчастливилъ.

— Дѣло извѣстное.

— Ну-съ, теперь насчетъ существительнаго... Богатую мнѣ не нужно. Я не позволю себѣ такой подлости, чтобы на деньгахъ жениться. Я желаю, чтобы не я женинъ хлѣбъ ѣлъ, а чтобы она мой, чтобы она чувствовала. Но и бѣдной мнѣ тоже не нужно. Человѣкъ я хотя и со средствами, и хотя я женюсь не изъ интереса, а по любви, но нельзя мнѣ взять бѣдную, потому что, сами знаете, теперь все вздорожало и будутъ дѣти.

— Можно и съ приданымъ сыскать,—сказала сваха.

— Кушайте, покорнѣйше прошу..

Помолчали минутъ пять. Сваха вздохнула, искоса поглядѣла на кондуктора и спросила:

— Ну, а того, батюшка... по холостой части тебѣ не требуется? Хорошій есть товаръ. Одна французенка, а другая будетъ изъ гречанокъ. Очень стоящія.

Кондукторъ подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, благодарю васъ. Видя съ вашей стороны такое благорасположеніе, позвольте теперь спросить: сколько вы возьмете за ваши хлопоты насчетъ невѣсты?

— Мнѣ не много надо. Дадите четвертную и матерію на платье, какъ водится, и спасибо... А за приданое особо, это ужъ другой счетъ.

Стычкинъ скрестилъ на груди руки и сталъ молча думать. Подумавъ, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Это дорого...

— И нисколько не дорого, Николай Николаичъ! Прежде, бывало, когда свадебъ было много, брали и дешевле, а по нынѣшнему времени—какіе наши заработки? Ежели въ скоромный мѣсяцъ заработаешь двѣ четвертныхъ, и слава Богу. И то, батюшка, не на свадьбахъ наживаемъ.

Стычкинъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на сваху и пожалъ плечами.

— Гм!.. Да развѣ двѣ четвертныхъ мало?—спросилъ онъ.

— Стало-быть, мало! Въ прежнее время мы побольше ста добывали, случалось.

— Гм!.. Я никакъ не ожидалъ, чтобы такими дѣлами можно было зарабатывать такую сумму. Пятьдесятъ рублей! Не всякій мужчина столько получить! Кушайте, покорнѣйше прошу...

Сваха вышла и не поморщилась. Стычкинъ молча оглядѣлъ ее съ ногъ до головы и сказалъ:

— Пятьдесятъ рублей... Это, значить, шестьсотъ рублей въ годъ... Кушайте, покорнѣйше прошу... Съ такими, знаете ли, дивидентами вамъ, Любовь Григорьевна, не трудно и партію себѣ составить...

— Мнѣ-то?—засмѣялась сваха.—Я старая...

— Нисколько-съ... И комплекція у васъ этакая, и лицо полное, бѣлое, и все прочее.

Сваха сконфузилась. Стычкинъ тоже сконфузился и сѣлъ рядомъ съ ней.

— Вы еще весьма можете понравиться,—сказалъ онъ.— Ежели мужъ попадется вамъ положительный, степенный, бережливый, то при его жалованьи да съ вашимъ заработкомъ вы можете даже очень ему понравиться и проживете душа въ душу...

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Николай Николаичъ...

— Что жъ? Я ничего...

Наступило молчаніе. Стычкинъ началъ громко сморкаться, а сваха покраснѣлась и, стыдливо глядя на него, спросила:

— А вы сколько получаете, Николай Николаичъ?

— Я-съ? Семьдесятъ пять рублей, помимо наградныхъ... Кромѣ того, мы имѣемъ доходъ отъ стеариновыхъ свѣчей и зайцевъ.

— Охотой занимаетесь?

— Нѣтъ-съ, зайцами у насъ называются безбилетные пассажиры.

Прошла еще минута въ молчаніи. Стычкинъ поднялся и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Мнѣ молодой супруги не надо,—сказалъ онъ.—Я чело-вѣкъ пожилой и мнѣ нужна, которая такая... въ родѣ какъ бы вы... степенная и солидная... и въ родѣ вашей комплекціи...

— И Богъ знаетъ, что вы говорите... — захихикала сваха, закрывая платкомъ свое багровое лицо.

— Что жъ тутъ долго думать? Вы мнѣ по сердцу и для

меня вы подходящая въ вашихъ качествахъ. Человѣкъ я положительный, трезвый и, ежели вамъ нравлюсь, то... чего же лучше? Позвольте вамъ сдѣлать предложеніе!

Сваха прослезилась, засмѣялась и, въ знакъ своего согласія, чокнулась со Стычкинымъ.

— Ну-съ, — сказалъ счастливый оберъ-кондукторъ: — теперь позвольте вамъ объяснить, какого я желаю отъ васъ поведенія и образа жизни... Я человѣкъ строгій, солидный, положительный, обо всемъ благородно понимаю и желаю, чтобы моя жена была тоже строгая и понимала, что я для нея благодѣтель и первый человѣкъ.

Онъ сѣлъ и, глубоко вздохнувъ, сталъ излагать своей невѣстѣ взглядъ на семейную жизнь и обязанности жены.

МНОГО БУМАГИ.

(АРХИВНОЕ ИЗЫСКАНИЕ.)

«Имѣю честь покорнѣйше заявить 8-го сего декабря замѣчена болѣзнь на двухъ мальчикахъ, которые ребята пришедши объяснили что въ школѣ и прочіи ребята хворають глоткой жаръ и по всему тѣлу сыпь, ходять они въ Жаровскую земскую школу. *Ноября 19-го* дня 1885 г. Староста Ефимъ Кириловъ».

«М. В. Д. N—ская Уѣздная Земская Управа. Земскому Врачу Г. Радушному. Вслѣдствіе заявленія старосты села Курносова отъ 19-го ноября. предлагаю Вамъ, м. г., отправиться въ Курносово и озаботиться по правиламъ науки о скорѣйшемъ прекращеніи эпидеміи болѣзни, по всѣмъ признакамъ, скарлатины. Изъ названнаго заявленія явствуетъ, что заболѣванія начались въ Жаровской школѣ, на каковую и прошу обратить вниманіе. *4-го декабря* 1885 г. За предсѣдателя: С. Паркинъ».

«Г. Приставу 2-го стана N—скаго уѣзда. Вслѣдствіе отношенія уѣздной земской управы за № 102 отъ 4-го декабря, которое при семъ прилагаю, прошу Васъ, м. г., сдѣлать распоряженіе о закрытіи школы въ селѣ Жаровѣ впредь до прекращенія скарлатинной эпидеміи. *13-ю Декабря* 1885 г. Земскій врачъ Радушный».

«М. В. Д. Пристава 2-го стана N—скаго уѣзда. № 1011. Въ Жаровское земское училище. Земскій Врачъ Г. Радушный 13-го декабря сего года сообщилъ мнѣ, что въ селѣ Жаровѣ усмотрѣна имъ на дѣтяхъ эпидемія болѣзни скарлатины (или, какъ называютъ въ народѣ, дифтерита). Во избѣжаніе проявленія болѣе грустныхъ результатовъ отъ

упомянутой болѣзни, которая прогрессивно увеличивается, и озабочиваясь необходимостью принять установленныя закономъ мѣры къ предупрежденію и пресѣченію случаевъ развивающагося заболѣванія, я съ своей стороны поставленъ въ необходимость покорнѣйше просить: не признаете ли вы возможнымъ распустить учащихся въ Жаровской земской школѣ до время совершеннаго прекращенія свирѣпствующей болѣзни и о послѣдующемъ увѣдомить меня для дальнѣйшихъ распоряженій. *Января 2-го* дня 1886 года. Приставъ Подпрунинъ».

«Въ дирекцію народныхъ училищъ Х—ской губерніи. Г. Инспектору народныхъ училищъ. Учителя Жаровскаго училища Фортянскаго заявленіе. Честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Высокоблагородія, что вслѣдствіе отношенія г. Пристава 2-го стана за № 1011 отъ 2-го января, появилась въ селѣ Жаровѣ эпидемія скарлатины, о чемъ имѣю честь Васъ извѣстить. *12-го января* 1886 г. Учитель Фортянской».

«Г. Приставу 2-го стана Н—скаго уѣзда. Въ виду того, что скарлатинная эпидемія прекратилась уже мѣсяць тому назадъ, къ открытію временно закрытой школы въ селѣ Жаровѣ съ моей стороны препятствій не имѣется, о чемъ я уже два раза писалъ въ управу, а теперь Вамъ пишу и покорнѣйше прошу обращаться впредь съ вашими бумагами къ уѣздному врачу, съ меня же достаточно и одной земской управы. Я занятъ съ утра до вечера и у меня нѣтъ времени отвѣчать на всѣ Ваши канцелярскія измышленія. *26-го января*. Земскій врачъ Радушный».

«М. В. Д. Его Высокоблагородію Господину Н—скому Исправнику Пристава 2-го стана. Рапортъ. Имѣю честь препроводить при семъ отношеніе г. Земскаго Врача Радушнаго отъ 26 января за № 31 на предметъ разсмотрѣнія Вашего Высокоблагородія о преданіи суду лѣкаря Радушнаго за неумѣстныя и въ высшей степени оскорбительныя выраженія, употребленныя имъ въ офнціально-служебной бумагѣ, какъ-то: «канцелярскія измышленія». *8-го Февраля* дня 1886 г. Приставъ Подпрунинъ».

Изъ частнаго письма г. Исправника къ приставу 2-го стана: «Алексѣй Мануиловичъ, возвращаю Вамъ Вашъ рапортъ. Прекратите пожалуйста Ваши постоянныя неудовольствія съ докторомъ Радушнымъ. Такой антагонизмъ по

меньшей мѣрѣ неудобенъ въ положеніи полицейскаго чиновника, обязаннаго блюсти въ сношеніяхъ прежде всего тактъ и умѣренность. Что касается бумаги Радушнаго, то не нахожу въ ней ничего особеннаго. О скарлатинѣ въ с. Жаровѣ я уже слышалъ и въ ближайшемъ училищномъ совѣтѣ доложу о неправильныхъ дѣйствіяхъ учителя Фортянскаго, котораго считаю главнымъ виновникомъ всей этой непріятной переписки».

«М. Н. П. Инспекторъ народныхъ училищъ Х—ой губерніи, № 810. Г. Учителю Жаровскаго училища. На представленіе Ваше отъ 12-го января сего года, поставляю Васъ въ извѣстность, что уроки во ввѣренномъ Вамъ училищѣ должны быть немедленно прекращены и ученики распущены въ отвращеніе дальнѣйшаго распространенія скарлатины. Февраля 22-го дня 1886 г. Инспекторъ народныхъ училищъ И. Жилеткинъ».

По прочтеніи всѣхъ документовъ, относящихся къ эпидеміи въ селѣ Жаровѣ (а ихъ, кромѣ здѣсь напечатанныхъ, имѣется еще двадцать восемь), читателю станетъ понятнымъ многое изъ слѣдующаго описанія, помѣщеннаго въ 36 № Х—кихъ Губернскихъ Вѣдомостей:

...«покончивъ съ чрезмѣрною дѣтскою смертностью, перейдемъ теперь къ болѣе веселому и отрадному. Вчера, въ церкви св. Михаила Архистратига происходило торжественное бракосочетаніе дочери извѣстнаго бумажнаго фабриканта М. съ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ К. Вѣнчаніе совершалъ протоіерей о. Кліона Гвоздевъ въ сослуженіи съ прочимъ соборнымъ духовенствомъ. Пѣлъ хоръ Красноперова. Оба молодые сіяли красотой и молодостью. Говорятъ, что г. К. получаетъ въ приданое около миліона и, кромѣ того, еще имѣніе Благодушное съ конскимъ заводомъ и съ оранжереями, въ коихъ произрастаютъ ананасы и цвѣтущія пальмы, переносящія ваше воображеніе далеко на югъ. Молодые тотчасъ же послѣ вѣнца уѣхали за границу».

Какъ пріятно быть бумажнымъ фабрикантомъ!

СПРАВКА.

Быль полдень. Помѣщикъ Волдыревъ, высокій, плотный мужчина съ стриженной головой и съ глазами на выкатѣ, снялъ пальто, вытеръ шелковымъ платкомъ лобъ и несмѣло вошелъ въ присутствіе. Тамъ скрипѣли...

— Гдѣ здѣсь я могу навести справку?— обратился онъ къ швейцару, который несъ изъ глубины присутствія подносъ со стаканами.— Мнѣ нужно тутъ справиться и взять копію съ журнальнаго постановленія.

— Пожалуйте туда-съ! Вотъ къ энтому, что около окна сидитъ!— сказалъ швейцаръ, указавъ подносомъ на крайнее окно.

Волдыревъ кашлянулъ и направился къ окну. Тамъ за зеленымъ, пятнистымъ, какъ тифъ, столомъ сидѣлъ молодой человѣкъ съ четырьмя хохлами на головѣ, длиннымъ, угреватымъ носомъ и въ полиняломъ мундирѣ. Уткнувъ свой большой носъ въ бумагу, онъ писалъ. Около правой ноздри его гуляла муха, и онъ то и дѣло вытягивалъ нижнюю губу и дулъ себѣ подъ носъ, что придавало его лицу крайне озабоченное выраженіе.

— Могу ли я здѣсь... у васъ,— обратился къ нему Волдыревъ:— навести справку о моемъ дѣлѣ? Я Волдыревъ... И кстати же мнѣ нужно взять копію съ журнальнаго постановленія отъ второго марта.

Чиновникъ умокнулъ перо въ чернильницу и поглядѣлъ, не много ли онъ набралъ? Убѣдившись, что перо не капнетъ, онъ заскрипѣлъ. Губа его вытянулась, но дуть уже не нужно было: муха сѣла на ухо.

— Могу ли я навести здѣсь справку?—повторилъ черезъ минуту Волдыревъ.—Я Волдыревъ, землевладѣлецъ...

— Иванъ Алексѣичъ!—крикнулъ чиновникъ въ воздухъ, какъ бы не замѣчая Волдырева.—Скажешь купцу Яликову, когда придетъ, чтобы копію съ заявленія въ полицію засвидѣтельствовалъ! Тысячу разъ говорилъ ему!

— Я относительно тяжбы моей съ наслѣдниками княгини Гугулиной,—пробормоталъ Волдыревъ.—Дѣло извѣстное. Убѣдительно васъ прошу заняться мною.

Все не замѣчая Волдырева, чиновникъ поймалъ на губѣ муху, посмотрѣлъ на нее со вниманіемъ и бросилъ. Помѣщикъ кашлянулъ и громко высморкался въ свой клѣтчатый платокъ. Но и это не помогло. Его продолжали не слышать. Минуты двѣ длилось молчаніе. Волдыревъ вынулъ изъ кармана рублевую бумажку и положилъ ее передъ чиновникомъ на раскрытую книгу. Чиновникъ сморщилъ лобъ, потянулъ къ себѣ книгу съ озабоченнымъ лицомъ и закрылъ ее.

— Маленькую справочку... Мнѣ хотѣлось бы только узнать, на какомъ такомъ основаніи наслѣдники княгини Гугулиной... Могу ли я васъ побезпокоить?

А чиновникъ, занятый своими мыслями, всталъ и, почесывая локоть, пошелъ зачѣмъ-то къ шкапу. Возвратившись черезъ минуту къ своему столу, онъ опять занялся книгой: на ней лежала рублевка.

— Я побезпокою васъ на одну только минуту... Мнѣ справочку сдѣлать, только...

Чиновникъ не слышалъ; онъ сталъ что-то переписывать.

Волдыревъ поморщился и безнадежно поглядѣлъ на всю скрипѣвшую братію.

«Пишутъ! — подумалъ онъ, вздыхая.— Пишутъ, чтобы чортъ ихъ взялъ совсѣмъ!»

Онъ отошелъ отъ стола и остановился среди комнаты, безнадежно опустивъ руки. Швейцаръ, опять проходившій со стаканами, замѣтилъ, вѣроятно, безпомощное выраженіе на его лицѣ, потому что подошелъ къ нему совсѣмъ близко и спросилъ тихо:

— Ну, что? Справлялись?

— Справлялся, но со мной говорить не хотятъ.

— А вы дайте ему три рубля...—шеннулъ швейцаръ.

— Я уже далъ два.

— А вы еще дайте.

Волдыревъ вернулся къ столу и положилъ на раскрытѣ книгу зеленую бумажку.

Чиновникъ снова потянулъ къ себѣ книгу и занялся перелистываніемъ, и вдругъ, какъ бы нечаянно, поднялъ глаза на Волдырева. Носъ его залоснился, покраснѣлъ и поморщился улыбкой.

— Ахъ... что вамъ угодно?—спросилъ онъ.

— Я хотѣлъ бы навести справку относительно моего дѣла... Я Волдыревъ.

— Очень пріятно-съ! По Гугулинскому дѣлу-съ? Очень хорошо-съ! Такъ вамъ что же, собственно говоря?

Волдыревъ изложилъ ему свою просьбу.

Чиновникъ ожилъ, точно его подхватилъ вихрь. Онъ далъ справку, распорядился, чтобы написали копію, подалъ просящему стулъ—и все это въ одно мгновеніе. Онъ даже поговорилъ о погодѣ и спросилъ насчетъ урожая. И когда Волдыревъ уходилъ, онъ провожалъ его внизъ по лѣстницѣ, привѣтливо и почтительно улыбаясь и дѣлая видъ, что онъ каждую минуту готовъ передъ просителемъ пасть ницъ. Волдыреву почему-то стало неловко и, повинуясь какому-то внутреннему влеченію, онъ досталъ изъ кармана рублевку и подалъ ее чиновнику. А тотъ все кланялся и улыбался, и принялъ рублевку, какъ фокусникъ, такъ что она только промелькнула въ воздухѣ...

«Ну, люди!»... — подумалъ помѣщикъ, выйдя на улицу, остановился и вытеръ лобъ платкомъ.

ЗНАКОМЫЙ МУЖЧИНА.

Прелестнѣйшая Ванда или, какъ она называлась въ паспортѣ, почетная гражданка Настасья Канавкина, выписавшись изъ больницы, очутилась въ положеніи, въ какомъ она раньше никогда не бывала: безъ пріюта и безъ копейки денегъ. Какъ быть?

Она первымъ дѣломъ отправилась въ ссудную кассу и заложила тамъ кольцо съ бирюзой—единственную свою драгоценность. Ей дали за кольцо рубль, но... что купишь за рубль? За эти деньги не купишь ни модной, короткой кофточки, ни высокой шляпы, ни туфель бронзоваго цвѣта, а безъ этихъ вещей она чувствовала себя точно голой. Ей казалось, что не только люди, но даже лошади и собаки глядятъ на нее и смѣются надъ простотой ея платья. И думала она только о платьѣ, вопросъ же о томъ, чтò она будетъ ѣсть и гдѣ будетъ ночевать, не тревожилъ ея ни сколько.

«Хоть бы мужчину знакомаго встрѣтить...—думала она.— Я взяла бы денегъ... Миѣ ни одинъ не откажетъ, потому что...»

Но знакомые мужчины не встрѣчались. Ихъ не трудно встрѣтить вечеромъ въ Ренесансѣ, но въ Ренесансѣ не пустякъ въ этомъ простомъ платьѣ и безъ шляпы. Какъ быть? Послѣ долгаго томленія, когда уже надоѣло и ходить, и сидѣть, и думать, Ванда рѣшила пуститься на послѣднее средство: сходить къ какому-нибудь знакомому мужчинѣ прямо на квартиру и попросить денегъ.

«Къ кому бы сходить? — размышляла она. — Къ Мишѣ нельзя — семейный... Рыжій старикъ теперь на службѣ»...

Ванда вспомнила о зубномъ врачѣ Финкелѣ, выкрестѣ, который мѣсяца три назадъ подарилъ ей браслетъ и которому она однажды за ужиномъ въ нѣмецкомъ клубѣ вылила на голову стаканъ пива. Вспомнивъ про этого Финкеля, она ужасно обрадовалась.

«Онъ навѣрное дастъ, лишь бы только мнѣ дома его застать... — думала она, идя къ нему. — А не дастъ, такъ я у него тамъ всѣ лампы перебью».

Когда она подходила къ двери зубного врача, у нея уже былъ готовъ планъ: она со смѣхомъ взбѣжитъ по лѣстницѣ, влетитъ къ врачу въ кабинетъ и потребуетъ 25 рублей... Но когда она взялась за звонокъ, этотъ планъ какъ-то самъ собою вышелъ изъ головы. Ванда вдругъ начала трусить и волноваться, чего съ ней раньше никогда не бывало. Она бывала смѣла и нахальна только въ пьяныхъ компаніяхъ, теперь же, одѣтая въ обыкновенное платье, очутившись въ роли обыкновенной просительницы, которую могутъ не принять, она почувствовала себя робкой и приниженой. Ей стало стыдно и страшно.

«Можетъ-быть, онъ ужъ забылъ про меня... — думала она, не рѣшаясь дернуть за звонокъ. — И какъ я пойду къ нему въ такомъ платьѣ? Точно нищая или мѣщанка какая-нибудь»...

И нерѣшительно позвонила.

За дверью послышались шаги; это былъ швейцаръ.

— Докторъ дома? — спросила она.

Теперь ей пріятнѣе было бы, если бы швейцаръ сказалъ «нѣтъ», но тотъ, вмѣсто отвѣта, впустилъ ее въ переднюю и снялъ съ нея пальто. Лѣстница показалась ей роскошной, великолѣпной, но изъ всей роскоши ей прежде всего бросилось въ глаза большое зеркало, въ которомъ она увидѣла оборвашку безъ высокой шляпы, безъ модной кофточки и безъ туфель бронзоваго цвѣта. И Вандѣ казалось страннымъ, что теперь, когда она была бѣдно одѣта и походила на швейку или прачку, въ ней появился стыдъ и ужъ не было ни наглости, ни смѣлости, и въ мысляхъ она называла себя уже не Вандой, а какъ раньше, Настей Канавкиной...

— Пожалуйста! — сказала горничная, провожая ее въ кабинетъ. — Докторъ сейчасъ... Садитесь.

Ванда опустила въ мягкое кресло.

«Такъ и скажу: дайте взаймы!—думала она.— Это прилично, потому что, вѣдь, онъ знакомъ со мной. Только вотъ если бь горничная вышла отсюда. При горничной неловко... И зачѣмъ она тутъ стоитъ?»

Минуть черезъ пять отворилась дверь, и вошелъ Финкель, высокій, черномазый выкрестъ съ жирными щеками и съ глазами на выкатѣ. Щеки, глаза, животъ, толстыя бедра — все это у него было такъ сыто, противно, сурово. Въ Ренессансѣ и въ нѣмецкомъ клубѣ онъ обыкновенно бывалъ навеселѣ, много тратилъ тамъ на женщинъ и терпѣливо сносилъ ихъ шутки (напримѣръ, когда Ванда вылила ему на голову пиво, то онъ только улыбнулся и погрозилъ пальцемъ); теперь же онъ имѣлъ хмурый, сонный видъ и глядѣлъ важно, холодно, какъ начальникъ, и что-то жевалъ.

— Что прикажете?—спросилъ онъ, не глядя на Ванду.

Ванда поглядѣла на серьезное лицо горничной, на сытую фигуру Финкеля, который, повидимому, не узнавалъ ея, и покраснѣла...

— Что прикажете? — повторилъ зубной врачъ уже съ раздраженіемъ.

— Зу... зубы болятъ...—прошептала Ванда.

— Ага... Какіе зубы? Гдѣ?

Ванда вспомнила, что у нея есть одинъ зубъ съ дупломъ.

— Внизу направо...—сказала она.

— Гм!.. Раскрывайте ротъ.

Финкель нахмурился, задержалъ дыханіе и сталъ разсматривать больной зубъ.

— Больно? — спросилъ онъ, ковыряя въ зубѣ какой-то желѣзкой.

— Больно...—солгала Ванда.—«Напомнить ему,—думала она,— такъ онъ навѣрное бы узналъ... Но... горничная! Зачѣмъ она тутъ стоитъ?»

Финкель вдругъ засопѣлъ, какъ паровозъ, прямо ей въ ротъ и сказалъ:

— Я не совѣтую вамъ плюмбуровать его... Изъ етова зуба вамъ никакого пользы, все равно.

Поковырявъ еще немножко въ зубѣ и опачкавъ губы и десны Ванды табачными пальцами, онъ опять задержалъ дыханіе и полѣзъ ей въ ротъ съ чѣмъ-то холоднымъ...

Ванда вдруг почувствовала страшную боль, вскрикнула и схватила за руку Финкеля.

— Ничего, ничего...—бормотал онъ.—Вы не пугайтесь... Изъ этимъ зубомъ вамъ все равно мало толку. Надо быть храброй.

И табачные, окровавленные пальцы поднесли къ ея глазамъ вырванный зубъ, а горничная подошла и подставила къ ея рту чашку.

— Дома вы холодной водой ротъ полоскайте...—сказалъ Финкель:—и тогда кровь остановится...

Онъ стоялъ передъ ней въ позѣ человѣка, который ждетъ, когда же, наконецъ, уйдутъ, оставяъ его въ покоѣ...

— Прощайте...—сказала она, поворачиваясь къ двери.

— Гм!.. А кто же мнѣ заплатитъ за работу?—спросилъ смѣющимся голосомъ Финкель.

— Ахъ, да... —вспомнила Ванда, покраснѣла и подала выкресту рубль, вырученный ею за кольцо съ бирюзой.

Выйдя на улицу, она чувствовала еще большій стыдъ, чѣмъ прежде, но теперь ужъ ей было стыдно не бѣдности. Она уже не замѣчала, что на ней нѣтъ высокой шляпы и модной кофточки. Шла она по улицѣ, плевала кровью, и каждый красный плевокъ говорилъ ей объ ея жизни, не хорошей, тяжелой жизни, о тѣхъ оскорбленіяхъ, какія она переносила и еще будетъ переносить завтра, черезъ недѣлю, черезъ годъ—всю жизнь, до самой смерти...

— О, какъ это страшно!—шептала она.—Какъ ужасно, Боже мой!

Впрочемъ, на другой день она уже была въ Ренесансѣ и танцевала тамъ. На ней была новая громадная, красная шляпа, новая модная кофточка и туфли бронзоваго цвѣта. И ужиномъ угощаль ея молодой купецъ, пріѣзжій изъ Казани.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОМОЩНИКА БУХГАЛТЕРА.

1863 г. Май, 11. Нашъ шестидесятилѣтній бухгалтеръ Глоткинъ пилъ молоко съ коньякомъ по случаю кашля и заболѣлъ по сему случаю бѣлою горячкой. Доктора, со свойственною имъ самоувѣренностью, утверждаютъ, что завтра помретъ. Наконецъ—таки я буду бухгалтеромъ! Это мѣсто мнѣ уже давно обѣщано.

Секретарь Клещевъ пойдетъ подъ судъ за нанесеніе побоевъ просителю, назвавшему его бюрократомъ. Это, повидимому, рѣшено.

Принималъ декоктъ отъ катара желудка.

1865 г. Августъ, 3. У бухгалтера Глоткина опять заболѣла грудь. Сталъ кашлять и пить молоко съ коньякомъ. Если помретъ, то мѣсто останется за мной. Питаю надежду, но слабую, ибо, повидимому, бѣлая горячка не всегда смертельна!

Клещевъ вырвалъ у армянина вексель и порвалъ. Пожалуй, дѣлю до суда дойдетъ.

Одна старушка (Гурьевна) вчера говорила, что у меня не катаръ, а скрытый геморрой. Очень можетъ быть!

1867 г. Июнь, 30. Въ Аравіи, пишутъ, холера. Быть-можетъ, въ Россію придетъ, и тогда откроется много вакансій. Быть-можетъ, старикъ Глоткинъ помретъ и я получу мѣсто бухгалтера. Живучъ человекъ! Жить такъ долго, по-моему, даже предосудительно.

Что бы такое отъ катара принять? Не принять ли цитварнаго сѣмени?

1870 г. Январь, 2. Во дворѣ Глоткина всю ночь выла собака. Моя кухарка Целагея говоритъ, что это вѣрная примѣта, и мы съ нею до двухъ часовъ ночи говорили о томъ, какъ я, ставши бухгалтеромъ, куплю себѣ енотовую шубу и шлафрокъ. И пожалуй женюсь. Конечно, не на дѣвушкѣ—это мнѣ не по годамъ, а на вдовѣ.

Вчера Клещевъ выведенъ былъ изъ клуба за то, что вслухъ неприличный анекдотъ рассказывалъ и смѣялся надъ патриотизмомъ члена торговой депутаціи Понюхова. Последній, какъ слышно, подаетъ въ судъ.

Хочу съ катаромъ къ доктору Боткину сходить. Говорятъ, хорошо лѣчить...

1878 г. Июнь, 4. Въ Ветлянкѣ, пишутъ, чума. Народъ такъ и валится, пишутъ. Глоткинъ пьетъ по этому случаю перцовку. Ну, такому старику едва ли поможетъ перцовка. Если придетъ чума, то ужъ навѣрное я буду бухгалтеромъ.

1883 г. Июнь, 4. Умираетъ Глоткинъ. Былъ у него и со слезами просилъ прощенія за то, что смерти его съ нетерпѣніемъ ждалъ. Простилъ со слезами великодушно и посоветовалъ мнѣ употреблять отъ катара желудевый кофій.

А Клещевъ опять едва не угодилъ подъ судъ: заложилъ еврею взятый напрокатъ фортепянь. И несмотря на все это, имѣетъ уже Станислава и чинъ коллежскаго асессора. Удивительно, что творится на этомъ свѣтѣ!

Инбиря 2 золотника, калгана 1½ зол., острой водки 1 зол., семиратней крови 5 зол.; все смѣшавъ, настоять на штофѣ водки и принимать отъ катара натошакъ по рюмкѣ.

Того же года. Июнь, 7. Вчера хоронили Глоткина. Увы! Не въ пользу мнѣ смерть сего старца! Снятся мнѣ по ночамъ въ бѣлой хламидѣ и киваетъ пальцемъ. И, о горе, горе мнѣ, окаянному: бухгалтеръ не я, а Чаликовъ. Получилъ это мѣсто не я, а молодой человекъ, имѣющій протекцію отъ тетки генеральши. Пропали всѣ мои надежды!

1886 г. Июнь, 10. У Чаликова жена сбѣжала. Тоскуетъ, бѣдный. Можетъ-быть, съ горя руки на себя наложить. Ежели наложить, то я—бухгалтеръ. Объ этомъ уже разговоръ. Значить, надежда еще не потеряна, жить можно и, пожалуй, до енотовой шубы уже недалеко. Что же касается женитьбы, то я не прочь. Отчего не жениться, ежели представится хорошій случай, только нужно посоветоваться съ кѣмъ-нибудь; это шагъ серьезный.

Клещевъ обмѣнялся калошами съ тайнымъ совѣтникомъ Лирмансомъ. Скандалъ!

Швейцаръ Паисій посоветовалъ отъ катара сулему употреблять. Попробую.

ЗЛОЙ МАЛЬЧИКЪ.

Иванъ Ивановичъ Лапкинъ, молодой человекъ пріятной наружности, и Анна Семеновна Замблицкая, молодая дѣвушка со вздернутымъ носикомъ, спустились внизъ по крутому берегу и усѣлись на скамеечкѣ. Скамеечка стояла у самой воды, между густыми кустами молодого ивняка. Чудное мѣстечко! Сѣли вы тутъ, и вы скрыты отъ міра—видятъ васъ одни только рыбы да пауки-плауны, молніей бѣгающіе по водѣ. Молодые люди были вооружены удочками, сачками, банками съ червями и прочими рыболовными принадлежностями. Усѣвшись, они тотчасъ же принялись за рыбную ловлю.

— Я радъ, что мы, наконецъ, одни,—началъ Лапкинъ, оглядываясь.—Я долженъ сказать вамъ многое, Анна Семеновна... Очень многое... Когда я увидѣлъ васъ въ первый разъ... У васъ клюетъ... Я понялъ тогда, для чего я живу, понялъ, гдѣ мой кумирь, которому я долженъ посвятить свою честную, трудовую жизнь... Это, должно-быть, большая... клюетъ... Увидя васъ, я полюбилъ впервые, полюбилъ страстно! Подождите дергать... пусть лучше клюетъ... Скажите мнѣ, моя дорогая, заклинаю васъ, могу ли я рассчитывать—не на взаимность, нѣтъ!—этого я не стою, я не смѣю даже помыслить объ этомъ,—могу ли я рассчитывать на... Тащите!

Анна Семеновна подняла вверхъ руку съ удищемъ, рванула и вскрикнула. Въ воздухѣ блеснула серебристо-зеленая рыбка.

— Боже мой, окунь! Ай, ахъ... Скорѣй! Сорвался!

Окунь сорвался съ крючка, запрыгалъ по травкѣ къ родной стихіи и... бутыхъ въ воду!

Въ погонѣ за рыбой Лапкинъ, вмѣсто рыбы, какъ-то нечаянно схватилъ руку Анны Семеновны, нечаянно прижалъ ее къ губамъ... Та отдернула, но уже было поздно: уста нечаянно слились въ поцѣлуй. Это вышло какъ-то нечаянно. За поцѣлуемъ слѣдовалъ другой поцѣлуй, затѣмъ клятвы, увѣренія... Счастливыя минуты! Впрочемъ, въ этой земной жизни нѣтъ ничего абсолютно-счастливаго. Счастливое обыкновенно носить отраву въ себѣ самомъ или же отравляется чѣмъ-нибудь извнѣ. Такъ и на этотъ разъ. Когда молодые люди цѣловались, вдругъ послышался смѣхъ. Они взглянули на рѣку и обомлѣли: въ водѣ по поясъ стоялъ голый мальчикъ. Это былъ Коля, гимназистъ, братъ Анны Семеновны. Онъ стоялъ въ водѣ, глядѣлъ на молодыхъ людей и ехидно улыбался.

— А-а-а... вы цѣлуетесь?—сказалъ онъ.—Хорошо же! Я скажу мамашѣ.

— Надѣюсь, что вы, какъ честный человѣкъ...—забормоталъ Лапкинъ, краснѣя.—Подсматривать подло, а пересказывать низко, гнусно и мерзко... Полагаю, что вы, какъ честный и благородный человѣкъ...

— Дайте рубль, тогда не скажу!—сказалъ благородный человѣкъ.—А то скажу.

Лапкинъ вынулъ изъ кармана рубль и подаль его Колѣ. Тотъ схватилъ рубль въ мокромъ кулакѣ, свистнулъ и поплылъ. И молодые люди на этотъ разъ уже больше не цѣловались.

На другой день Лапкинъ привезъ Колѣ изъ города краски и мячикъ, а сестра подарила ему всѣ свои коробочки изъ-подъ пилюль. Потомъ пришлось подарить и запонки съ собачьими мордочками. Злому мальчику, очевидно, все это очень нравилось, и, чтобы получить еще больше, онъ сталъ наблюдать. Куда Лапкинъ съ Анной Семеновной, туда и онъ. Ни на минуту не оставлялъ ихъ однихъ.

— Подлецъ!—скрежеталъ зубами Лапкинъ.—Какъ малъ, и какой уже большой подлецъ! Чтѣ же изъ него дальше будетъ?!

Весь іюнь Коля не давалъ житья бѣднымъ влюбленнымъ. Онъ грозилъ доносомъ, наблюдалъ и требовалъ подарковъ; и ему все было мало, и въ концѣ концовъ онъ сталъ пого-

варивать о карманныхъ часахъ. И что же? Пришлось пообщать часы.

Какъ-то разъ за обѣдомъ, когда подали вафли, онъ вдругъ захохоталъ, подмигнувъ однимъ глазомъ и спросилъ у Лапкина:

— Сказать? А?

Лапкинь страшно покраснѣлъ и зажевалъ вмѣсто вафли салфетку. Анна Семеновна вскочила изъ-за стола и убѣжала въ другую комнату.

И въ такомъ положеніи молодые люди находились до конца августа, до того самаго дня, когда, наконецъ, Лапкинь сдѣлалъ Аннѣ Семеновнѣ предложеніе. О, какой это былъ счастливый день! Поговоривши съ родителями невѣсты и получивъ согласіе, Лапкинь прежде всего побѣжалъ въ садъ и принялся искать Колю. Найдя его, онъ чуть не зарыдалъ отъ восторга и схватилъ злого мальчика за ухо. Подбѣжала Анна Семеновна, тоже искавшая Колю, и схватила за другое ухо. И нужно было видѣть, какое наслажденіе было написано на лицахъ у влюбленныхъ, когда Коля плакалъ и умолялъ ихъ:

— Миленькіе, славненькіе, голубчики, не буду! Ай, ай, простите!

И потомъ оба они сознавались, что за все время, пока были влюблены другъ въ друга, оня ни разу не испытывали такого счастья, такого захватывающаго блаженства, какъ въ тѣ минуты, когда драли злого мальчика за уши.

ТО БЫЛА ОНА!

— Расскажите намъ что-нибудь, Петръ Ивановичъ: — сказали дѣвицы.

Полковникъ покрутилъ свой сѣдой усъ, крикнулъ и началъ:

— Это было въ 1843 году, когда нашъ полкъ стоялъ подъ Ченстоховымъ. А надо вамъ замѣтить, сударыни мои, зима въ томъ году стояла лютая, такъ что не проходило ни одного дня, чтобы часовые не отмораживали себѣ носовъ, или вьюга не засыпала бы снѣгомъ дорогъ. Трескучій морознице какъ сталъ въ концѣ октября, такъ и продержался вплоть до самаго апрѣля. Въ тѣ поры, надо вамъ замѣтить, я не выглядѣлъ такимъ старымъ, прокопченнымъ чубукомъ, какъ теперь, а былъ, можете себѣ представить, молодець-молодцомъ, кровь съ молокомъ, красавецъ-мужчина, однимъ словомъ. Франтилъ я, какъ павлинъ, сорилъ деньгами направо и налево и закручивалъ свои усы, какъ ни одинъ прапорщикъ въ свѣтѣ. Бывало, стоило мнѣ только моргнуть глазомъ, звякнуть шпорой и крутнуть усъ—и самая гордая красавица обращалась въ послушнаго ягненка. Жаденъ я былъ до женщинъ, какъ паукъ до мухъ, и если бы, сударыни мои, я сталъ сейчасъ перечислять вамъ полячекъ и жидовочекъ, которыя въ свое время висли на моей шеѣ, то, смѣю васъ увѣрить, въ математикѣ не хватило бы чиселъ... Прибавьте ко всему этому, что я состоялъ полковымъ адъютантомъ, отлично танцевалъ мазурку и былъ женатъ на прехорошенькой женщинѣ, упокой Господи ея душу. А какой я былъ сорванецъ, буйная головушка, вы и представить себѣ не можете. Если изъ уѣздѣ случалась какая-ни-

будь амурная кувырколлегія, если кто-нибудь вырываетъ жиду пейсы, или билъ по мордасамъ шляхтича, то такъ и знали, что это подпоручикъ Вывертовъ натворилъ.

Въ качествѣ адъютанта, мнѣ много приходилось рыскать по уѣзду. То я ѣздилъ овесъ или сѣно покупать, то продавалъ жидамъ и панамъ бракованныхъ лошадей, а чаще всего, сударыни мои, подъ видомъ службы, скакалъ къ панночкамъ на рандеву, или къ богатымъ помѣщикамъ поиграть въ картишки... Въ ночь подъ Рождество, какъ теперь помню, я ѣхалъ изъ Ченстохова въ деревню Швелки, куда послали меня по служебнымъ надобностямъ. Погода была, я вамъ доложу, нестершимая... Морозъ трещалъ и сердился, такъ что даже лошади кричали, а я и мой возница въ какіе-нибудь полчаса обратились въ двѣ сосульки... Съ морозомъ еще можно мириться, куда ни шло, но представьте себѣ, на подорогѣ вдругъ поднялась метель. Бѣлый саванъ закружился, завертѣлся, какъ чортъ передъ заутреней, вѣтеръ застоналъ, точно у него жену отняли, дорога исчезла... Не больше, какъ въ десять минутъ, меня, возницу и лошадей облѣпило снѣгомъ.

— Ваше благородіе, мы съ дороги сбились! — говоритъ возница.

— Ахъ, чортъ возьми! Что же ты, болванъ, глядѣлъ? Ну, поѣзжай прямо, авось наткнемся на жилье!

Ну-съ, ѣхали мы, ѣхали, кружились-кружились, и этакъ къ полночи наши кони уперлись въ ворота имѣнія, какъ теперь помню, графа Боядловскаго, богатаго поляка. Поляки и жида для меня все равно, что хрѣнь послѣ обѣда, но, надо правду сказать, шляхта гостепримный народъ, и нѣтъ горячѣй женщинъ, какъ панночки...

Насъ впустили... Самъ графъ Боядовскій жилъ въ ту пору въ Парижѣ, и насъ принялъ его управляющій, полякъ Казимиръ Хапчинскій. Помню, не прошло и часа, какъ я уже сидѣлъ во флигелѣ управляющаго, миндальничалъ съ его женой, пилъ и игралъ въ карты. Выигравъ пять червонцевъ и напившись, я попросился спать. За немѣніемъ мѣста во флигелѣ, мнѣ отвели комнату въ графскихъ комнатахъ.

— Вы не боитесь привидѣній?—спросилъ управляющій, вводя меня въ небольшую комнату, прилегающую къ громадной пустой залѣ, полной холода и потемокъ.

— А развѣ тутъ есть привидѣнія?—спросилъ я, слушая, какъ глухое эхо повторяетъ мои слова и шаги.

— Не знаю,—засмѣялся полякъ:—но мнѣ кажется, что это мѣсто самое подходящее для привидѣній и нечистыхъ дѣховъ.

Я хорошо заложилъ за галстукъ и былъ нѣанъ, какъ сорокъ тысячъ сапожниковъ, но, признаться, отъ такихъ словъ меня обдало холодкомъ. Чортъ побери, лучше сотня черкесовъ, чѣмъ одно привидѣніе! Но дѣлать было нечего, я раздѣлся и легъ... Моя свѣчка освѣщала стѣны еле-еле, а на стѣнахъ, можете себѣ представить, портреты предковъ, одинъ страшнѣе другого, старинное оружіе, охотничьи рога и прочая фантазмагорія... Тишина стояла, какъ въ могилѣ, только въ сосѣдней залѣ шуршали мыши и потрескивала разохшаяся мебель. А за окномъ творилось что-то адское... Вѣтеръ отпѣвалъ кого-то, деревья гнулись съ воемъ и плачемъ; какая-то чертовщина, должно-быть, ставня, жалобно скрипѣла и стучала по оконной рамѣ. Прибавьте ко всему этому, что у меня кружилась голова, а съ головой и весь міръ... Когда я закрывалъ глаза, мнѣ казалось, что моя кровать носилась по всему пустому дому и играла въ чехарду съ духами. Чтобы уменьшить свой страхъ, я первымъ долгомъ потушилъ свѣчу, такъ какъ пустующія комнаты при свѣтѣ гораздо страшнѣй, чѣмъ въ потемкахъ...

Три дѣвицы, слушавшія полковника, придвинулись поближе къ рассказчику и уставились на него неподвижными глазами.

— Ну-съ, — продолжалъ полковникъ: — какъ я ни старался уснуть, сонъ бѣжалъ отъ меня. То мнѣ казалось, что воры лѣзутъ въ окно, то слышался чей-то шопотъ, то кто-то касался моего плеча—вообще чудилась чертовщина, какая знакома всякому, кто когда-нибудь находился въ нервномъ напряженіи. Но можете себѣ представить, среди чертовщины и хаоса звуковъ я явственно различаю звукъ, похожій на шлепанье туфель. Прислушиваюсь—и что бы вы думали?—слышу я, кто-то подходитъ къ моей двери, кашляетъ и отворяетъ ее...

— Кто здѣсь?—спрашиваю я, поднимаясь.

— Это я... не бойся!—отвѣчаетъ женскій голосъ.

Я направился къ двери... Прошло нѣсколько секундъ, и

я почувствовалъ, какъ двѣ женскія ручки, мягкія, какъ гагачій пухъ, легли мнѣ на плечи.

— Я люблю тебя... Ты для меня дороже жизни, — сказали женскій мелодическій голосокъ.

Горячее дыханіе коснулось моей щеки... Забывъ про метель, про дѣховъ, про все на свѣтѣ, я обхватилъ рукой талію... и какую талію! Такія таліи природа можетъ изготовлять только по особому заказу, разъ въ десять лѣтъ... Тонкая, точно выточенная, горячая, эфемерная, какъ дыханіе младенца! Я не выдержалъ, крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ... Уста наши слились въ крѣпкій, продолжительный поцѣлуй и... клянусь вамъ всѣми женщинами въ мірѣ, я до могилы не забуду этого поцѣлуя.

Полковникъ умолкъ, выпилъ полстакана воды и продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Когда на другой день я выглянулъ въ окно, то увидѣлъ, что метель стала еще больше... Ъхать не было никакой возможности. Пришлось весь день сидѣть у управляющаго, играть въ карты и пить. Вечеромъ я опять былъ въ пустомъ домѣ, и ровно въ полночь я опять обнималъ знакомую талію... Да, барышни, если бъ не любовь, оклолѣлъ бы я тогда отъ скуки. Спился бы, пожалуй.

Полковникъ вздохнулъ, поднялся и молча заходилъ по гостиной.

— Но... что же дальше?—спросила одна изъ барышень, замирая отъ ожиданія.

— Ничего. На слѣдующій день я былъ уже въ дорогѣ.

— Но... кто же была та женщина?—спросили нерѣшительно барышни.

— Понятно, кто!

— Ничего не понятно...

— Это была моя жена!

Всѣ три барышни вскочили, точно ужаленныя.

— То-есть... какъ же такъ?—спросили онѣ.

— Ахъ, Господи, что же тутъ непонятнаго? — сказалъ полковникъ съ досадой и пожалъ плечами. — Вѣдь я, кажется, достаточно ясно выражался! Ъхалъ я въ Швелки съ женой... Ночевала она въ пустомъ домѣ, въ сосѣдней комнатѣ... Очень ясно!

— Мм...—проговорили барышни, разочарованно опуская руки. — Начали хорошо, а кончили Богъ знаетъ какъ,

Жена... Извините, но это даже не интересно и... нисколько не умно.

— Странно! Значить, вамъ хотѣлось бы, чтобъ это была не моя законная жена, а какая-нибудь посторонняя женщина! Ахъ, барышни, барышни! Если вы теперь такъ рассуждаете, то что же вы будете говорить, когда повыходите замужъ?

Барышни сконфузились и замолчали. Онѣ надулись, нахмурились и, совсѣмъ разочарованныя, стали громко зѣвать... За ужиномъ онѣ ничего не ѣли, катали изъ хлѣба шарики и молчали.

— Нѣтъ, это даже... безсовѣстно! — не выдержала одна изъ нихъ.—Зачѣмъ же было рассказывать, если такой конецъ? Ничего хорошаго въ этомъ рассказѣ нѣтъ... Даже дико!

— Начали такъ заманчиво и... вдругъ оборвали... — добавила другая.—Насмѣшка, и больше ничего.

— Ну, ну, ну... я пошутилъ... — сказалъ полковникъ.— Не сердитесь, барышни, я пошутилъ. То была не моя жена, а жена управляющаго...

— Да?!

Барышни вдругъ повеселѣли, глазки ихъ засверкали... Онѣ придвинулись къ полковнику и, подливая ему вина, засыпали его вопросами. Скука исчезла, исчезъ скоро и ужинъ, такъ какъ барышни стали кушать съ большимъ аппетитомъ.

ИНТРИГИ.

- a) Выборъ предсѣдателя Общества.
- b) Обсужденіе инцидента 2-го октября.
- c) Рефератъ дѣйствит. члена д-ра М. Н. фонъ-Брона.
- d) Текущія дѣла Общества.

Докторъ Шелестовъ, виновникъ инцидента 2-го октября, собирается на это засѣданіе; онъ давно уже стоитъ передъ зеркаломъ и старается придать своей фізіономіи томное выраженіе. Если онъ сейчасъ явится на засѣданіе съ лицомъ взволнованнымъ, напряженнымъ, краснымъ или слишкомъ блѣднымъ, то его враги могутъ вообразить, что онъ придаетъ большое значеніе ихъ интригамъ; если же его лицо будетъ холодно, безстрастно, какъ бы заспанно, такое лицо, какое бываетъ у людей, стоящихъ выше толпы и утомленныхъ жизнью, то всѣ враги, взглянувъ на него, втайнѣ проникнутся уваженіемъ и подумаютъ:

«Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова стопа!»

Какъ человѣкъ, котораго мало интересуютъ враги и ихъ дразни, онъ придетъ на засѣданіе позже всѣхъ. Онъ войдетъ въ залу безшумно, томно проведетъ рукой по волосамъ и, не поглядѣвъ ни на кого, сядетъ у самаго краешка стола. Принявъ позу скучающаго слушателя, онъ чуть замѣтно зѣвнетъ, потянетъ къ себѣ какую-нибудь газету, начнетъ читать... Всѣ будутъ говорить, спорить, кипятиться, и зывать другъ друга къ порядку, а онъ будетъ молчать и смотреть въ газету. Но вотъ, наконецъ, когда его имя станетъ повторяться все чаще и чаще и жгучій вопросъ накалится

до-бѣла, онъ подниметь скучающіе, утомленные глаза на коллегъ и скажетъ, какъ бы нехотя:

— Меня вынуждаютъ говорить... Я не готовился, господа, а потому простите, моя рѣчь будетъ недостаточно складна. Начну ab ovo... Въ прошломъ засѣданіи нѣкоторые уважаемые товарищи заявили, что я веду себя на консилиумахъ не такъ, какъ имъ хочется, и потребовали отъ меня объясненій. Находя объясненія излишними, а обвиненіе недобросовѣстнымъ, я попросилъ исключить меня изъ числа членовъ общества и удалился. Теперь же, когда на меня возводится новая серія обвиненій, я, къ прискорбію, вижу, что мнѣ не обойтись безъ объясненій. Извольте, я объяснюсь.

Далѣе, небрежно играя карандашомъ или цѣпочкой, онъ скажетъ, что, дѣйствительно, на консилиумахъ онъ иногда возвышаетъ голосъ и обрываетъ коллегъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ; правда и то, что онъ однажды на консилиумѣ, въ присутствіи врачей и родныхъ, спросилъ у больного: «Какой это дуракъ прописалъ вамъ опиумъ?» Рѣдкій консилиумъ обходится безъ инцидента... Но почему? Очень просто. На консилиумахъ его, Шелестова, всегда поражаетъ въ товарищахъ низкій уровень знаній. Въ городѣ врачей тридцать два, и большинство изъ нихъ знаетъ меньше, чѣмъ любой студентъ перваго курса. За примѣрами ходить недалеко. Конечно, *nomina sunt odiosa*, но на засѣданіи все люди свои, и къ тому же, чтобы не казаться голословнымъ, можно назвать имена. Напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что уважаемый товарищъ фонъ-Бронъ проткнулъ зондомъ пищеводъ чиновницѣ Сережкиной...

Въ это время фонъ-Бронъ вскочить, всплеснетъ руками и завопиетъ:

— Коллега, это вы проткнули, а не я! Вы! И я это докажу вамъ!

Шелестовъ не обратитъ на него вниманія и будетъ продолжать:

— Всѣмъ также извѣстно, что уважаемый коллега Жила у актрисы Семирамидиной принялъ блуждающую почку за абсцессъ и сдѣлалъ пробный проколъ, отчего и послѣдовалъ въ скорости *exitus letalis*. Уважаемый товарищъ Безструнко, вмѣсто того, чтобы вылущить ноготь на большомъ пальцѣ лѣвой ноги, вынулъ здоровый ноготь на правой ногѣ.

Не могу также не напомнить вам случая, когда уважаемый товарищ Терхарьянец съ такимъ усердіемъ катетеризовалъ у солдата Иванова евстахіевы трубы, что у больного лопнули обѣ барабанныя перепонки. Припоминаю кстати, какъ этотъ же самый товарищъ, извлекая зубъ, вывихнулъ больному нижнюю челюсть и не вправилъ ее до тѣхъ поръ, пока больной не согласился уплатить ему за вправление пять рублей. Уважаемый товарищъ Курицынъ женатъ на племянницѣ аптекаря Грумеръ и находится съ нимъ въ ставкѣ. Всѣмъ также извѣстно, что секретарь нашего Общества, молодой товарищъ Скоропалительный, живетъ съ женою нашего достоуважаемаго и почтеннаго предсѣдателя Густава Густавовича Прехтеля... Отъ низкаго уровня знаній я незамѣтно перешелъ къ погрѣшностямъ этического свойства. Тѣмъ лучше. Этика—наше больное мѣсто, господа, и чтобы не казаться голословнымъ, я назову вамъ уважаемаго товарища Пузырькова, который, будучи на именинахъ у полковницы Трещинской, рассказывалъ, что будто бы съ женою нашего предсѣдателя живетъ не Скоропалительный, а я! Это смѣетъ говорить тотъ самый господинъ Пузырьковъ, котораго я въ прошломъ году засталъ съ женою уважаемаго товарища Знобиша! Кстати о докторѣ Знобишѣ... Кто пользуется репутацией врача, у котораго лѣчиться дамамъ не совсѣмъ безопасно?—Знобишъ... Кто женился на купеческой дочери изъ-за приданаго?—Знобишъ! Что же касается нашего всѣми уважаемаго предсѣдателя, то онъ занимается втайнѣ гомеопатіей и получаетъ деньги отъ пруссаковъ за шпионство. Прусскій шпионъ—это ужъ *ultima ratio*!

Доктора, когда хотятъ казаться умными и краснорѣчивыми, употребляютъ два латинскія выраженія: *nomina sunt odiosa* и *ultima ratio*. Шелестовъ будетъ говорить не только по-латыни, но и по-французски и по-нѣмецки—какъ угодно! Онъ будетъ выводить всѣхъ на чистую воду, срывать съ интригановъ маски; предсѣдатель утомится звонить, уважаемые товарищи повскакиваютъ со своихъ мѣстъ, заволнуютъ, замашутъ руками... Товарищи іудейскаго вѣроисповѣданія соберутся въ кучку и загаддятъ:

— Гал-гал-гал-гал-гал...

Шелестовъ же, не на что не глядя, будетъ продолжать:

— Что же касается всего Общества, то, при настоящемъ его составѣ и порядкахъ, оно неминуемо должно погибнуть.

Все въ немъ построено исключительно на интригахъ. Интриги, интриги и интриги! Я, какъ одна изъ жертвъ этой сплошной, демонической интриги, считаю себя обязаннымъ изложить слѣдующее...

Онъ будетъ излагать, а его партія аплодировать и торжественно потирать руки. И вотъ, среди невообразимаго гвалта и раскатовъ грома, начинаются выборы председателя. Фонъ-Бронъ и К^о горой стоятъ за Прехтеля, но публика и благомыслящіе врачи шикаютъ имъ и кричатъ:

— Долой Прехтеля! Просимъ Шелестова! Шелестова!

Шелестовъ соглашается, но съ условіемъ, что Прехтель и фонъ-Бронъ попросятъ у него извиненія за инцидентъ 2-го октября. Опять подымается невообразимый шумъ, и опять уважаемые товарищи іудейскаго вѣроисповѣданія собираются въ кучку и — «гал-гал-гал»... Прехтель и фонъ-Бронъ, возмущенные, кончаютъ тѣмъ, что просятъ не считать ихъ болѣе членами Общества. И прекрасно!

Шелестовъ — председатель. Прежде всего онъ почиститъ авгиевы конюшни. Знобиша — вонь! Терхарьянца — вонь! Уважаемыхъ товарищей іудейскаго вѣроисповѣданія — вонь! Со своей партіей онъ сдѣлаетъ то, что къ яшварю въ Обществѣ не останется ни одного интригана. Въ лѣчебницѣ Общества онъ прежде всего велитъ покрасить въ амбулаторной стѣны и вывѣсить объявленіе: «Курить строго запрещается»; засимъ онъ прогонитъ фельдшера и фельдшерицу, лѣкарства будетъ забирать не у Груммера, а у Хрящамѣжницкаго, врачамъ предложитъ не дѣлать ни одной операциі безъ его наблюденія и т. п. А главное, онъ у себя на визитныхъ карточкахъ будетъ печатать: «Председатель Общества N—скихъ врачей».

Такъ мечтаетъ Шелестовъ, стоя у себя дома передъ зеркаломъ. Но вотъ часы бьютъ семь и напоминаютъ ему, что пора уже ѣхать на засѣданіе. Онъ пробуждается отъ сладкихъ мечтаній и спѣшитъ придать своему лицу томное выраженіе, но — увы! — хочетъ онъ сдѣлать лицо томнымъ и интереснымъ, а оно не слушается и становится кислымъ, тупымъ, какъ у озябшаго дворняшки-щенка; хочетъ онъ сдѣлать его солиднымъ, а оно вытягивается и выражаетъ недоумѣніе, и ему теперь кажется, что онъ похожъ не на щенка, а на гуся. Онъ опускаетъ вѣки, щуритъ глаза, падуваетъ щеки, морщитъ лобъ, но — хоть плюнь! — выхо-

дять совсѣмъ не то, что хотѣлось бы. Таковы ужъ, должно-быть, природныя свойства этого лица, что съ нимъ ничего не подѣлаешь. Лобъ узенькій, маленькіе глазки бѣгаютъ быстро, какъ у плутоватой торговки, нижняя челюсть какъ-то глупо и нелѣпо торчитъ впередъ, а щеки и шевелюра имѣютъ такой видъ, точно «уважаемаго товарища» минуту назадъ вытолкали изъ бильярдной.

Глядитъ Шелестовъ на это свое лицо, злится, и ему начинаетъ казаться, что и оно интригуетъ противъ него. Идетъ онъ въ переднюю, одѣвается, и кажется ему, что интригуютъ и шуба, и калоши, и шапка.

— Извозчикъ, въ лѣчебницу!— кричитъ онъ.

Даетъ онъ двугривенный, а интриганы-извозчики просятъ четвертакъ... Садится онъ въ пролетку, ѣдетъ, а холодный вѣтеръ бьетъ ему въ лицо, мокрый снѣгъ застилаетъ глаза, лошаденка плетется еле-еле. Все сговорилось и все интригуетъ... Интриги, интриги и интриги!

ВЪ ПОЧТОВОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Хоронили мы какъ-то на-дняхъ молоденькую жену нашего стараго почтмейстера Сладкоперцева. Закопавши красавицу, мы, по обычаю дѣдовъ и отцовъ, отправились въ почтовое отдѣленіе «помянуть».

Когда были поданы блины, старикъ-вдовецъ горько заплакалъ и сказалъ:

— Блины такіе же румянькіе, какъ и покойница. Такіе же красавцы! Точь-въ-точь!

— Да,— согласились поминавшіе:—она у васъ, дѣйствительно, была красавица... Женщина первый сортъ!

— Да-съ... Всѣ удивлялись, на нее гляючи... Но, господа, любилъ я ее не за красоту и не за добрый нравъ. Эти два качества присущественны всей женской природѣ и встрѣчаются довольно часто въ подлунномъ мірѣ. Я ее любилъ за иное качество души. А именно-съ: любилъ я ее, покойницу, дай Богъ ей царство небесное, за то, что она, при бойкости и игривости своего характера, мужу своему была вѣрна. Она была вѣрна мнѣ, несмотря на то, что ей было только двадцать, а мнѣ скоро ужъ шестьдесятъ стукнетъ! Она была вѣрна мнѣ, старику!

Дьяконъ, трапезовавшій съ нами, краснорѣчивымъ мычаніемъ и кашлемъ выразилъ свое сомнѣніе.

— Вы не вѣрите, стало-быть?—обратился къ нему вдовецъ.

— Не то, что не вѣрю,—смутился дьяконъ:— а такъ... Молодые жены нынче ужъ слишкомъ тово... рандеву, соусъ провансаль...

— Вы сомнѣваетесь, а я вамъ докажу-сь! Я въ ней поддерживалъ ея вѣрность разными способами, такъ сказать, стратегическаго свойства, въ родѣ какъ бы фортификаціи. При моемъ поведеніи и хитромъ характерѣ жена моя не могла измѣнить мнѣ ни въ какомъ случаѣ. Я хитрость употреблялъ для охраненія своего супружескаго ложа. Слова такія знаю, въ родѣ какъ бы пароль. Скажу эти самыя слова и—баста, могу спать въ спокойствіи насчетъ вѣрности...

— Какія же это слова?

— Самыя простыя. Я распространялъ по городу нехорошій слухъ. Вамъ этотъ слухъ доподлинно извѣстенъ. Я говорилъ всякому: «Жена моя Алена находится въ сожительствѣ съ нашимъ полицеймейстеромъ Иваномъ Алексѣичемъ Залихватскимъ». Этихъ словъ было достаточно. Ни одинъ человѣкъ не осмѣливался ухаживать за Аленой, ибо боялся полицеймейстерскаго гнѣва. Какъ, бывало, увидятъ ее, такъ и бѣгутъ прочь, чтобъ Залихватскій чего не подумалъ. Хе-хе-хе. Вѣдь съ этимъ усатымъ идоломъ свяжись, такъ потомъ не радъ будешь, пять протоколовъ составить насчетъ санитарнаго состоянія. Къ примѣру, увидитъ твою кошку на улицѣ и составитъ протоколъ, какъ будто это бродячій скотъ.

— Такъ жена ваша, значитъ, не жила съ Иваномъ Алексѣичемъ?—удивились мы протяжно.

— Нѣтъ-сь, это моя хитрость... Хе-хе... Что, ловко надувалъ я васъ, молодежь? То-то вотъ оно и есть.

Прошло минуты три въ молчаніи. Мы сидѣли и молчали, и намъ было обидно и совѣстно, что насъ такъ хитро проведъ этотъ толстый, красноносый старикъ.

— Ну, Богъ дастъ, въ другой разъ женишься!—проворчалъ дьяконъ.

М У Ж Ъ.

Н—скій кавалерійскій полкъ, маневрируя, остановился на почевку въ уѣздномъ городишкѣ К. Такое событіе, какъ ночевка гг. офицеровъ, дѣйствуетъ всегда на обывателей самымъ возбуждающимъ и вдохновляющимъ образомъ: Лавочки, мечтающіе о сбытѣ лежалой заржавленной колбасы и «самыхъ лучшихъ» сардинокъ, которыя лежатъ на полкѣ уже десять лѣтъ, трактирщики и прочіе промышленники не закрываютъ своихъ заведеній въ теченіе всей ночи; воинскій начальникъ, его дѣлопроизводитель и мѣстная гарнизонадѣввають лучшіе мундиры; полиція спугетъ, какъ угорѣлая, а съ дамами дѣлается чортъ знаетъ что!

К—скія дамы, заслышавъ приближеніе полка, бросили горячіе тазы съ вареньемъ и выбѣжали на улицу. Забывъ про свое дезабилье и растрепанный видъ, тяжело дыша и замирая, онѣ стремились навстрѣчу полку и жадно вслушивались въ звуки марша. Глядя на ихъ блѣдныя вдохновенныя лица, можно было подумать, что эти звуки неслись не изъ солдатскихъ трубъ, а съ неба.

— Полкъ!—говорили онѣ радостно.—Полкъ идетъ!

А на что понадобился имъ этотъ незнакомый, случайно зашедшій полкъ, который уйдетъ завтра же на разсвѣтѣ? Когда потомъ гг. офицеры стояли среди площади и, заложивъ руки назадъ, рѣшали квартирный вопросъ, всѣ онѣ сидѣли въ квартирѣ слѣдовательши и взапуски критиковали полкъ. Имъ было уже, Богъ вѣсть откуда, извѣстно, что командиръ женатъ, но не живетъ съ женой, что у старшаго

офицера родятся ежегодно мертвые дѣти, что адъютантъ безнадежно влюбленъ въ какую-то графиню и даже разъ покушался на самоубійство. Извѣстно имъ было все. Когда подъ окнами мелькнулъ рябой солдатъ въ красной рубахѣ, онѣ отлично знали, что это денщикъ подпоручика Рымзова бѣгаетъ по городу и ищетъ для своего барина въ долгъ англійской горькой. Офицеровъ видѣли онѣ только мелькомъ и въ спины, но уже рѣшили, что между ними нѣтъ ни одного хорошенькаго и интереснаго... Наговорившись, онѣ вытребовали къ себѣ воинскаго начальника и старшинъ клуба и приказали имъ устроить во что бы то ни стало танцевальный вечеръ.

Желаніе ихъ было исполнено. Въ девятомъ часу вечера на улицѣ передъ клубомъ гремѣлъ военный оркестръ, а въ самомъ клубѣ гг. офицеры танцовали съ к—скими дамами. Дамы чувствовали себя на крыльяхъ. Увоенныя танцами, музыкой и звономъ шпоръ, онѣ всей душой отдались мимолетному знакомству и совсѣмъ забыли про своихъ штатскихъ. Ихъ отцы и мужья, отошедшіе на самый задній планъ, толпились въ передней около тощаго буфета. Всѣ эти казначеи, секретари и надзиратели, испитые, геморроидальные и мѣшковатые, отлично сознавали свою убогость и не входили въ залу, а только издали поглядывали, какъ ихъ жены и дочери танцовали съ ловкими и стройными поручиками.

Между мужьями находился акцизный Кирилль Петровичъ Шаликовъ, существо пьяное, узкое и злое, съ большой стриженной головой и съ жирными, отвислыми губами. Когда-то онъ былъ въ университетѣ, читалъ Писарева и Добролюбова, пѣлъ пѣсни, а теперь онъ говорилъ про себя, что онъ коллежскій ассессоръ и больше ничего. Онъ стоялъ, прислонившись къ косяку, и не отрывалъ глазъ отъ своей жены. Ея жена, Анна Павловна, маленькая брюнетка лѣтъ тридцати, длинноносая, съ острымъ подбородкомъ, напудренная и затянута, танцевала безъ передышки, до упада. Танцы утомили ее, но изнемогала она тѣломъ, а не душой... Вся ея фигура выражала восторгъ и наслажденіе. Грудь ея волновалась, на щекахъ играли красныя пятнышки, всѣ движенія были томны, плавны; видно было, что, танцуя, она вспоминала свое прошлое, то давнее прошлое, когда она танцевала въ институтѣ и мечтала о роскошной,

веселой жизни и когда была увѣрена, что у нея будетъ мужемъ непременно баронъ или князь.

Акцизный глядѣлъ на нее и морщился отъ злости... Ревности онъ не чувствовалъ, но ему неприятно было, во-первыхъ, что благодаря танцамъ, негдѣ было играть въ карты; во-вторыхъ, онъ терпѣть не могъ духовой музыки; въ-третьихъ, ему казалось, что гг. офицеры слишкомъ небрежно и свысока обращаются со штатскими, а самое главное, въ-четвертыхъ, его возмущало и приводило въ негодование выраженіе блаженства на жениномъ лицѣ...

— Глядѣтъ противно! — бормоталъ онъ. — Скоро уже срокъ лѣтъ, ни кожи, ни рожи, а тоже поди ты, напудрилась, завилась, корсетъ надѣла! Кокетничаетъ, жеманничаетъ и воображаетъ, что это у нея хорошо выходитъ... Ахъ, скажите, какъ вы прекрасны!

Анна Павловна такъ ушла въ танцы, что ни разу не взглянула на своего мужа.

— Конечно, гдѣ намъ, мужикамъ! — злорадствовалъ акцизный. — Теперь мы за штатомъ... Мы тюлени, уѣздные медвѣди! А она царица бала; она вѣдь настолько еще сохранилась, что даже офицеры ею интересоваться могутъ. Пожалуй, и влюбиться не прочь.

Во время мазурки лицо акцизнаго перекосило отъ злости. Съ Анной Павловной танцовалъ мазурку черный офицеръ съ выпученными глазами и съ татарскими скулами. Онъ работалъ ногами серьезно и съ чувствомъ, дѣлая строгое лицо, и такъ выворачивалъ колѣни, что походилъ на игрушечнаго паяца, котораго дергаютъ за ниточку. А Анна Павловна, блѣдная, трепещущая, согнувъ томно станъ и закатывая глаза, старалась дѣлать видъ, что она едва касается земли, и, повидимому, ей самой казалось, что она не на землѣ, не въ уѣздномъ клубѣ, а гдѣ-то далеко-далеко — на облакахъ! Не одно только лицо, но уже все тѣло выражало блаженство... Акцизному стало невыносимо; ему захотѣлось насмѣяться надъ этимъ блаженствомъ, дать почувствовать Аннѣ Павловнѣ, что она забылась, что жизнь вовсе не такъ прекрасна, какъ ей теперь кажется въ упоеніи...

— погоди, я покажу тебѣ, какъ блаженно улыбаться! — бормоталъ онъ. — Ты не институтка, не дѣвочка. Старая рожа должна понимать, что она рожа!

Мелкія чувства зависти, досады, оскорбленнаго самолю-

бія, маленькаго, уѣзднаго человѣконенавистничества, того самаго, которое заводится въ маленькихъ чиновникахъ отъ водки и отъ сидячей жизни, закопошились въ немъ, какъ мыши... Дождавшись конца мазурки, онъ вошелъ въ залу и направился къ женѣ. Анна Павловна сидѣла въ это время съ кавалеромъ и, обмахиваясь вѣеромъ, кокетливо щурила глаза и рассказывала, какъ она когда-то танцевала въ Петербургѣ. (Губы у нея были сложены сердечкомъ и про-износила она такъ:—«У насъ въ Пютюрбургѣ»).

— Анюта, пойдемъ домой!—прикрикнулъ акцизный.

Увидѣвъ передъ собой мужа, Анна Павловна сначала вздрогнула, какъ бы вспомнивъ, что у нея есть мужъ, потомъ вся вспыхнула: ей стало стыдно что у нея такой испитой, угрюмый, обыкновенный мужъ...

— Пойдемъ домой!—повторилъ акцизный.

— Зачѣмъ? Вѣдь еще рано!

— Я прошу тебя идти домой! — сказалъ акцизный съ разстановкой, дѣлая злое лицо.

— Зачѣмъ? Развѣ что случилось?—встревожилась Анна Павловна.

— Ничего не случилось, но я желаю, чтобъ ты сію минуту шла домой... Желаю, вотъ и все, и пожалуйста, безъ разговоровъ.

Анна Павловна не боялась мужа, но ей было стыдно кавалера, который удивленно и насмѣшливо поглядывалъ на акцизнаго. Она поднялась и отошла съ мужемъ въ сторону.

— Что ты выдумалъ?—начала она.—Зачѣмъ мнѣ домой? Вѣдь еще и одиннадцать часовъ нѣтъ!

— Я желаю, и баста! Изволь идти—и все тутъ.

— Перестань выдумывать глупости! Ступай самъ, если хочешь.

— Ну, такъ я скандалъ сдѣлаю!

Акцизный видѣлъ, какъ выраженіе блаженства постепенно сползало съ лица его жены, какъ ей было стыдно и какъ она страдала—и у него стало какъ будто легче на душѣ.

— Зачѣмъ я тебѣ сейчасъ понадобилась? — спросила жена.

— Ты не нужна мнѣ, но я желаю, чтобъ ты сидѣла дома. Желаю, вотъ и все.

Анна Павловна не хотѣла и слушать, потомъ начала умо-лять, чтобы мужъ позволилъ ей остаться еще хоть полчаса;

потомъ, сама не зная зачѣмъ, извинялась, клялась—и все это шопотомъ, съ улыбкой, чтобы публика не подумала, что у нея съ мужемъ недоразумѣніе. Она стала увѣрять, что останется еще недолго, только десять минутъ, только пять минутъ; но акцизный упрямо стоялъ на своемъ.

— Какъ хочешь, оставайся! Только я скандалъ едѣлаю.

И, разговаривая теперь съ мужемъ, Анна Павловна осунулась, похудѣла и постарѣла. Блѣдная, кусая губы и чуть не плача, она пошла въ переднюю и стала одѣваться...

— Куда же вы?—удивлялись к—скія дамы.—Анна Павловна, куда же вы это, милочка?

— Голова заболѣла,—говорилъ за жену акцизный.

Выйдя изъ клуба, супруги до самаго дома шли молча. Акцизный шелъ сзади жены и, глядя на ея согнувшуюся, убитую горемъ и униженную фигурку, припоминалъ блаженство, которое такъ раздражало его въ клубѣ, и сознание, что блаженства уже нѣтъ, наполняло его душу побѣднымъ чувствомъ. Онъ былъ радъ и доволенъ, и въ то же время ему недоставало чего-то и хотѣлось вернуться въ клубъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ стало скучно и горько, и чтобы всѣ почувствовали, какъ ничтожна, плоска эта жизнь, когда вотъ идешь въ потемкахъ по улицѣ и слышишь, какъ всхлипываетъ подъ ногами грязь, и когда знаешь, что проснешься завтра утромъ—и опять ничего, кромѣ водки и кромѣ картъ! О, какъ это ужасно!

А Анна Павловна едва шла... Она была все еще подъ впечатлѣніемъ танцевъ, музыки, разговоровъ, блеска, шума; она шла и спрашивала себя: за что ее покаралъ такъ Господь Богъ? Было ей горько, обидно и душно отъ ненависти, съ которой она прислушивалась къ тяжелымъ шагамъ мужа. Она молчала и старалась придумать какое-нибудь самое бранное, ѣдкое и ядовитое слово, чтобы пустить его мужу, и въ то же время сознавала, что ея акцизнаго не проймешь никакими словами. Чтѣ ему слова? Безпомощіе состоянія не могъ бы придумать и злѣйшій врагъ.

А музыка между тѣмъ гремѣла, и потемки были полны самыхъ плясовыхъ, зажигательныхъ звуковъ.

ВЪ НОМЕРАХЪ.

— Послушайте, милѣйшій!—набросилась на хозяина багровая и брызжущая жилица 47-го номера, полковница Нашатырина.—Или дайте мнѣ другой номеръ, или же я со всѣмъ уѣду изъ вашихъ проклятыхъ номеровъ! Это вертепъ! Помилуйте, у меня дочери взрослые, а тутъ день и ночь однѣ только мерзости слышишь! На что это похоже? День и ночь! Иной разъ онъ такое выпалитъ, что просто уши вянутъ! Просто какъ извозчикъ! Хорошо еще, что мои бѣдныя дѣвочки ничего не понимаютъ, а то хоть на улицу съ ними бѣги... Онъ и сейчасъ что-то говоритъ! Вы послушайте!

— Я, братецъ ты мой, еще лучше случай знаю,—донесся хриплый басъ изъ сосѣдняго номера.—Помнишь ты поручика Дружкова? Такъ вотъ этотъ самый Дружковъ дѣлаетъ однажды клопшtosомъ желтаго въ уголь и по обыкновенію, знаешь, высоко ногу задраль... Вдругъ что-то: трррессы! Думали сначала, что онъ на бильярдѣ сукно порвалъ, а какъ поглядѣли, братецъ ты мой, у него Соединенные Штаты по всѣмъ швамъ! Такъ высоко задраль, бестія, ногу, что ни одного шва не осталось... Ха-ха-ха. А тутъ въ это время дамы были... между прочимъ, жена этой слюни —подпоручика Окурина... Окуринъ взбѣленился... Какъ онъ, мошь, смѣетъ вести себя неприлично при его женѣ? Слово за слово... знаешь вѣдь нашихъ!.. Посылаетъ Окуринъ къ Дружкову секундантовъ, а Дружковъ не будь глупъ и скажи... ха-ха-ха... и скажи:—«Пусть онъ посылаетъ не ко мнѣ, а

къ портному, который шилъ мнѣ эти штаны. Онъ вѣдь виновать!»—Ха-ха-ха... Ха-ха-ха!

Лиля и Мила, дочки полковницы, сидѣвшія у окна и подпиравшія кулаками пухлыя щеки, потушили запылившіе глазки и вспыхнули.

— Теперь вы слышали?—продолжала Нашатырина, обращаясь къ хозяину.—И это, по-вашему, ничего? Я, милостивый государь, полковница! Мужъ мой воинскимъ начальникомъ! Я не позволю, чтобы почти въ моемъ присутствіи какой-нибудь извозчикъ говорилъ такія мерзости!

— Онъ, сударыня, не извозчикъ, а штабсъ-капитанъ Кикинъ... Изъ благородныхъ-съ.

— Если онъ забылъ свое благородство до такой степени, что выражается, какъ извозчикъ, то онъ заслуживаетъ еще большаго презрѣнія! Однимъ словомъ, не разсуждайте, а извольте принять мѣры!

— Но что же я могу сдѣлать, сударыня? Не вы одиѣ жалуетесь, всѣ жалуются,—да что же я съ нимъ сдѣлаю? Придешь къ нему въ номеръ и начнешь стыдить: «Ганнибалъ Иванычъ! Бога побойтесь! Совѣстно!», а онъ сейчасъ къ лицу съ кулаками и разныя слова: «Накося выкуси» и прочее. Безобразіе! Проснется утромъ и давай ходить по коридору въ одномъ, извините, нижнемъ. А то вотъ возьметъ револьверъ въ пьяномъ видѣ и давай садить пули въ стѣну. Днемъ винище трескаетъ, ночью въ карты рѣжется... А послѣ картъ драка... Отъ жильцовъ совѣстно!

— Что же вы не откажете этому негодяю?

— Да нешто выкуришь этакого? Задолжалъ за три мѣсяца, ужъ мы и денегъ не просимъ, уходи только, сдѣлай милость... Мировой присудилъ ему номеръ очистить, а онъ и на аппеляцію, и на кассацію, да такъ и тянетъ... Горе, да и только! Господи, а человѣкъ-то какой! Молодой, красивый, умственный... Когда не выпивши, лучше и человѣка не надо. Намедни пьянъ не былъ и весь день родителямъ шисьма писалъ.

— Бѣдные родители!—вздохнула полковница.

— Извѣстно, бѣдные! Нешто пріятно имѣть такого лодаря? И ругаютъ его, и изъ номеровъ гонять, и нѣтъ того дня, чтобъ за скандалы не судился. Горе!

— Бѣдная, несчастная жена!—вздохнула полковница.

— Онъ, сударыня, не женатъ. Гдѣ ужъ ему! Была бы цѣла одна голова—и за то благодарить Бога...

Полковница прошла изъ угла въ уголь.

— Не женатый, вы говорите?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

Полковница опять прошла изъ угла въ уголь и подумала немного.

— Гм!.. Не женатъ...—проговорила она въ раздумьи.— Гм!.. Лиля и Мила, не сидите у окна—сквозить! Какъ жаль! Молодой человекъ и такъ себя распустилъ! А все отчего? Вліянія хорошаго нѣтъ! Нѣтъ матери, которая бы... Не женатъ? Ну, вотъ... такъ и есть... Пожалуйста, будьте такъ добры,—продолжала полковница мягко, подумавъ:—сходите къ нему и отъ моего имени попросите, чтобы онъ... воздержался отъ выражений... Скажите: полковница Нашатырина просила... Съ дочерьми, скажите, въ 47-мъ номерѣ живетъ... изъ своего имѣнія пріѣхала...

— Слушаю-съ.

— Такъ и скажите: полковница съ дочерьми. Пусть хоть придетъ извиниться... Мы послѣ обѣда всегда дома. Ахъ, Мила, закрой окно!

— Ну, на что вамъ, мама, сдѣлся этотъ... забулдыга?—протянула Лиля по уходѣ хозяина.— Нашли кого приглашать! Пьяница, буянь, оборванецъ!

— Ахъ, не говори, *ma chère!*.. Вы вѣчно такъ говорите, ну и... сидите вотъ! Что жъ? Какой бы онъ ни былъ, а все же пренебрегать не слѣдуетъ... Всякъ злакъ на пользу человека. Кто знаетъ? — вздохнула полковница, заботливо оглядывая дочерей.— Можетъ-быть, тутъ ваша судьба. Одѣньтесь же на всякій случай...

ГРИША.

Гриша, маленькій, пухлый мальчикъ, родившійся два года и восемь мѣсяцевъ тому назадъ, гуляетъ съ нянькой по бульвару. На немъ длинный ватный бурнусикъ, шарфъ, большая шапка съ мохнатой пуговкой и теплыя калоши. Ему душно и жарко, а тутъ еще разгулявшееся апрѣльское солнце бьетъ прямо въ глаза и щиплетъ вѣки.

Вся его неуклюжая, робко, неувѣренно шагающая фигура выражаетъ крайнее недоумѣніе.

До сихъ поръ Гриша зналъ одинъ только четырехъ-угольный міръ, гдѣ въ одномъ углу стоитъ его кровать, въ другомъ—нянькинъ сундукъ, въ третьемъ—стулъ, а въ четвертомъ—горитъ лампадка. Если взглянуть подъ кровать, то увидишь куклу съ отломанной рукой и барабанъ, а за нянькинымъ сундукомъ очень много разныхъ вещей: катушки отъ нитокъ, бумажки, коробка безъ крышки и сломанный паяцъ. Въ этомъ мірѣ, кромѣ няни и Гриши, часто бываетъ мама и кошка. Мама похожа на куклу, а коника на панину шубу, только у шубы нѣтъ глазъ и хвоста. Изъ міра, который называется дѣтской, дверь ведетъ въ пространство, гдѣ обѣдаютъ и пьютъ чай. Тутъ стоитъ Гришинъ стулъ на высокихъ ножкахъ и висятъ часы, существующіе для того только, чтобы махать маятникомъ и звонить. Изъ столовой можно пройти въ комнату, гдѣ стоятъ красныя кресла. Тутъ на коврѣ темнѣетъ пятно, за которое Гришѣ до сихъ поръ грозятъ пальцами. За этой комнатой есть еще другая, куда не пускаютъ и гдѣ мелькаетъ пала — личность въ высшей степени загадочная!

Няня и мама понятны: онѣ одѣваютъ Гришу, кормятъ и укладываютъ его спать, но для чего существуетъ папа — неизвестно. Еще есть другая загадочная личность — это тетя, которая подарила Гришѣ барабанъ. Она то появляется, то исчезаетъ. Куда она исчезаетъ? Гриша не разъ заглядывалъ подъ кровать, за сундукъ и подъ диванъ, но тамъ ея не было...

Въ этомъ же новомъ мірѣ, гдѣ солнце рѣжетъ глаза, столько папъ, мамъ и тетъ, что не знаешь, къ кому и подбѣжать. Но страннѣе и нелѣпнѣе всего — лошади. Гриша глядитъ на ихъ двигающіяся ноги и ничего не можетъ понять. Глядитъ на нянюку, чтобы та разрѣшила его недоумѣніе, но та молчитъ.

Вдругъ онѣ слышитъ страшный топотъ... По бульвару, мѣрно шагая, двигается прямо на него толпа солдатъ съ красными лицами и съ банными вѣниками подъ мышкой. Гриша весь холодѣетъ отъ ужаса и глядитъ вопросительно на нянюку: не опасно ли? Но нянюка не бѣжитъ и не плачетъ, — значить, не опасно. Гриша провожаетъ глазами солдатъ и самъ начинаетъ шагать имъ въ тактъ.

Черезъ бульваръ перебѣгаютъ двѣ большія кошки съ длинными мордами, съ высунутыми языками и съ задранными вверхъ хвостами. Гриша думаетъ, что и ему тоже нужно бѣжать, и бѣжитъ за кошками.

— Стой! — кричитъ ему нянюка, грубо хватая его за плечи. — Куда ты? Нешто тебѣ велѣно шалить?

Вотъ какая-то няня сидитъ и держитъ маленькое корыто съ апельсинами. Гриша проходитъ мимо нея и молча беретъ себѣ одинъ апельсинъ.

— Это ты зачѣмъ же? — кричитъ его спутница, хлопая его по рукѣ и вырывая апельсинъ. — Дуракъ!

Теперь Гриша съ удовольствіемъ бы поднялъ стеклышко, которое валяется подъ ногами и сверкаетъ какъ лампадка, но онѣ боится, что его опять ударятъ по рукѣ.

— Мое вамъ почтеніе! — слышитъ вдругъ Гриша почти надъ самымъ ухомъ чей-то громкій, густой голосъ и видитъ высокаго человѣка со свѣтлыми пуговицами.

Къ великому его удовольствію, этотъ человѣкъ подаетъ нянюкѣ руку, останавливается съ ней и начинаетъ разговаривать. Блескъ солнца, шумъ экипажей, лошади, свѣтлая пуговица, все это такъ поразительно ново и не

страшно, что душа Гриши наполняется чувством наслаждения и онъ начинаетъ хохотать.

— Пойдемъ! Пойдемъ!—кричитъ онъ человѣку со свѣтлыми пуговицами, дергая его за фалду.

— Куда пойдемъ?—спрашиваетъ человѣкъ.

— Пойдемъ!—настаиваетъ Гриша.

Ему хочется сказать, что не дурно бы также прихватить съ собой папу, маму и кошку, но языкъ говорить совсѣмъ не то, что нужно.

Немного погодя, нянька сворачиваетъ съ бульвара и вводитъ Гришу въ большой дворъ, гдѣ есть еще снѣгъ. И человѣкъ со свѣтлыми пуговицами тоже идетъ за ними. Минуютъ старательно снѣговья глыбы и лужи, потомъ по грязной, темной лѣстницѣ входятъ въ комнату. Тутъ много дыма, пахнетъ жаркимъ, и какая-то женщина стоитъ около печки и жаритъ котлеты. Кухарка и нянька цѣлуются и вмѣстѣ съ человѣкомъ садятся на скамью и начинаютъ говорить тихо. Гришѣ, окутанному, становится невыносимо жарко и душно.

«Отчего бы это?»—думаетъ онъ, оглядываясь.

Видитъ онъ темный потолокъ, ухватъ съ двумя рогами, печку, которая глядитъ большимъ, чернымъ дупломъ...

— Ма-а-ма!—тянетъ онъ.

— Ну, ну, ну!—кричитъ нянька.— Подождешь!

Кухарка ставитъ на столъ бутылку, двѣ рюмки и пироги. Двѣ женщины и человѣкъ со свѣтлыми пуговицами чокаются и пьютъ по нѣскольку разъ, и человѣкъ обнимаетъ то няньку, то кухарку. И потомъ всѣ трое начинаютъ тихо пѣть.

Гриша тянется къ пирогу, и ему даютъ кусочекъ. Онъ ѣстъ и глядитъ, какъ пьютъ нянька... Ему тоже хочется выпить.

— Дай! Няня, дай!—проситъ онъ.

Кухарка даетъ ему отхлебнуть изъ своей рюмки. Онъ таращить глаза, морщится, кашляетъ и долго потомъ машетъ руками, а кухарка глядитъ на него и смѣется.

Вернувшись домой, Гриша начинаетъ рассказывать мамѣ, стѣнамъ и кровати, гдѣ онъ былъ и что видѣлъ. Говоритъ онъ не столько языкомъ, сколько лицомъ и руками. Показываетъ онъ, какъ блеститъ солнце, какъ бѣгають лошади, какъ глядитъ страшная печь и какъ пьютъ кухарка...

Вечеромъ онъ никакъ не можетъ уснуть. Солдаты съ вѣниками, большія конки, лошади, стеклышко, корыто съ апельсинами, свѣтлыя пуговицы, — все это собралось въ кучу и давить его мозгъ. Онъ ворочается съ-боку-на-бокъ, болтаетъ и въ концѣ концовъ, не вынося своего возбужденія, начинаетъ плакать.

— А у тебя жаръ! — говоритъ мама, касаясь ладонью его лба.—Отчего бы это могло случиться?

— Печка!—плачетъ Гриша.—Пошла отсюда, печка!

— Вѣроятно, покушалъ лишнее...—рѣшаетъ мама.

И Гриша, распираемый впечатлѣнїями новой, только-что извѣданной жизни, получаетъ отъ мамы ложку касторки.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ.

Первый часть ночи. Передъ дверью Марьи Петровны Кошкиной, старой дѣвы-акушерки, останавливается высокій господинъ въ цилиндрѣ и въ шинели съ капюшономъ. Въ осеннихъ потемкахъ не отличишь ни лица, ни рукъ, но уже въ манерѣ покашливать и дергать за звонокъ слышится солидность, положительность и нѣкоторая внушительность. Послѣ третьяго звонка отворяется дверь, и показывается сама Марья Петровна. На ней, поверхъ бѣлой юбки, наброшено мужское пальто. Маленькая лампочка съ зеленымъ колпакомъ, которую она держитъ въ рукахъ, краситъ въ зелень ея заспанное, весноватое лицо, жилистую шею и жидкіе, рыжеватые волосики, выбивающіеся изъ-подъ чепца.

— Могу ли я видѣть акушерку?—спрашиваетъ господинъ.

— Я-съ акушерка. Что вамъ угодно?

Господинъ входитъ въ сѣни, и Марья Петровна видитъ передъ собой высокаго, стройнаго мужчину, уже не молодого, но съ красивымъ, строгимъ лицомъ и съ пушистыми бакенами.

— Я коллежскій ассессоръ Кирьяковъ,—говоритъ онъ.— Пришелъ я просить васъ къ своей женѣ. Только, пожалуйста, поскорѣе.

— Хорошо-съ... — соглашается акушерка. — Я сейчасъ одѣнусь, а вы потрудитесь подождать меня въ залѣ.

Кирьяковъ снимаетъ шинель и входитъ въ залу. Зеленый свѣтъ лампочки скудно ложится на дешевую мебель въ бѣлыхъ заплатанныхъ чехлахъ, на жалкіе цвѣты, на

косяки, по которымъ вьется плющъ... Пахнетъ геранью и карболкой. Стѣнные часики тикають робко, точно конфузясь передъ постороннимъ мужчиной.

— Я готова-сь!—говоритъ Марья Петровна, входя минутъ черезъ пять въ залу, уже одѣтая, умытая и бодрая.— Поѣдемте-сь!

— Да, надо спѣшить... — говоритъ Кирьяковъ. — Между прочимъ, не лишній вопросъ: сколько вы возьмете за труды?

— Я, право, не знаю... — конфузливо улыбается Марья Петровна.—Сколько дадите...

— Нѣтъ, я этого не люблю, — говоритъ Кирьяковъ, холодно и неподвижно глядя на акушерку.—Договоръ лучше денегъ. Мнѣ не нужно вашего, вамъ не нужно моего. Во избѣжаніе недоразумѣній, намъ разумнѣе уговориться заранее.

— Я, право, не знаю... Определенной цѣны нѣтъ.

— Я самъ тружусь и привыкъ цѣнить чужой трудъ. Несправедливости я не люблю. Для меня одинаково будетъ непріятно, если я вамъ не доплачу, или если вы съ меня потребуете лишнее, а потому я настаиваю на томъ, чтобы вы назвали вашу цѣну.

— Вѣдь цѣны разныя бываютъ!

— Гм!.. Въ виду вашихъ колебаній, которыя мнѣ непонятны, я самъ долженъ назначить цѣну. Дать вамъ я могу два рубля.

— Что вы, помилуйте! — говоритъ Марья Петровна, краснѣя и пятясь назадъ. — Мнѣ даже совѣстно... Чѣмъ два рубля брать, такъ я ужъ лучше даромъ. Извольте, за пять рублей...

— Два рубля, ни копейки больше. Вашего мнѣ не нужно, но и лишнее платить я не намѣренъ.

— Какъ вамъ угодно-сь, но за два рубля я не поѣду...

— Но по закону вы не имѣете права отказываться.

— Извольте, я задаромъ поѣду.

— Даромъ я не хочу. Каждый трудъ долженъ быть вознаграждаемъ. Я самъ тружусь и понимаю.

— За два рубля не поѣду-сь...—кратко заявляетъ Марья Петровна.—Извольте, задаромъ...

— Въ такомъ случаѣ, очень жалѣю, что напрасно обезпокоить... Честь имѣю кланяться.

— Какіе вы, право... — говоритъ акушерка, провожая

Кириякова въ переднюю. — Если ужъ вамъ такъ угодно, то извольте, я за три рубля поѣду.

Кирияковъ хмурится и думаетъ цѣлыхъ двѣ минуты, средоточенно глядя на полъ, потомъ говоритъ рѣшительно «нѣтъ!» и выходитъ на улицу. Удивленная и сконфуженная акушерка запираетъ за нимъ дверь и идетъ къ себѣ въ спальню.

«Красивый, солидный, но какой странный, Богъ съ нимъ», — думаетъ она, ложась.

Но не проходитъ и получаса, какъ опять звонокъ; она поднимается и видитъ въ передней того же Кириякова.

— Удивительные беспорядки! — говоритъ онъ. — Ни въ аптекъ, ни городовые, ни дворники, никто не знаетъ адресовъ акушерокъ, и такимъ образомъ я поставленъ въ необходимость согласиться на ваши условія. Я дамъ вамъ три рубля, но... предупреждаю, что, нанимая прислугу и вообще пользуясь чьими-либо услугами, я заранѣе условливаюсь, чтобы при расплатѣ не было разговоровъ о прибавкахъ, на чай и пр. Каждый долженъ получать свое.

Марья Петровна не долго слушала Кириякова, но уже чувствуетъ, что онъ надобѣль ей, опротивѣль, что его ровная, мѣрная рѣчь тяжестью ложится ей на душу. Она одѣвается и выходитъ съ нимъ на улицу. Въ воздухѣ тихо, но холодно и такъ пасмурно, что даже фонарные огни еле видны. Подъ ногами всхлипываетъ слякоть. Акушерка всматривается и не видитъ извозчика...

— Вѣроятно, недалеко? — спрашиваетъ она.

— Недалеко, — угрюмо отвѣчаетъ Кирияковъ.

Проходятъ одинъ переулокъ, другой, третій... Кирияковъ шагаетъ, и даже въ походкѣ его сказывается солидность и положительность.

— Какая ужасная погода! — заговариваетъ съ нимъ акушерка.

Но онъ солидно молчитъ и замѣтно старается идти по гладкимъ камнямъ, чтобы не поргить калоши. Наконецъ, послѣ долгой ходьбы, акушерка входитъ въ переднюю; отсюда видна большая, прилично убранная зала. Въ комнатахъ, даже въ спальнѣ, гдѣ лежитъ роженица, ни души... Родственниковъ и старухъ, которыми на всякихъ родинахъ хоть прудъ пруди, тутъ не видно. Мечется, какъ угорѣлая,

одна только кухарка съ тупымъ, испуганнымъ лицомъ. Слышны громкіе стоны.

Проходить три часа. Марья Петровна сидитъ у кровати роженицы и шелчетъ о чемъ-то. Обѣ женщины уже успѣли познакомиться, узнали другъ друга, посудачили, поахали...

— Вамъ нельзя говорить! — тревожится акушерка, а сама такъ и сыплетъ вопросами.

Но вотъ открывается дверь, и тихо, солидно входитъ въ спальню самъ Кирьяковъ. Онъ садится на стулъ и поглаживаетъ бакены. Наступаетъ молчаніе... Марья Петровна робко поглядываетъ на его красивое, но безстрастное, деревянное лицо и ждетъ, когда онъ начнетъ говорить. Но онъ упорно молчитъ и о чемъ-то думаетъ. Не дождавшись, акушерка рѣшается сама начать разговоръ и произноситъ фразу, какую обыкновенно говорятъ на родинахъ:

— Ну, вотъ и слава Богу, однимъ человѣкомъ на этомъ свѣтѣ больше!

— Да, пріятно, — говоритъ Кирьяковъ, сохраняя деревянное выраженіе лица: — хотя, впрочемъ, съ другой стороны, чтобы имѣть лишнихъ дѣтей, нужно имѣть лишнія деньги. Ребенокъ не родится сытымъ и одѣтымъ.

На лицѣ у роженицы показывается виноватое выраженіе, точно она произвела на свѣтѣ живое существо безъ позволенія, или изъ пустой прихоти. Кирьяковъ со вздохомъ поднимается и солидно выходитъ.

— Какой онъ у васъ, Богъ съ нимъ... — говоритъ акушерка роженицѣ. — Строгій такой и не улыбнется...

Роженица рассказываетъ, что онъ у нея всегда такой... Онъ честенъ, справедливъ, разсудителенъ, разумно экономенъ, но все это въ такихъ необыкновенныхъ размѣрахъ, что простымъ смертнымъ дѣлается душно. Родня разошлась съ нимъ, прислуга не живетъ больше мѣсяца, знакомыхъ нѣтъ, жена и дѣти вѣчно напряжены отъ страха за каждый свой шагъ. Онъ не дерется, не кричитъ, добродѣтелей у него гораздо больше, чѣмъ недостатковъ, но когда онъ уходитъ изъ дому, всѣ чувствуютъ себя здоровѣе и легче. Отчего это такъ, роженица и сама не можетъ понять.

— Нужно тазы вычистить хорошенько и поставить ихъ въ кладовую, — говоритъ Кирьяковъ, опять входя въ спальню. — Эти флаконы тоже нужно спрятать: пригодятся.

То, что онъ говоритъ, очень просто и обыкновенно, но

акушерка почему-то чувствует оторопь. Она начинает бояться этого человѣка и вздрагивает всякій разъ, когда слышитъ его шаги. Утромъ, собираясь уходить, она видитъ, какъ въ столовой маленькій сынъ Кирьякова, блѣдный, стриженный гимназистъ, пьетъ чай... Противъ него стоитъ Кирьяковъ и говоритъ своимъ мѣрнымъ, ровнымъ голосомъ:

— Ты умѣешь ѣсть, умѣй же и работать. Ты вотъ сейчасъ глотнулъ, но не подумалъ, вѣроятно, что этотъ глотокъ стѣдитъ денегъ, а деньги добываются трудомъ. Ты ѣшь и думай...

Акушерка глядитъ на тупое лицо мальчика, и ей кажется, что даже воздуху тяжело, что еще немного—и стѣны упадутъ, не вынося давящаго присутствія необыкновеннаго человѣка. Не помня себя отъ страха и уже чувствуя сильную ненависть къ этому человѣку, Марья Петровна беретъ свои узелки и торопливо уходитъ.

На полдорогѣ она вспоминаетъ, что забыла получить свои три рубля, но, постоявъ немного и подумавъ, машетъ рукой и идетъ дальше.

ЛЕВЪ И СОЛНЦЕ

Въ одномъ изъ городовъ, расположенныхъ по сую сторону Уральскаго хребта, разнесся слухъ, что на-дняхъ прибылъ въ городъ и остановился въ гостиницѣ «Японія» персидскій сановникъ Рахатъ-Хеламъ. Этотъ слухъ не произвелъ на обывателей никакого впечатлѣнія: прїѣхалъ персъ, ну и ладно. Одинъ только городской голова, Степанъ Ивановичъ Куцынъ, узнавъ отъ секретаря управы о прїѣздѣ восточнаго человѣка, задумался и спросилъ:

— Куда онъ ѣдетъ?

— Кажется, въ Парижъ или въ Лондонъ.

— Гм!.. Значитъ, важная птица?

— А чортъ его знаетъ.

Придя изъ управы къ себѣ домой и пообѣдавъ, городской голова опять задумался, и ужъ на этотъ разъ думалъ до самаго вечера. Прїѣздъ знатнаго перса сильно заинтриговалъ его. Ему казалось, что сама судьба послала ему этого Рахатъ-Хеламъ и что, наконецъ, наступило благопрїятное время для того, чтобы осуществить свою страстную, завѣтную мечту. Дѣло въ томъ, что Куцынъ имѣлъ двѣ медали, Станислава 3-й степени, знакъ Краснаго Креста и знакъ «Общества спасанія на водахъ», и кромѣ того онъ сдѣлалъ себѣ еще брелокъ (золотое ружье и гитара, которыя перекрепчивались), и этотъ брелокъ, продѣтый въ мундирную петлю, похожъ былъ издали на что-то особенное и прекрасно сходилъ за знакъ отличія. Известно же, что чѣмъ больше имѣешь орденовъ и медалей, тѣмъ больше ихъ хочется,—и городской голова давно уже желалъ получить персидскій

орденъ «Льва и Солнца», желалъ страстно, безумно. Онъ отлично зналъ, что для полученія этого ордена не нужно ни сражаться, ни жертвовать въ приютъ, ни служить по выборамъ, а нуженъ только подходящий случай. И теперь ему казалось, что этотъ случай наступилъ.

На другой день, въ полдень, онъ надѣлъ всѣ свои знаки отличія, цѣпь и поѣхалъ въ «Японию». Судьба ему благопріятствовала. Когда онъ вошелъ въ номеръ знатнаго перса, то послѣдній былъ одинъ и ничего не дѣлалъ. Рахатъ-Хеламъ, громадный азіатецъ съ длиннымъ, бекасинымъ носомъ, съ глазами на выкатѣ и въ фескѣ, сидѣлъ на полу и рылся въ своемъ чемоданѣ.

— Прощу извинить за безпокойство, — началъ Куцынъ, улыбаясь. — Честь имѣю рекомендоваться: потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ Степанъ Ивановичъ Куцынъ, мѣстный городской голова. Почитаю своимъ долгомъ почтить въ лицѣ вашей персоны, такъ сказать, представителя дружественной и сосѣдственной намъ державы.

Персъ обернулся и пробормоталъ что-то на очень плохомъ французскомъ языкѣ, прозвучавшемъ какъ стукъ деревяшки о доску.

— Границы Персія, — продолжалъ Куцынъ заранѣе выученное привѣтствіе: — тѣсно соприкасаются съ предѣлами нашего обширнаго отечества, а потому взаимныя симпатіи побуждаютъ меня, такъ сказать, выразить вамъ солидарность.

Знатный персъ поднялся и опять пробормоталъ что-то на деревянномъ языкѣ. Куцынъ, не знавшій языковъ, отгнулъ головой въ знакъ того, что не понимаетъ.

«Ну, какъ я съ нимъ буду разговаривать? — подумалъ онъ. — Хорошо бы сейчасъ за переводчикомъ послать, да дѣло щекотливое, нельзя говорить при свидѣтеляхъ. Переводчикъ разболтаетъ потомъ по всему городу».

И Куцынъ сталъ вспоминать иностранныя слова, какія зналъ изъ газетъ.

— Я городской голова... — пробормоталъ онъ. — То-есть, лордъ-меръ... муниципале... Вуй? Компрене?

Онъ хотѣлъ выразить на словахъ или мимикой свое общественное положеніе и не зналъ, какъ это сдѣлать. Выручила его картина съ крупною подписью: «Городъ Венеція», висѣвшая на стѣнѣ. Онъ указалъ пальцемъ на

городъ, потомъ себѣ на голову, и такимъ образомъ, по его мѣнню, получилась фраза: «Я городской голова». Персъ ничего не понялъ, но улыбнулся и сказалъ:

— Каряшо, мусье... каряшо...

Полчаса спустя городской голова похлопывалъ перса по колену, то по плечу и говорилъ:

— Компрене? Вуй? Какъ лордъ-меръ и муниципале... я предлагаю вамъ сдѣлать маленькій променажъ... Компрене? Променажъ...

Кудынь ткнулъ пальцемъ на Венецію и двумя пальцами изобразилъ шагающія ноги. Рахатъ-Хеламъ, не спускавшій глазъ съ его медалей и, повидимому, догадываясь, что это самое важное лицо въ городѣ, понялъ слово «променажъ» и любезно осклабился. Затѣмъ оба надѣли пальто и вышли изъ номера. Внизу, около двери, ведущей въ ресторанъ «Японія», Кудынь подумалъ, что недурно было бы угостить перса. Онъ остановился и, указывая ему на столы, сказалъ:

— По русскому обычаю, не мѣшало бы тово... пюре, антрекотъ... шампанъ и прочее... Компрене?

Знатный гость понялъ и, немного погодя, оба сидѣли въ самомъ лучшемъ кабинетѣ ресторана, пили шампанское и ѣли.

— Выльемъ за процвѣтаніе Персіи!—говорилъ Кудынь.— Мы, русскіе, любимъ персовъ. Хотя мы и разной вѣры, но общіе интересы, взаимныя, такъ сказать, симпатіи... прогрессъ... Азіатскіе рынки... мирныя завоеванія, такъ сказать...

Знатный персъ ѣлъ и пилъ съ большимъ аппетитомъ. Онъ ткнулъ вилкой въ балыкъ и, восторженно мотнувъ головой, сказалъ:

— Каряшо! Бьень!

— Вамъ нравится?—обрадовался городской голова.— Бьень? Вотъ и прекрасно.—И обратившись къ лакею, онъ сказалъ:—Лука, распорядись, братецъ, послать его превосходительству въ номеръ два балыка, которые получше!

Потомъ городской голова и персидскій сановникъ побѣхали осматривать звѣринецъ. Обыватели видѣли, какъ ихъ Степанъ Ивановичъ, красный отъ шампанскаго, веселый, очень довольный, водилъ перса по главнымъ улицамъ и по базару

показывая ему достопримѣчательности города, водилъ и на каланчу.

Между прочимъ, обыватели видѣли, какъ онъ остановился около каменныхъ воротъ со львами и указаль персу сначала на льва, потомъ вверхъ, на солнце, потомъ себѣ на грудь, потомъ опять на льва и на солнце, а персъ замоталь головой, какъ бы въ знакъ согласія, и, улыбаясь, показаль свои бѣлые зубы. Вечеромъ оба сидѣли въ гостиницѣ «Лондонъ» и слушали арфистокъ, а гдѣ были ночью— неизвѣстно.

На другой день городской голова утромъ былъ въ управѣ; служащіе, очевидно, кое-что уже знали и догадывались, такъ какъ секретарь подошелъ къ нему и сказаль, насмѣшливо улыбаясь:

— У персовъ есть такой обычай: если къ вамъ пріѣзжаетъ знатный гость, то вы должны собственноручно разрѣзать для него барана.

А немного погодя, подали пакетъ, полученный по почтѣ. Городской голова распечаталь и увидѣль въ немъ карикатуру. Былъ нарисованъ Рахатъ-Хеламъ, а передъ нимъ стояль на колѣняхъ самъ городской голова и, простирая къ нему руки, говорилъ:

Въ знакъ дружбы двухъ монархій—
Россіи и Ирана,
Изъ уваженія къ вамъ, почтеннѣйшій посолъ,
Я самъ себя бѣ разрѣзать, какъ барана,
Но, извините, я—осель.

Городской голова испыталъ непріятное чувство, похожее на сосаніе подъ ложечкой, но не надолго. Въ полдень онъ опять уже былъ у знатнаго перса, опять угощаль его я, показывая ему достопримѣчательности города, опять подводилъ его къ каменнымъ воротамъ и опять указываль то на льва, то на солнце, то себѣ на грудь. Обѣдали въ «Японіи», послѣ обѣда, съ сигарами въ зубахъ, оба красивые, счастливые, опять восходили на каланчу, и городской голова, очевидно желая угостить гостя рѣдкимъ зрѣлищемъ, крикнуль сверху часовому, ходившему внизу:

— Бей тревогу!

Но тревоги не вышло, такъ какъ пожарные въ это время были въ банѣ.

Ужинали въ «Лондонѣ», а послѣ ужина персъ уѣхаль.

Провожая его, Степанъ Ивановичъ три раза поцѣловался съ нимъ, по русскому обычаю, и даже прослезился. А когда поѣздъ тронулся, онъ крикнулъ:

— Поклонитесь отъ насъ Персиі. Скажите ей, что мы ее любимъ!

Прошелъ годъ и четыре мѣсяца. Былъ сильный морозъ, градусовъ въ тридцать пять, и дулъ пронзительный вѣтеръ. Степанъ Ивановичъ ходилъ по улицѣ, распахнувши на груди шубу, и ему досадно было, что никто не попадается навстрѣчу и не видитъ на его груди «Льва и Солнца». Ходилъ онъ такъ до вечера, распахнувши шубу, очень озябъ, а ночью ворочался съ-боку-на-бокъ и никакъ не могъ уснуть.

На душѣ у него было тяжело, внутри жгло и сердце безпокойно стучало: ему хотѣлось теперь получить сербскій орденъ «Такова». Хотѣлось страстно, мучительно.

АНТРЕПРЕНЕРЪ ПОДЪ ДИВАНОМЪ.

(Закулисная исторія.)

Шель «Водевиль съ переодѣваніемъ». Клавдія Матвѣевна Дольская-Каучукова, молодая, симпатичная артистка, горячо преданная святому искусству, вѣбжала въ свою уборную и начала сбрасывать съ себя платье цыганки, чтобы въ мгновеніе ока облечься въ гусарскій костюмъ. Во избѣжаніе лишнихъ складокъ, чтобы этотъ костюмъ сидѣлъ возможно гладко и красиво, даровитая артистка рѣшила сбросить съ себя все до послѣдней нитки и надѣть его поверхъ одѣянія Евы. И вотъ, когда она раздѣлась и, пожимаясь отъ легкаго холода, стала расправлять гусарскіе рейтузы, до ея слуха донесся чей-то вздохъ. Она сдѣлала большіе глаза и прислушалась. Опять кто-то вздохнулъ и даже какъ будто прошепталъ:

— Грѣхи наши тяжкіе... Охх...

Недоумѣвающая артистка осмотрѣлась и, не увидѣвъ въ уборной ничего подозрительнаго, рѣшила заглянуть на всякій случай подъ свою единственную мебель — подъ диванъ. И что же? Подъ диваномъ она увидѣла длинную человѣческую фигуру.

— Кто здѣсь?! — вскрикнула она, въ ужасѣ отскакивая отъ дивана и прикрываясь гусарскою курткой.

— Это я... я... слышался изъ-подъ дивана дрожащій шопотъ.— Не пугайтесь, это я... Тсс!

Въ гнусавомъ шопотѣ, похожемъ на сковородное шипѣ-

нѣ, артисткѣ не трудно было узнать голосъ антрепренера Индюкова.

— Вы?!—возмутилась она, красная какъ пюнь.—Какъ... какъ вы смѣли? Это, значить, вы, старый подлецъ, все время здѣсь лежали? Этого еще не доставало!

— Матушка... голуба моя!—зашипѣлъ Индюковъ, высывая свою лысую голову изъ-подъ дивана:—не сердитесь, драгоценная! Убейте, растопчите меня, какъ змія, но не шумите! Ничего я не видѣлъ, не вижу и видѣть не желаю. Напрасно даже вы прикрываетесь, голубушка, красота моя неописанная! Выслушайте старика, одной ногой уже въ могилѣ стоящаго! Не за чѣмъ инымъ тутъ валяюсь, какъ только ради спасенія моего! Погибаю! Глядите: волосы на головѣ моей стоятъ дыбомъ! Изъ Москвы пріѣхалъ мужъ моей Глашеньки, Прындинъ. Теперь ходитъ по театру и ищетъ погибели моей. Ужасно! Вѣдь, кромѣ Глашеньки, я ему, злодѣю моему, нять тысячь долженъ!

— Мнѣ какое дѣло? Убирайтесь сію же минуту вонъ, иначе я... я не знаю, чтѣ съ вами, съ подлецомъ, сдѣлаю!

— Тсс! Душенька, тсс! На колѣняхъ прошу, ползаю! Куда же мнѣ отъ него укрыться, ежели не у васъ? Вѣдь онъ вездѣ меня найдетъ, сюда только не посмѣетъ войти! Ну, умоляю! Ну, прошу! Часа два назадъ я его видѣлъ! Стою, это, я во время перваго дѣйствія за кулисами, гляжу, а онъ идетъ изъ партера на сцену.

— Стало-быть, вы и во время драмы здѣсь валялись:—ужаснулась артистка.—И... и все видѣли?

Антрепренеръ заплакалъ:

— Дрожу! Трясусь! Матушка, трясусь! Убьетъ, проклятый! Вѣдь ужъ разъ стрѣлялъ въ меня въ Нижнемъ... Въ газетахъ писали!

— Ахъ... это, наконецъ, невыносимо! Уходите, мнѣ пора уже одѣваться и на сцену выходить! Убирайтесь, иначе я... крикну, громко расшачусь... лампой въ васъ пуцу!

— Тсс!.. Надежда вы моя... якорь спасенія! Пятьдесятъ рублей прибавки, только не гоните! Пятьдесятъ!

Артистка прикрылась кучей платья и побѣжала къ двери, чтобы крикнуть. Индюковъ поползъ за ней на колѣняхъ и схватилъ ее за ногу повыше лодыжекъ.

— Семьдесятъ нять рублей, только не гоните!—прошипѣлъ онъ, задыхаясь.—Еще полъ бенефиса прибавлю!

— Лжете!

— Накажи меня Богъ! Клянусь! Чтобъ мнѣ пи дна, ни погрышки... Полъ-бенефиса и семьдесятъ пять прибавки!

Дольская-Каучукова минуту поколебалась и отошла отъ двери.

— Вѣдь вы все врете... — сказала она плачущимъ голосомъ.

— Провались я сквозь землю! Чтобъ мнѣ царствія небснаго не было! Да развѣ я подлець какой, что ли?

— Ладно, помните же... — согласилась артистка. — Ну, пользайте подъ диванъ.

Индюковъ тяжело вздохнулъ и съ сопѣньемъ полѣзъ подъ диванъ, а Дольская-Каучукова стала быстро одѣваться. Ей было совѣстно, даже жутко отъ мысли, что въ уборной подъ диваномъ лежитъ посторонній человекъ, но сознание, что она сдѣлала уступку только въ интересахъ святаго искусства, подбодрило ее настолько, что, сбрасывая съ себя немного спустя гусарское платье, она уже не только не бранилась, но даже и посочувствовала:

— Вы тамъ выпачкаетесь, голубчикъ Кузьма Алексѣичъ! Чего я только подъ диванъ не ставлю!

Водевиль кончился. Артистку вызывали одиннадцать разъ и поднесли ей букетъ съ лентами, на которыхъ было написано: «Оставайтесь съ нами». Уходя послѣ овацій къ себѣ въ уборную, она встрѣтила за кулисами Индюкова. Запачканный, помятый и взъерошенный, антрепренеръ сіялъ и потиралъ руки отъ удовольствія.

— Ха-ха... Вообразите, голубушка! — заговорилъ онъ, подходя къ ней. — Посмѣйтесь надъ старымъ хрычомъ! Вообразите, то былъ вовсе не Прыдинъ! Ха-ха... Чортъ его возьми, длинная, рыжая борода меня съ панталыку сблала... У Прыдина тоже длинная, рыжая борода... Обознался, старый хрѣнь! Ха-ха... Напрасно только беспокоилъ васъ, красавица...

— Но вы же смотрите, помните, что мнѣ обѣщали, — сказала Дольская-Каучукова.

— Помню, помню, родная моя, но... голубушка моя, вѣдь то не Прыдинъ былъ! Мы только насчетъ Прыдина условились, а зачѣмъ я буду обѣщаніе исполнять, ежели это не Прыдинъ? Будь то Прыдинъ, ну тогда, ко-

нечно, другое дѣло, а то вѣдь, сами видите, обознался... Чудака какого-то за Прындина принялъ!

— Какъ это низко! — возмутилась актриса. — Низко! Мерзко!

— Будь это Прындинъ, конечно, вы имѣли бы полное право требовать, чтобъ я обѣщаніе исполнилъ, а то вѣдь, чортъ его знаетъ, кто онъ такой. Можетъ, онъ сапожникъ какой или, извините, портной — такъ мнѣ и платить за него? Я честный человѣкъ, матушка... Понимаю...

И отойдя, онъ все жестикулировалъ и говорилъ:

— Если бы то былъ Прындинъ, то конечно, я обязанъ, а то вѣдь кто-то неизвѣстный... какой-то, шутъ его знаеть, рыжій человѣкъ, а вовсе не Прындинъ.

ЖАЛОБНАЯ КНИГА.

Лежить она, эта книга, въ специально построенной для нея конторкѣ на станціи желѣзной дороги. Ключъ отъ конторки «хранится у станціоннаго жандарма», на дѣлѣ же никакого ключа не нужно, такъ какъ конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

«Милостивый государь! Проба пера!?»

Подъ этимъ нарисована рожица съ длиннымъ носомъ и рожками. Подъ рожицей написано:

«Ты картина, я портретъ, ты скотина, а я нѣтъ. Я — морда твоя».

«Подъѣзжая къ сеіей станціи и глядя на природу въ окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкинъ».

«Кто писалъ не знаю, а я дуракъ читаю».

«Оставилъ память начальникъ стола претензій Колозроевъ».

«Приношу начальству мою жалобу на Кондуктора Кучкина за его грубости въ отношеніи моей женѣ. Жена моя вовсе не шумѣла, а напротивъ старалась чтобъ все было тихо. А также и насчетъ жандарма Клятвина который меня грубо за плечо взялъ. Жительство имѣю въ имениіи Андрея Ивановича Ищеева который знаетъ мое поведеніе. Конторщикъ Самолучшевъ».

«Никандровъ социалистъ!»

«Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмутительнаго поступка... (зачеркнуто). Проѣзжая черезъ эту станцію, я былъ возмущенъ до глубины души слѣдующимъ... (зачеркнуто). На моихъ глазахъ произошло слѣдующее возмущеніе».

тельное происшествіе, рисующее яркими красками наши желѣзнодорожные порядки... (далѣе все зачеркнуто, кромѣ подписи). Ученикъ 7-го класса Курской гимназіи Алексѣй Зудьевъ».

«Въ ожиданіи отхода поѣзда обозрѣвалъ фізіогномію начальника станціи и остался ею весьма недоволенъ. Объявляю о семъ по линіи. Неунывающій дачникъ».

«Я знаю кто это писалъ. Это писалъ. М. Д.».

«Господа! Тельцовскій шуллеръ!»

«Жандармиха ѣздила вчера съ буфетчикомъ Костькой за рѣку. Желаемъ всего лучшаго. Не унывай, жандармъ!»

«Проѣзжая черезъ станцію и будучи голоденъ въ разсужденіи чего бы покушать я не могъ найти постной пици. Дьяконъ Духовъ».

«Лопай, что даютъ»...

«Кто найдетъ кожаный портсигаръ тотъ пушай отдасть въ кассу Андрею Егорычу».

«Такъ какъ меня прогоняютъ со службы, будто я пьянствую, то объявляю, что всѣ вы мошенники и воры. Телеграфистъ Козьмодемьянскій».

«Добродѣтелю украшайтесь».

«Катинька, я васъ люблю безумно!»

«Прошу въ жалобной книгѣ не писать постороннихъ вещей. За начальника станціи Ивановъ 7-й».

«Хоть ты и седьмой, а дуракъ».

ЛИШНИЕ ЛЮДИ.

Седьмой часть іюньскаго вечера. Отъ полустанка «Хилково» къ дачному поселку плетется толпа только-что вышедшихъ изъ поѣзда дачниковъ — все больше отцы семействъ, нагруженные кульками, портфелями и женскими картонками. Видъ у всѣхъ утомленный, голодный и злой, точно не для нихъ сіяетъ солнце и зеленѣетъ трава.

Плетется, между прочимъ, и Павелъ Матвѣевичъ Зайкинъ, членъ окружнаго суда, высокій сутуловатый человекъ, въ дешевой коломенкѣ и съ кокардой на полинялой фуражкѣ. Онъ вспотѣлъ, красенъ и сумраченъ.

— Каждый день изволите на дачу выѣзжать? — обращается къ нему дачникъ въ рыжихъ панталонахъ.

— Нѣтъ, не каждый, — угрюмо отвѣчаетъ Зайкинъ. — Жена и сынъ живутъ тутъ постоянно, а я пріѣзжаю раза два въ недѣлю. Некогда каждый день ѣздить, да и дорого.

— Это вѣрно, что дорого, — вздыхаютъ рыжіе панталоны. — Въ городѣ до вокзала не пойдешь пѣшкомъ, извозчикъ нуженъ, потомъ-съ билетъ стоитъ сорокъ двѣ копейки... газетку дорогой купишь, рюмку водки по слабости выпьешь. Все это копеечный расходъ, пустяковый, а гляди — и наберется за лѣто рублей двѣсти. Оно конечно, оно природы дороже стоитъ, не стану спорить-съ... идиллія и прочее, но вѣдь при нашемъ чиновницкомъ содержаніи, сами знаете, каждая копейка на счету. Потратишь неосторожно копеечку, а потомъ и не спишь всю ночь... Да-съ... Я, милостивый государь, не имѣю чести знать вашего имени и отчества, получаю безъ малаго двѣ тысячи въ годъ-съ, состою въ

чинѣ статскаго совѣтника, а курю табакъ второго сорта и не имѣю лишняго рубля, дабы купить себѣ минеральной воды виши, прописанной миѣ противъ печеночныхъ камней.

— Вообще мерзко,—говоритъ Зайкинъ послѣ нѣкотораго молчанія.— Я, сударь, держусь того мнѣнія, что дачную жизнь выдумали черти, да женщины. Чортомъ въ данномъ случаѣ руководила злоба, а женщиной крайнее легкомысліе. Помилуйте, это не жизнь, а каторга, адъ! Тутъ душно, жарко, дышать тяжело, а ты мыкаешься съ мѣста на мѣсто, какъ неприкаянный, и никакъ не найдешь себѣ пріюта. Тамъ, въ городѣ, ни мебели, ни прислуги... все на дачу увезли... питаешься чортъ знаетъ чѣмъ, не пьешь чаю, потому что самоваръ поставить некому, не умываешься, а пріѣдешь сюда, въ это лоно природы, изволь идти нѣшкомъ по пыли, по жарѣ... тьфу! Вы женаты?

— Да-съ... Трое дѣтокъ,—вздыхаютъ рыжіе панталоны.

— Вообще мерзко... Просто удивительно, какъ это мы еще живы.

Наконецъ, дачники доходятъ до поселка. Зайкинъ прощается съ рыжими панталонами и идетъ къ себѣ на дачу. Дома застаетъ онъ мертвую тишину. Слышно только, какъ жужжать комары, да молить о помощи муха, попавшая на обѣдъ къ пауку. Окна завѣшаны кисейными занавѣсочками, сквозь которыя краснѣютъ блекнушіе цвѣты герани. На деревянныхъ, некрашеныхъ стѣнахъ, около олеографіи, дремлютъ мухи. Въ снѣгахъ, въ кухнѣ, въ столовой—ни души. Въ комнатѣ, которая въ одно и въ тоже время называется гостиной и залой, Зайкинъ застаетъ своего сына, Петю, маленькаго, шестилѣтняго мальчика. Петя сидитъ за столомъ и, громко сопя, вытянувъ нижнюю губу, вырѣзываетъ ножницами изъ карты бубноваго валета.

— А, это ты, папа!—говоритъ онъ, не оборачиваясь.— Здравствуй!

— Здравствуй... А мать гдѣ?

— Мама? Она поѣхала съ Ольгой Кирилловной на репетицію играть театрѣ. Послѣ завтра у нихъ будетъ представленіе. И меня возьмутъ... А ты пойдешь?

— Гм!.. Когда же она вернется?

— Она говорила, что вернется вечеромъ.

— А гдѣ Наталья?

— Наталью взяла съ собой мама, чтобы она помогала

ей одѣваться во время представленія, а Акулина пошла въ лѣсъ за грибами. Папа, отчего это когда комары кусаются, то у нихъ дѣлаются животы красные?

— Не знаю... Оттого, что они сосутъ кровь. Стало-быть, никого нѣтъ дома?

— Никого. Только я одинъ дома.

Зайкинъ садится въ кресло и минуту туло глядитъ въ окно.

— Кто же намъ обѣдать подастъ?—спрашиваетъ онъ.

— Обѣдать сегодня не варили, папа! Мама думала, что ты сегодня не пріѣдешь, и не велѣла варить обѣдъ. Она съ Ольгой Кирилловной будетъ обѣдать на респетици.

— Покорнѣйше благодарю, а ты же что ѣлъ?

— Я ѣлъ молоко. Для меня купили молока на шесть копеекъ. Папа, а зачѣмъ комары сосутъ кровь?

Зайкинъ вдругъ чувствуетъ, какъ что-то тяжелое подкачивается къ его печени и начинаетъ сосать ее. Ему становится такъ досадно, обидно и горько, что онъ тяжело дышитъ и дрожитъ; ему хочется вскочить, ударить б-полъ чѣмъ-нибудь тяжелымъ и разразиться бранью, но тутъ онъ вспоминаетъ, что доктора строго запретили ему волноваться, встаетъ и, насилуя себя, начинаетъ насвистывать изъ «Гугенотовъ».

— Папа, ты умѣешь представлять въ театрѣ?—слышитъ онъ голосъ Пети

— Ахъ, не приставай ко мнѣ съ глупыми вопросами!—сердится Зайкинъ.—Присталъ, какъ банный листъ! Тебѣ уже шесть лѣтъ, а ты все такъ же глупъ, какъ и три года назадъ... Глухой, распушонный мальчишка! Къ чему, напримѣръ, ты эти карты портишь? Какъ ты смѣешь ихъ портить?

— Эти карты не твои,—говоритъ Петя, оборачиваясь.—Мнѣ Наталья ихъ дала.

— Врешь! Врешь, дрянной мальчишка!—раздражается Зайкинъ все болѣе и болѣе.—Ты всегда врешь! Высѣчь тебя нужно, свиненка этакого! Я тебѣ уши оборву!

Петя вскакиваетъ, вытягиваетъ шею и глядитъ въ упоръ на красное, гнѣвное лицо отца. Большіе глаза его сначала мигаютъ, потомъ заволакиваются влагой, и лицо мальчика кривится.

Да ты что бранишься?—визжитъ Петя.—Что ты ко

мнѣ присталь, дуракъ? Я никого не трогаю, не шалю, слушаюсь, а ты... сердисься! Ну, за что ты меня бранишь?

Мальчикъ говорить убѣдительно и такъ горько плачетъ, что Зайкину становится совѣстно.

«И правда, за что я къ нему придираюсь»,—думаетъ онъ.—Ну, будетъ... будетъ,—говоритъ онъ, трогая мальчика за плечо.—Виноватъ, Петюха... прости. Ты у меня умница, славный, я тебя люблю.

Петя утираетъ рукавомъ глаза, садится со вздохомъ на прежнее мѣсто и начинаетъ вырѣзывать даму. Зайкинъ идетъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ растягивается на диванѣ и, подложивъ руки подъ голову, задумывается. Недавнія слезы мальчика смягчили его гнѣвъ, и отъ печени мало-по-малу отлегло. Чувствуются только утомленіе и голодь.

— Папа!—слышитъ Зайкинъ за дверью.—Показать тебѣ мою насѣкомую коллекцію?

— Покажи!

Петя входитъ въ кабинетъ и подаетъ отцу длинный зеленый ящичекъ. Еще не поднося къ уху, Зайкинъ слышитъ отчаянное жужжанье и царапанье лапокъ о стѣнки ящика. Поднявъ крышку, онъ видитъ множество бабочекъ, жуковъ, кузнечиковъ и мухъ, приколотыхъ ко дну ящика булавками. Всѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ бабочекъ, еще живы и шевелятся.

— А кузнечикъ все еще живъ!—удивляется Петя.—Вчера утромъ поймали его, а онъ до сихъ поръ не умеръ!

— Кто это тебя научилъ прикалывать ихъ?—спрашиваетъ Зайкинъ.

— Ольга Кирилловна.

— Самоё бы Ольгу Кирилловну приколотъ такъ!—говоритъ Зайкинъ съ отвращеніемъ.—Унеси отсюда! Стыдно мучить животныхъ!

«Боже, какъ онъ мерзко воспитывается»,—думаетъ онъ по уходѣ Пети.

Павель Матвѣевичъ забылъ уже про утомленіе и голодь и думаетъ только о судьбѣ своего мальчика. За окнами, между тѣмъ, дневной свѣтъ мало-по-малу тускнеть... Слышится, какъ дачники компаніями возвращаются съ вечерняго купанья. Кто-то останавливается около открытаго окна столовой и кричитъ: «Грибковъ не желаете ли?»—кричитъ и, не получивъ отвѣта, шлепаетъ босыми ногами дальше... Но

вотъ, когда сумерки сгущаются до того, что герань за кисейной занавѣской теряетъ свои очертанія и въ окно начинается потягивать свѣжестью вечера, дверь въ сѣняхъ съ шумомъ открывается и слышатся быстрые шаги, говоръ, смѣхъ...

— Мама!—взвизгиваетъ Петя.

Зайкинъ выглядываетъ изъ кабинета и видитъ свою жену Надежду Степановну, здоровую, розовую, какъ всегда... Съ нею Ольга Кирилловна, сухая блондинка съ крупными веснушками, и двое какихъ-то незнакомыхъ мужчинъ: одинъ молодой, длинный, съ рыжей, курчавой головой и съ большимъ кадыкомъ, другой—низенькій, коренастый, съ бритой актерской физиономіей и сизымъ, кривымъ подбородкомъ.

— Наталья, ставь самоваръ!—кричитъ Надежда Степановна, громко шурша платьемъ.—Говорятъ, Павелъ Матвѣевичъ пріѣхалъ? Павелъ, гдѣ ты? Здравствуй, Павелъ!—говоритъ она, вбѣгая въ кабинетъ и тяжело дыша.—Ты пріѣхалъ? Очень рада... Со мной пріѣхали двое нашихъ любителей... пойдѣмъ, я тебя представлю... Вотъ тотъ, что подлиннѣй, это Коромысловъ... прекрасно постъ, а другой, этотъ маленькій... нѣкій Смеркаловъ, настоящій актеръ... читаетъ великолѣпно. Уфъ, утомилась! Сейчасъ у насъ репетиція была... Великолѣпно идетъ! Мы ставимъ «Жильца съ тромбомомъ» и «Она его ждетъ»... Послѣ завтра спектакль...

— Зачѣмъ ты ихъ привезла?—спрашиваетъ Зайкинъ.

— Необходимо, попочка! Послѣ чая намъ нужно роли повторить и прочѣтъ кое-что... Я съ Коромысловымъ дуэтъ буду пѣть... Да, какъ бы не забыть! Пошли, голубчикъ, Наталью взять сардинъ, водки, сыру и еще чего-нибудь. Они, вѣроятно, и ужинать будутъ... Охъ, устала!

— Гм!.. у меня денегъ нѣтъ!

— Пельзя же, попочка! Неловко! Не заставляй меня краснѣть!

Черезъ полчаса Наталья посылается за водкой и закуской; Зайкинъ, напившись чаю и съѣвши цѣлый французскій хлѣбъ, уходитъ въ спальню и ложится на постель, а Надежда Степановна и ея гости, шумя и смѣясь, приступаютъ къ повторенію ролей. Павелъ Матвѣевичъ долго слышитъ гнусавое чтеніе Коромылова и актерскіе возгласы Смеркалова... За чтеніемъ слѣдуетъ длинный разговоръ,

прерываемый визгливымъ смѣхомъ Ольги Кирилловны. Смеркаловъ, на правахъ настоящаго актера, съ апломбомъ и жаромъ объясняетъ роли...

Дальше слѣдуетъ дуэтъ, а за дуэтомъ звяканье посуды... Зайкинъ сквозь сонъ слышитъ, какъ уговариваютъ Смеркалова прочесть «Грѣшницу» и какъ тотъ, поломавшись, начинаетъ декламировать. Онъ шипитъ, бьетъ себя по груди, плачетъ, хохочетъ хриплымъ басомъ... Зайкинъ морщится и прячетъ голову подъ одѣяло.

— Вамъ идти далеко и темно, — слышитъ онъ часъ спустя голосъ Надежды Степановны. — Почему вамъ не остаться у насъ ночевать? Коромысловъ ляжетъ здѣсь, въ гостиной, на диванѣ, а вы, Смеркаловъ, на Петинѣ постели... Петю можно въ кабинетѣ мужа положить... Право, оставайтесь!

Наконецъ, когда часы бьютъ два, все смолкаетъ... Отворяется въ спальнѣй двери и показывается Надежда Степановна.

— Павелъ, ты спишь? — шепчетъ она.

— Нѣтъ, а что?

— Поди, голубчикъ, къ себѣ въ кабинетъ, лягъ на диванѣ, а тутъ, на твоей кровати, я Ольгу Кирилловну положу. Поди, милый! Я бы ее въ кабинетѣ положила, да она боится спать одной... Вставай же!

Зайкинъ поднимается, накидываетъ на себя халатъ и, взявши подушку, плетется въ кабинетъ... Дойдя ощупью до своего дивана, онъ зажигаетъ спичку и видитъ: на диванѣ лежитъ Петя. Мальчикъ не спитъ и большими глазами глядитъ на спичку.

— Папа, отчего это комары не спятъ ночью? — спрашиваетъ онъ.

— Оттого... оттого, — бормочетъ Зайкинъ: — оттого, что мы здѣсь съ тобой лишніе... Даже спать негдѣ!

— Папа, а отчего это на лицѣ у Ольги Кирилловны веснушки?

— Ахъ, отстань! Надоѣлъ!

Подумавъ немного, Зайкинъ одѣвается и выходитъ на улицу освѣжиться... Онъ глядитъ на сѣрое утреннее небо, на неподвижныя облака, слушаетъ лѣнивый крикъ соннаго коростеля и начинаетъ мечтать о завтрашнемъ днѣ, когда онъ, поѣхавъ въ городъ и вернувшись изъ суда, завалится

снять... Вдругъ изъ-за угла показывается человѣческая фигура.

«Сторожъ, должно-быть»,—думаетъ Зайкинъ.

Но, взглядывшись и подойдя поближе, онъ узнаетъ въ фигурѣ вчерашняго дачника въ рыжихъ панталонахъ.

— Вы не спите?—спрашиваетъ онъ.

— Да, не спится что-то...—вздыхаютъ рыжіе панталоны.—Природой наслаждаюсь... Ко мнѣ, знаете ли, прѣхала съ ночнымъ поѣздомъ дорогая гостья... мамаша моей жены. Съ нею прибыли мои племянницы... прекрасныя девушки. Весьма радъ, хотя и... очень сыро! А вы тоже изволите природой наслаждаться?

— Да,—мычитъ Зайкинъ:—и я тоже природой... Не знаете ли, нѣтъ ли тутъ гдѣ-нибудь поблизости какого-нибудь кабака или трактирчика?

Рыжіе панталоны поднимаютъ глаза къ небу и глубоко-мысленно задумываются...

СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

— Ребята, пустите съ дороги, старшина съ писаремъ идетъ!

— Герасиму Алпатычу, съ праздникомъ!— гудить толпа навстрѣчу старшинѣ.— Дай Богъ, чтобъ, значить, Герасимъ Алпатычъ, не вамъ, не намъ, а какъ Богу угодно.

Подгулявшій старшина хочетъ что-то сказать, но не можетъ. Онъ неопредѣленно шевелить пальцами, пучить глаза и надуваетъ свои красныя, опухшія щеки съ такой силой, какъ будто беретъ самую высокую ноту на большой трубѣ. Писарь, маленькій, куцый человѣкъ съ краснымъ носикомъ и въ жокейскомъ картузѣ, придаетъ своему лицу энергическое выраженіе и входитъ въ толпу.

— Который тутъ утопъ?— спрашиваетъ онъ.— Гдѣ утопльйй человѣкъ?

— Вотъ этотъ самый!

Длинный, тошій старикъ, въ синей рубахѣ и лаптяхъ, только-что вытасенный мужиками изъ воды и мокрый съ головы до пятъ, разставивъ руки и разбросавъ въ стороны ноги, сидитъ у берега на лужѣ и лепечетъ:

— Святители-угодники... братцы православные... Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда... Двухъ сыновъ подѣлить, а самъ у Прохора Сергѣева... въ интукатурахъ. Таперича, это самое, стало-быть, даетъ мнѣ семь рублей и говоритъ: «Ты, говоритъ, Ѳедя, долженъ теперича, говоритъ, почитать меня замѣсто родителя». Ахъ, волкъ-те заѣшь!

— Ты откуда?—спрашивает писарь.

— Замѣсто, говоритъ, родителя... Ахъ, волкъ-те заѣшь!
Это за семь-то рублей?

— Вотъ этакъ лопочеть и самъ не знаетъ по-каковски,— кричить сотскій Анисимъ не своимъ голосомъ, мокрый по поясъ и видимо встревоженный происшествіемъ.— Дай я тебѣ объясню, Егоръ Макарычъ! Ребята, постой, не галди! Я желаю все какъ есть Егору Макарычу... Идетъ онъ, значить, изъ Курнева... Да погоди, ребята, не болтай зря! Идетъ онъ, значить, изъ Курнева, и понесла его нелегкая бродомъ. Человѣкъ, значить, выпивши, не въ своемъ умѣ, полѣзь сдуру въ воду, а его съ ногъ сшибло и зачало вертѣтъ, какъ щенку. Кричить благимъ матомъ, а тутъ я съ Ляксандрой... Чего такое? По какому случаю человѣкъ кричитъ? Видимъ, тонеть... Что тутъ дѣлать? Бросай, кричу, Ляксандра, къ шуту гармонию, мужика спасать! Лѣземъ прямо, какъ есть, а тамъ вертеть и крутить, вертеть и крутить—спаси, Царица Небесная! Попали въ самую вертячую... Онъ его за рубаху, я за волосы. Тутъ прочій народъ, который увидѣлъ, бѣжить на берегъ, крикъ подняли... каждому спасать душу желается... Замучилась, Егоръ Макарычъ! Не подоспѣй мы во-время, совсѣмъ бы утопъ ради праздника...

— Какъ тебя звать?—спрашивает писарь утопленника.—Какого происхожденія?

Тотъ безмысленно поводитъ глазами и молчить.

— Очумѣлъ!—говоритъ Анисимъ.— И какъ не очумѣтъ? Почитай, полное брюхо воды. Милый человѣкъ, какъ тебя звать? Молчить! Какая въ немъ жизнь? Видимость одна, а душа небось наполовину вышла... Экое горе ради праздника! Что тутъ прикажешь дѣлать? Помретъ, чего добраго... Погляди, какъ рожа-то посинѣла!

— Послушай, ты!—кричитъ писарь, треня утопленника за плечо.—Ты! Отвѣчай, тебѣ говорю! Какого ты происхожденія? Молчишь, словно тебѣ весь мозухъ въ головѣ водой залило. Ты!

— Это за семь-то рублей?—бормочетъ утопленникъ.— Поди ты, говорю, къ псу... Мы не желаемъ...

— Чего ты не желаешь? Отвѣчай явственно!

Утопленникъ молчитъ и, дряжа всѣмъ тѣломъ отъ холода, стучитъ зубами.

— Одно только званіе, что живой,—говоритъ Анисимъ:— а поглядѣть, такъ и на человѣка не похожъ. Капель бы ему какихъ...

— Капель... — передразниваетъ писарь. — Какія тутъ капли? Человѣкъ утопъ, а онъ—капли! Откачивать надо! Что рта поразѣвали? Народъ безчувственный! Бѣгите скорѣй въ волостное за рогожей, да качайте!

Нѣсколько человѣкъ срываются съ мѣста и бѣгутъ къ деревнѣ за рогожей. На писаря находятъ вдохновеніе. Онъ засучиваетъ рукава, потираетъ ладонями бока и дѣлаетъ массу мелкихъ тѣлодвиженій, свидѣтельствующихъ объ избыткѣ энергіи и рѣшимости.

— Не толпитесь, не толпитесь,—бормочетъ онъ.— Которые лишніе, уходите! Поѣхали за урядникомъ? А вы бы уходили, Герасимъ Алпатычъ,—обращается онъ къ старшинѣ.— Вы назююкались, и въ нашемъ интересномъ положеніи самое лучшее теперь сидѣть дома.

Старшина неопредѣленно шевелитъ пальцами и, желая что-то сказать, такъ надуваетъ лицо, что оно, того и гляди, лопнетъ и разлетится во всѣ стороны.

— Ну, клади его,—кричитъ писарь, когда приносятъ рогожу.— Берите за руки и за ноги. Вотъ такъ. Теперь кладите.

— Поди ты, говорю, къ псу,—бормочетъ утопленникъ, не сопротивляясь и какъ бы не замѣчая, что его поднимаютъ и кладутъ на рогожу.— Мы не желаемъ.

— Ничего, ничего, другъ,—говоритъ ему писарь:— не пужайся. Мы тебя малость покачаемъ и, Богъ дастъ, придешь въ чувство. Сейчасъ пріѣдетъ урядникъ и составитъ протоколъ на основаніи существующихъ законовъ. Качай! Господи благослови!

Восемь дюжихъ мужиковъ, въ томъ числѣ и сотскій Анисимъ, берутся за углы рогожи; сначала они качаютъ нерѣшительно, какъ бы не вѣря въ свои силы, потомъ же, войдя мало-по-малу во вкусъ, придаютъ своимъ лицамъ звѣрское, сосредоточенное выраженіе и качаютъ съ жадностью и съ азартомъ. Они вытягиваются, становятся на цыпочки, подпрыгиваютъ, точно хотятъ вмѣстѣ съ утопленникомъ взлетѣть на небо.

— Разъ! разъ! разъ! разъ!

Вокругъ нихъ бѣгаетъ будущій писарь и, вытягиваясь изо

всѣхъ силъ, чтобы достать руками погожку, кричить не своимъ голосомъ:

— Шибче! Шибче! Всѣ сразу, въ тактъ! Разъ! Разъ! Анисимъ, не отставай, прошу тебя убѣдительно! Разъ!

Во время короткой передышки изъ рогожи показываются всклокоченная голова и блѣдное лицо съ выраженіемъ недоумѣнія, ужаса и физической боли, но тотчасъ исчезаютъ, потому что рогожа вновь летитъ вверхъ направо, стремительно опускается внизъ и съ трескомъ взлетаетъ вверхъ налѣво. Толпа зрителей издастъ одобрительные звуки:

— Такъ его! Потрудитесь для души! Спасибо!

— Молодчина, Егоръ Макарычъ! Потрудись для души,— это правильно!

— А ужъ мы его, братцы, такъ не отпустимъ! Какъ, значить, станеть на ноги, въ умъ прійдетъ,— ставъ ведро за труды!

— Ахъ, въ ротъ-те дышло съ макомъ! Глядика-сь, братцы, шмелевская барыня съ приказчикомъ ѣдетъ. Такъ и есть. Приказчикъ въ шляпѣ.

Около толпы останавливается коляска, въ которой сидитъ полная, пожилая дама, въ ринсе-пез и съ пестрымъ зонтикомъ; спиной къ ней, на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидитъ приказчикъ — молодой человѣкъ, въ соломенной шляпѣ. У барыни лицо испугано.

— Что такое?—спрашиваетъ она.—Что это дѣлаютъ?

— Утоплаго человѣка откачиваемъ! Съ праздникомъ! Маленько выпивши, потому собственно такое дѣло—нынче поперекъ всей деревни съ образами ходили! Праздникъ!

— Боже мой!—ужасается барыня.—Они утопленника откачиваютъ! Что же это такое? Этьенъ,—обращается она къ приказчику:—подите, ради Бога, скажите имъ, чтобы они не смѣли этого дѣлать. Они уморятъ его! Откачивать—это предразсудокъ! Нужно растирать и искусственное дыханіе. Идите, я васъ прошу!

Этьенъ прыгаетъ съ козелъ и направляется къ качающимъ. Видъ у него строгій.

— Что вы дѣлаете?—кричитъ онъ сердито.—Нешто можно человѣка откачивать?

— А то какъ же его?—спрашиваетъ писарь.—Вѣдь онъ утопльмй!

— Такъ что дѣл, что утопльмй? Обмершихъ отъ утонутія

надо не откачивать, а растирать. Такъ въ каждомъ календарѣ написано. Будетъ вамъ, бросьте!

Писарь конфузливо пожимаетъ плечами и отходитъ въ сторону. Качающіе кладутъ рогожу на землю и удивленно глядятъ то на барыню, то на Этьена. Утопленникъ уже съ закрытыми глазами лежитъ на спинѣ и тяжело дышитъ.

— Пьяницы!—сердится Этьень.

— Милый человѣкъ!—говоритъ Анисимъ, запыхавшись и прижимая руку къ сердцу.—Степанъ Иванычъ! Зачѣмъ такія слова? Нешто мы свиньи, не понимаемъ?

— Не смѣй качать! Растирать нужно! Берите его, растирайте! Раздѣвайте скорѣй!

— Ребята, растирать!

Утопленника раздѣваютъ и подъ руководствомъ Этьена начинаютъ растирать. Барыня, не желающая видѣть голого мужика, отбѣзжаетъ поодаль.

— Этьень!—стонетъ она.—Этьень! Подите сюда! Вы знаете, какъ дѣлается искусственное дыханіе? Нужно переворачивать съ-боку-на-бокъ и давить грудь и животъ.

— Поворачивайте его съ-боку-на-бокъ!—говоритъ Этьень, возвращаясь отъ барыни къ толпѣ.—Да животъ ему давите, только полегче.

Писарь, которому послѣ кипучей, энергической дѣятельности становится какъ-то не по себѣ, подходитъ къ утопленнику и тоже принимается растирать.

— Старайтесь, братцы, убѣдительно васъ прошу!—говоритъ онъ.—Убѣдительно васъ прошу!

— Этьень!—стонетъ барыня.—Подите сюда! Давайте ему нюхать жженныя перья и щекочите... Велите щекотать! Скорѣй, ради Бога!

Проходить пять, десять минутъ... Барыня глядитъ на толпу и видитъ внутри ея сильное движеніе. Слышно, какъ пыхтятъ работающіе мужики и какъ распоряжаются Этьень и писарь. Пахнетъ жжеными перьями и спиртомъ. Проходитъ еще десять минутъ, а работа все продолжается. Но вотъ, наконецъ, толпа разступается и изъ нея выходитъ красный и вспотѣвшій Этьень. За нимъ идетъ Анисимъ.

— Надо было бы съ самаго начала растирать,—говоритъ Этьень.—Теперь ужъ ничего не подѣлаешь.

— Гдѣ ужъ тутъ подѣлать, Степанъ Иванычъ!—вздыхаетъ Анисимъ.—Поздно захватили!

— Ну, что?—спрашиваетъ барыня.—Живъ?

— Нѣтъ, померъ, царство ему небесное,—вздыхаетъ Ани-симъ, крестясь.—О ту пору, какъ изъ воды вытанили, движимость въ немъ была и глаза раскрывши, а теперича закоченѣлъ весь.

— Какъ жаль!

— Значить, планида ему такая, чтобъ не на сунѣ, а тѣ водѣ смерть принять. На чаекъ бы съ вашей милости!

Этьень вскакиваетъ на козла, и кучеръ, оглянувшись на толпу, которая сторонится отъ мертвого тѣла, бьетъ по лоша-дямъ. Коляска катитъ дальше.

ЗАГАДОЧНАЯ НАТУРА.

Купе перваго класса.

На диванѣ, обитомъ малиновымъ бархатомъ, полулежитъ хорошенькая дамочка. Дорогой бахромчатый вѣеръ трещитъ въ ея судорожно сжатой рукѣ, рiрсе-pez то и дѣло спадаетъ съ ея хорошенькаго носика, брошка на груди то поднимается, то опускается, точно ладья среди волнъ. Она взволнована... Противъ нея на диванчикѣ сидитъ губернаторскій чиновникъ особыхъ порученій, молодой начинающій писатель, помѣщающій въ губернскихъ вѣдомостяхъ небольшіе рассказы или, какъ самъ онъ называетъ, «новеллы» — изъ великосвѣтской жизни... Онъ глядитъ ей въ лицо, глядитъ въ упоръ, съ видомъ знатока. Онъ наблюдаетъ, изучаетъ, улавливаетъ эту эксцентрическую, загадочную натуру, понимаетъ ее, постигаетъ... Душа ея, вся ея психологія у него какъ на ладони.

— О, я постигаю васъ! — говоритъ чиновникъ особыхъ порученій, цѣлуя ея руку около браслета. — Ваша чуткая, отзывчивая душа ищетъ выхода изъ лабиринта... Да! Борьба страшная, чудовищная, но... не унывайте! Вы будете побѣдительницей! Да!

— Опишите меня, Вольдемаръ! — говоритъ дамочка, грустно улыбаясь. — Жизнь моя такъ полна, такъ разнообразна, такъ пестра... Но главное — я несчастна! Я страдала во вкусъ Достоевскаго... Покажите міру мою душу, Вольдемаръ, покажите эту бѣдную душу! Вы — психологъ.

Не прошло и часа, какъ мы сидимъ въ куше и говоримъ, а вы уже постигли меня всю, всю!

— Говорите! Умоляю васъ, говорите!

— Слушайте. Родилась я въ бѣдной чиновничьей семьѣ. Отецъ добрый малый, умный, но... духъ времени и среды... vous comprenez, я не виню моего бѣднаго отца. Онъ шилъ, игралъ въ карты... бралъ взятки... Мать же... Да что говорить! Нужда, борьба за кусокъ хлѣба, сознание ничтожества... Ахъ, не заставляйте меня вспоминать! Мнѣ нужно было самой пробивать себѣ путь... Уродливое институтское воспитаніе, чтеніе глухихъ романовъ, ошибки молодости, первая робкая любовь... А борьба со средой? Ужасно! А сомнѣнія? А муки зарождающагося невѣрія въ жизнь, въ себя?.. Ахъ! Вы писатель и знаете насъ, женщинъ. Вы поймете... Къ несчастью, я надѣлена широкой натурой... Я ждала счастья, и какого! Я жаждала быть человѣкомъ! Да! Быть человѣкомъ—въ этомъ я видѣла свое счастье!

— Чудная!—лепечетъ писатель, цѣлуя руку около браслета.—Не васъ цѣлую, дивная, а страдающаго человѣческаго! Помните Раскольниковъ? Онъ такъ цѣловалъ.

— О, Вольдемаръ! Мнѣ нужна была слава... шумъ, блескъ, какъ для всякой—къ чему скромничать?—недюжинной натуры. Я жаждала чего-то необыкновеннаго... не женскаго! И вотъ... И вотъ... подвернулся на моемъ пути богатый старикъ-генералъ... Поймите меня, Вольдемаръ! Въдъ это было самопожертвованіе, самоотреченіе, поймите вы! Я не могла поступить иначе. Я обогатила семью, стала путешествовать, дѣлать добро... А какъ я страдала, какъ невыносимы, неизменно-пошлы были для меня объятія этого генерала, хотѣ, надо отдать ему справедливость, въ свое время онъ храбро сражался. Бывали минуты... ужасныя минуты! Но меня подкрѣпляла мысль, что старикъ не сегодня—завтра умереть, что я стану жить, какъ хотѣла, отдамъ любимому человѣку, буду счастлива... А у меня есть такой человѣкъ. Вольдемаръ! Видитъ Богъ, есть!

Дамочка усиленно машетъ вѣеромъ. Лицо ея принимаетъ плачущее выраженіе

— Но вотъ старикъ умеръ... Мнѣ онъ оставилъ кое-что, я свободна, какъ птица. Теперь-то и жить мнѣ счастливо... Не правда ли, Вольдемаръ? Счастье стучится ко мнѣ въ окно. Стоитъ только впустить его, но... нѣтъ! Вольдемаръ,

слушайте, заклинаю вас! Теперь-то и отдаться любимому человеку, сдѣлаться его подругой, помощницей, носительницей его идеаловъ, быть счастливой... отдохнуть... Но какъ все пошло, гадко и глупо на этомъ свѣтѣ! Какъ все подло, Вольдемаръ! Я несчастна, несчастна, несчастна! На моемъ пути опять стоитъ препятствіе! Опять я чувствую, что счастье мое далеко, далеко! Ахъ, сколько мукъ, если бъ вы знали! Сколько мукъ!

— Но что же? Что стало на вашемъ пути? Умоляю васъ, говорите! Что же?

— Другой богатый старикъ...

Изломанный вѣеръ закрываетъ хорошенькое личико. Писатель подпираетъ кулакомъ свою многодумную голову, вздыхаетъ и съ видомъ знатока-психолога задумывается. Локомотивъ свищетъ и шикаетъ, краснѣютъ отъ заходящаго солнца оконныя занавѣсочки...

Оглавленіе

I ТОМА.

	стр.		стр.
Въ банѣ	5	Счастливычкъ	119
Сирена	13	Средство отъ запоя	124
Толстый и тонкій	19	Житейскія невзгоды	130
Женское счастье	21	Дорогая собака	134
Альбомъ	25	Не въ духѣ	137
Случай съ классикомъ	28	Надежащія мѣры	139
Странная ночь	31	Первый любовникъ	143
Чтеніе	38	Хорошій конецъ	148
Въ потемкахъ	42	Много бумаги. (Архивное изысканіе.)	153
Аптекарьша	47	Справка	156
Ораторъ	53	Знакомый мужчина	159
Романъ съ контрабасомъ	57	Изъ дневника похощника бухгалтера	163
Бракъ по расчету. (Романъ въ 2-хъ частяхъ.)	63	Злой мальчикъ	165
Ночь передъ судомъ. (Раз- сказъ подсудимаго).	68	То была она!	168
Дачники	74	Интриги	173
Броженіе умовъ. (Изъ дѣто- ниси одного города.)	76	Въ почтовомъ отдѣленіи	178
Сонная одурь	80	Мужъ	180
Тайна	84	Въ номерахъ	185
Мститель	89	Гриша	188
Заблудшіе	94	Необыкновенный	192
Репетиторъ	98	Левъ и солнце	197
Симулянты	101	Антрепренеръ подъ дива- номъ. (Закулисная исто- рія.)	202
Господа обыватели. (Пьеса въ двухъ дѣйствіяхъ.)	105	Жалобная книга	206
Отецъ семейства	109	Лишніе люди	203
Неудача	113	Скорая помощь	215
Экзамень на чинъ	115	Загадочная натура	221

F

24.113/
1-2